

*К 200-летию со дня основания
Иоанно-Предтеченского скита
при Оптиной пустыни*

ОПТИНА
ПУСТЫНЬ

Филаретъ Митрополитъ Киевскій.

Святитель Филарет (Амфитеатров),
митрополит Киевский и Галицкий.

Литография с автографом святителя Филарета.
Середина XIX века. *Российская государственная
библиотека*

Святитель
Филарет Киевский
и
ОПТИНСКИЙ СКИТ

СБОРНИК

Введенский ставропигиальный мужской монастырь
ОПТИНА ПУСТЫНЬ

2022

УДК 271.22-36
ББК 86.372.24-3
С259

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС*

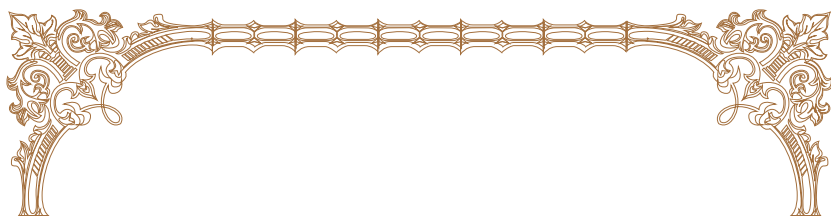
**Святитель Филарет Киевский и оптинский
С259 скит : сборник** / Сост. и авт. вступ. статьи еп. Леонид
(Толмачев). – Козельск : Введенский ставропигиаль-
ный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2022. –
336 с. : ил.

Аннотация.

УДК 271.22-36
ББК 86.372.24-3

ISBN 978-5-86594-298-6

© Епископ Леонид (Толмачев), составление,
вступ. статья, 2022
© Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптиная пустынь, макет, оформ-
ление, 2022

Содержание

От составителя	7
----------------------	---

МОНАХ ЛАЗАРЬ (АФАНАСЬЕВ).

**НЕБЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК: СЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ
(АМФИТЕАТРОВ; 1779–1857), МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ
И ГАЛИЦКИЙ, В СХИМЕ ФЕОДОСИЙ**

Глава 1	23
Глава 2	36
Глава 3	45
Глава 4	53
Глава 5	77
Глава 6	87
Глава 7	107
Глава 8	119
Глава 9	131
Глава 10	148
Глава 11	163
Вместо послесловия	171
Библиография	173

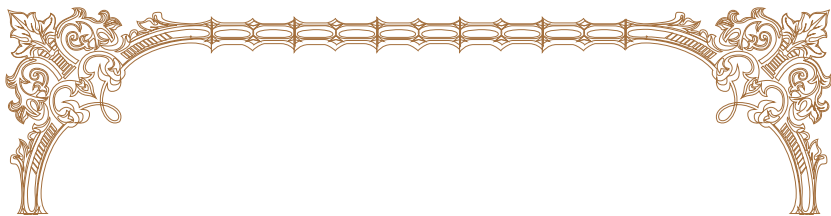
АРХИМАНДРИТ ЛЕОНИД (КАВЕЛИН).

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СКИТА ВО ИМЯ СЯТОГО
ИОАННА ПРЕДТЕЧИ ГОСПОДНЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ ПРИ
КОЗЕЛЬСКОЙ ВВЕДЕНСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ**

I. Основание скита.....	179
II. Построение и устройство скита.....	194
1821–1825	194
1825–1839.....	200
1839–1860.....	202
III. Вид скита и обозрение скитской церкви	215
IV. Замечательные рукописи и книги	245
V. Скитское кладбище	257
VI. Устав скитский	263

ПИСЬМА

Письма святителя Филарета (Амфитеатрова)	271
Строителю Калужской Оптиной пустыни игумену Дани- илу (Кушневу)	271
Схимонаху Вассиану (Гаврилову)	288
Обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голи- цыну	290
Архимандриту Мелхиседеку (Короткому)	291
Строителю отцу Моисею (Путилову)	292
Письма святителю Филарету (Амфитеатрову)	294
Настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Моисея (Путилова)	294
Старца иеросхимонаха Макария (Иванова)	313
Примечания	315

От составителя

В истории Оптиной пустыни, по преданию, существовавшей до XV века, прослеживается несколько знаменательных благоприятных периодов расцвета, когда на обитель обращали свое внимание видные иерархи Русской Православной Церкви – любители «монашеского жития»: сначала митрополит Московский и Калужский Платон (Левшин), а затем епископ Калужский и Боровский Филарет (Амфитеатров), впоследствии митрополит Киевский.

Как известно, в XVIII столетии многие российские монастыри приходили в упадок, и Оптина пустынь не стала исключением. Однако обитель ожидало возрождение благодаря благосклонному вниманию к ней митрополита Московского и Калужского Платона, который назначил в нее в 1796 году из Николо-Пешношского монастыря нового деятельного управителя – иеромонаха Авраамия († 1817), оказавшегося не только талантливым администратором, активным строителем, но вместе с тем опытным и искусным иноком. Он смог возродить обитель и вдохнуть в нее

новую жизнь: организовать в монастыре строгий порядок, обновить ветхие строения, значительно расширить вверенное ему хозяйство. Увеличившиеся пожертвования местных жителей позволили начать новое строительство. Но главное, что смог совершить отец Авраамий, – своим личным примером создать в обители особую атмосферу нестяжательной, истинно монашеской жизни, чем расположил к себе братию и снискал уважение у местного населения. Оптиной пустыни удалось не только возродиться, но и стать впоследствии настоящим духовным центром, привлекающим множество людей совершенно разного положения и рода занятий.

Действительно, в период настоятельства игумена Авраамия был заложен прочный фундамент для очередного расцвета и возвышения обители, произошедшего уже благодаря епископу Калужскому Филарету, который покровительствовал Оптиной пустыни и инициировал появление и развитие в ней старчества. По его благословению в 1821 году в лесу около обители был основан скит в честь святого пророка Иоанна Предтечи. Его обустройство владыка доверил специально для этого приглашенным монахам-отшельникам из рославльских лесов, являвшимся продолжателями традиции непрестанной молитвы, заложенной преподобным молдавским старцем Паисием (Величковским). В числе прибывших отшельников были два родных брата – будущие преподобные Моисей и Антоний (Путиловы). Впоследствии отец Моисей стал настоятелем обители, а его брат – скитона начальником.

Архимандриту Моисею, долгое время бывшему отшельником в лесах близ города Рославля, удалось установить должное благочиние церковного богослужения. В годы его настоятельства (1825–1862) число братии монастыря превысило 100 человек. В 1829 году в Оптиной пустыни зародилось старчество – тогда в обители поселился иеросхимонах Лев (Наголкин), а спустя пять лет, в 1834 году, к нему присоединился иеромонах Макарий (Иванов), впоследствии ставший почитаемым старцем. Так старчество просуществовало преемственно почти сто лет, до 1928 года.

Третий большой расцвет Оптиной пустыни (ее возрождение из руин после закрытия монашеских обителей в 20-х годах XX века) начался с 1987 года, когда монастырь после многих лет запустения был передан Русской Православной Церкви. С этого времени началось восстановление внешнего вида и возвращение обители к ее историческому и духовному наследию. Годы безбожной власти миновали, и 3 июня 1988 года в Оптиной пустыни впервые после многолетнего перерыва была торжественно отслужена первая Божественная литургия. В этом же году Поместный Собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых преподобного Амвросия Оптинского. Летом 1996 года в лике местночтимых святых были прославлены преподобные отцы и старцы: Лев, Макарий, Моисей, Антоний, Иларион, Анатолий старший (Зерцалов), Исаакий (Антимонов), Иосиф, Варсонофий, Анатолий младший (Потапов), Нектарий,

Никон исповедник и преподобномученик Исаакий (Бобраков). Через четыре года Юбилейный Архиерейский Собор прославил их для общероссийского почитания. Позже Русской Православной Церковью были прославлены в лике новомучеников и исповедников 18 человек из числа оптинской братии, пострадавших в годы репрессий XX века. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в 2016 году было установлено празднование Собору всех святых, в Оптиной пустыни просиявших, куда вошли 32 прославленных имени, из них: 14 преподобных, 16 новомучеников и 2 исповедника.

Со времени возвращения Оптиной пустыни Русской Церкви в конце 1980-х годов были осуществлены колоссальные труды: заложен прочный фундамент для создания условий строго монашеского жития, для стройного и благоговейного богослужения, для строительства и реставрации монастырских зданий, для создания условий встречи и приема потока паломников. Возобновилась монашеская жизнь в Иоанно-Предтеченском скиту Оптиной пустыни, который по праву почитался «сердцем самой обители», откуда возросли многие Оптинские старцы. Именно благодаря старцам скита монастырь получил известность в XIX веке и сейчас привлекает внимание многих богомольцев.

Предтеченский скит моложе самой обители, но и он уже имеет свою долгую и достойную двухсотлетнюю историю. 17/30 июня 1821 года на плане скита, составленном настоятелем Оптиной пустыни игуменом Даниилом (Кушневым) и отцом Моисеем, было

написано рукой епископа Калужского Филарета: «По сему начертанию строить скит да благословит Господь Бог и благодатью Своею да поможет совершить!» Основанный скит давал возможность более строгой безмолвной иноческой жизни, духовно укрепляя не только его насельников, но и саму Оптинскую обитель.

В 2021 году Иоанно-Предтеченскому скиту исполняется 200 лет. Этой значимой юбилейной дате посвящен настоящий сборник, состоящий из жизнеописания святителя Киевского Филарета (Амфитеатрова), исторического описания Иоанно-Предтеченского скита, писем владыки к настоятелю Оптиной пустыни и ее насельникам, а также их ответных писем к нему.

В первую часть сборника входит жизнеописание святителя Филарета, митрополита Киевского, составленное монахом Лазарем (Афанасьевым) в 2003 году, которое раскрывает читателю личность монахолобивого владыки-подвижника, всю жизнь искавшего уединения для общения с Богом в молитве.

Во вторую часть сборника входит историческое описание Иоанно-Предтеченского скита, составленное Львом Александровичем Кавелиным, впоследствии оптинским иеромонахом Леонидом, скончавшимся наместником Троице-Сергиевой лавры в сане архимандрита. Первое издание о ските Оптиной пустыни было опубликовано им в 1847 году*, он подготовил его

* *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита святого Иоанна Предтечи : в 2 ч. Ч. II. СПб., 1847.

будучи еще на военной службе в Ораниенбауме под Санкт-Петербургом, но приезжая в обитель для духовного окормления у старцев. В письме старца Макария от 13 апреля 1846 года к Л.А. Кавелину есть упоминание о том, что историческое описание скита автор хотел посвятить митрополиту Киевскому Филарету (Амфитеатрову) как его основателю*. Неизвестно, были ли предприняты попытки к согласованию по этому намерению, но при выходе книги в 1847 году никакого указания на посвящение не было. Однако в воспоминаниях сохранилось, что Л.А. Кавелин от святителя Филарета в знак благодарности за преподнесение ему исторического описания Оптиной пустыни и ее скита получил икону преподобного Антония Печерского в серебряном окладе**.

Второе описание скита было выпущено уже в 1862 году***, когда автор, находясь в числе насельников, доработал книгу, пополнив ее новыми сведениями. Отцом Леонидом было подробно описано возникновение скита при Оптиной пустыни в 1821 году и его существование до кончины преподобного старца Макария в 1860 году. К исторической канве им добавлено описание скита его времени (местности, храма, ризницы и библиотеки) – настолько подробное

* ОР РГБ. Ф. 148. К. 7. Ед. хр. 5. Л. 2 об.

** Эта икона хранилась у О.А. Кавелиной (*Кравченко М.* Архимандрит Леонид (Кавелин) : жизнь и деятельность : дисс. на соиск. уч. ст. канд. богословия. Сергиев Посад, 1998. С. 27).

*** *Леонид (Кавелин)*, и[срм]. Историческое описание скита во имя св. Иоанна Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. 2-е изд. СПб., 1862.

и обстоятельное, что позволяет воочию представить устройство и облик скита в середине XIX столетия. В сборнике публикуется издание 1862 года, но с опущением главы «Замечательные старцы, жившие в скиту» – жизнеописания преподобного Льва Оптинского с его письмами и жизнеописания скитских подвижников, поскольку данные материалы уже переиздавались в более полной форме*.

В третью часть сборника вошли письма самого святителя Киевского Филарета в Оптину пустынь и письма ему от настоятеля и насельников. Приоритетной темой переписки тогда еще Калужского епископа с настоятелем Оптиной пустыни игуменом Даниилом и с рославльскими подвижниками-пустынниками являлось устройство Иоанно-Предтеченского скита при обители. Часть из первых писем святителя Филарета были помещены отцом Леонидом в составленном им историческом описании скита, а остальные письма были опубликованы уже после смерти владыки в Полтавских епархиальных ведомостях в 1865–1866 годах архиепископом Полтавским Иоанном (Петиним), который с 1852 по 1862 год был наместником Киево-Печерской лавры и смог их сохранить.

В архивных фондах были выявлены копии писем святителя Филарета обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голицыну и архимандриту

* Письма Оптинского старца Льва к монаху Иоанникию. Козельск, 2002; Жизнеописания почивших скитян : (Скитское кладбище в Оптиной пустыни). Козельск, 2016; *Агапит (Беловидов), схиархим.* Житие Оптинского старца Льва. Козельск, 2017.

Мелхиседеку (Короткому). Обнаружено и достаточное число поздравительных писем настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Моисея святителю Филарету, тогда уже митрополиту Киевскому (также в основном сохранившихся в копиях), и копия благодарственного письма преподобного старца Макария с извещением владыки о получении комплекта богослужебных книг для Предтеченского скита. Все они полностью помещаются в данном сборнике как свидетельство непрерываемого общения святителя Филарета с настоятелем Оптиной пустыни и ее насельниками. Эта переписка важна тем, что она зримо демонстрирует неустанное попечение приснопамятного владыки о ските Оптиной пустыни, проявляемое им не только во время его управления Калужской епархией, но и позднее, когда он пребывал в высоком сане Киевского митрополита.

В публикуемых в настоящем издании историческом описании Предтеченского скита, письмах святителя Филарета и ответных письмах к нему раскрыты сокращения и даны затекстовые примечания с пояснениями и краткими биографическими сведениями о первых насельниках, в основном почерпнутые из биографического справочника*. Тексты приводятся по правилам современной орфографии и пунктуации, однако некоторые слова, бытовавшие во время написания, оставлены в соответствии с рукописями.

* Насельники Оптиной пустыни XVII–XX веков : биографический справочник / сост., вступ. ст. иером. Платона (Рожкова). Козельск, 2017.

В дополнение к письмам, представленным в настоящем сборнике, необходимо упомянуть о письмах святителя Филарета (тогда уже правящего архиерея в других епархиях) где встречаются упоминания об Оптиной пустыни. Так, в письме святителю Московскому Филарету (Дроздову) от 8 августа 1825 года владыка, будучи уже Рязанским архиереем, писал: «Никогда я не был так виноват пред вашим Высокопреосвященством, как ныне. Но покройте вину молчания моего вашею благодатью. Впрочем, может быть, никогда еще сердце мое не терпело таких искушений, как по вступлении в новую паству доселе. И Единому Господу известно, когда облегчится мое бремя и растворятся скорби мои утешением. Чувствую себя каким-то сиротою, как бы изгнанником. Еще доселе не улыбнулся я здесь от сердца. Часто приходит мне сожаление со слезами, почему я не решился удалиться в скит свой. Конечно, это слабость моя. Но помогите моей слабости. С вами говорю откровенно. Взор на дела иерархии российской представляется мне в печальном состоянии. Не знаю, как можно смотреть без жалости на паствы, оставляемые без пастырей по шести и более месяцев. Бог знает до чего мы доживем. Мудрено ли и другим расстроиться, как расстроилась Рязанская, которую так трудно устроить»*. В этом письме владыка Филарет сетовал о расстройстве, при долгом отсутствии архиерея,

* Письма Филарета, митрополита Киевского : Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. СПб., 1900. С. 123–124.

не только своей епархии, но и других, так как в августе того года оставались незамещенными несколько кафедр (с 10 января – Нижегородская, с 12 января – Калужская, с 24 мая – Воронежская, с 8 июня – Архангельская). Видимо, трудности, связанные с наведением порядка в Рязанской епархии, предыдущий архиерей которой, архиепископ Сергей (Крылов-Платонов), скончался в августе 1824 года, и навевали на владыку воспоминания об оптинском ските, куда он так любил удаляться для уединенной молитвы, будучи Калужским епископом. Однако в письме к монахини Агнии (Васильчиковой), датированном мартом 1825 года, владыка писал, утешая ее и себя: «Но поплакали и погрустили перед Господом – и довольно уже теперь, пора перестать, а всю печаль свою возложить на Господа, Который все устрояет на пользу и спасение душ наших. Ибо милостивее Его к нам, грешным, никто не может быть; а ты знаешь меня и уверена, что от Его десницы получил я после калужской рязанскую паству. Так грешно было бы грустить, что Господу угодно...»*

В другом же письме, от 13 августа 1829 года, уже будучи Казанским архиереем, владыка Филарет писал к епископу Подольскому Кириллу (Богословскому-Платонову): «Подателя сего доброго старца Макария**

* Письмо шестое почивающего в Бозе преосвященного Филарета, митрополита Киевского, к монахини Калужского монастыря // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1865. № 11. С. 370.

** Вероятно, монах Макарий (Дегтярев; † 08.06.1832), происшедший из купцов г. Москвы. В 1828 году поступил в оптинский скит. Скончался в возрасте 78 лет, погребен в скиту.

поручаю в архипастырское ваше покровительство. Он несет тяжелый крест послушания обители Оптинской в Калужской епархии, испрашивая пособия нуждам ее»*. Строки этого письма явственно раскрывают заботу святителя Филарета о насельнике скита, который путешествовал, собирая средства для Оптиной пустыни.

О том, что владыка Филарет не забывал устроенный им скит и после перевода с Калужской кафедры, можно судить не только по письмам, но и по Летописи скита Оптиной пустыни, где подробно описываются два его посещения – по пути из Санкт-Петербурга с заседаний Святейшего Синода в Киев на свою кафедру. Первый приезд владыки-митрополита в Оптину пустынь и Иоанно-Предтеченский скит произошел 17 июня 1837 года, когда он «слушал литургию, посетил и келлии начальника скита <иеромонаха Антония> и некоторых из братий; и ходил по скиту: оставаясь против церкви, поучал братию от отеческих словес со смиренномудрием, которое он трогательно показал пришедшим было пред литургиею в скит к нему с поздравлением козельскому градскому главе Карлину и прочим гражданам сими словами, что “митрополит – в монастыре, а здесь, в скиту, он смиренный инок”, и не благоволил принять от них поздравления и хлеба, показуя собою пример смирения»**.

* Материалы для Истории Русской Церкви. Письма высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского и Галицкого, к Кириллу, архиепископу Подольскому. Казань, 1876. С. 38.

** ОР РГБ. Ф. 214. Опт. 359. Л. 38; Опт. 360. Л. 30–30 об.

Второе посещение, уже двухдневное, состоялось 20–21 мая 1842 года и очень подробно было описано преподобным старцем Макарием, который был тогда скитона начальником*. Почитаемый святитель «от самого монастырского перевоза изволил идти пешком и встречен игуменом и братией соборне в облачении у врат новой гостиницы, по новым ступеням взошел на гору в святые врата и в соборную церковь при пении стихиры “Днесь благодать Святаго Духа нас собра”, где после ектении и многолетия ему благословил всех братий и говорил отцу игумену весьма благосклонно пастырским и отеческим гласом: “Веди всех их в Царство Небесное и ни одного не оставляй”, что доказывает милость и любовь его к обители и к званию монашескому». Посетив келлии настоятеля отца Моисея, чем несказанно духовно утешил его, святитель Филарет во время всенощного бдения побывал в Предтеченском скиту. Также и на следующий день он был в скиту, молился на литургии, после чего зашел в келлии скитона начальника, где получил от него в подарок деревянные рукоделия братии. После побывал и в других келлиях, «в том числе и схимонаха Вассиана, дав ему отеческое наставление, чтобы он стяжал смирение», покушал скитского хлеба и возвратился в монастырь. Именно в этот приезд митрополит Филарет пожертвовал для одежды на престол 17 аршинов фиолетового бархата, проявив сугубое «архипастырское благоволение к устроенному им скиту».

* ОРРГБ. Ф. 214. Опт. 359. Л. 42–43 об.; Опт. 360. Л. 39 об.–41 об.

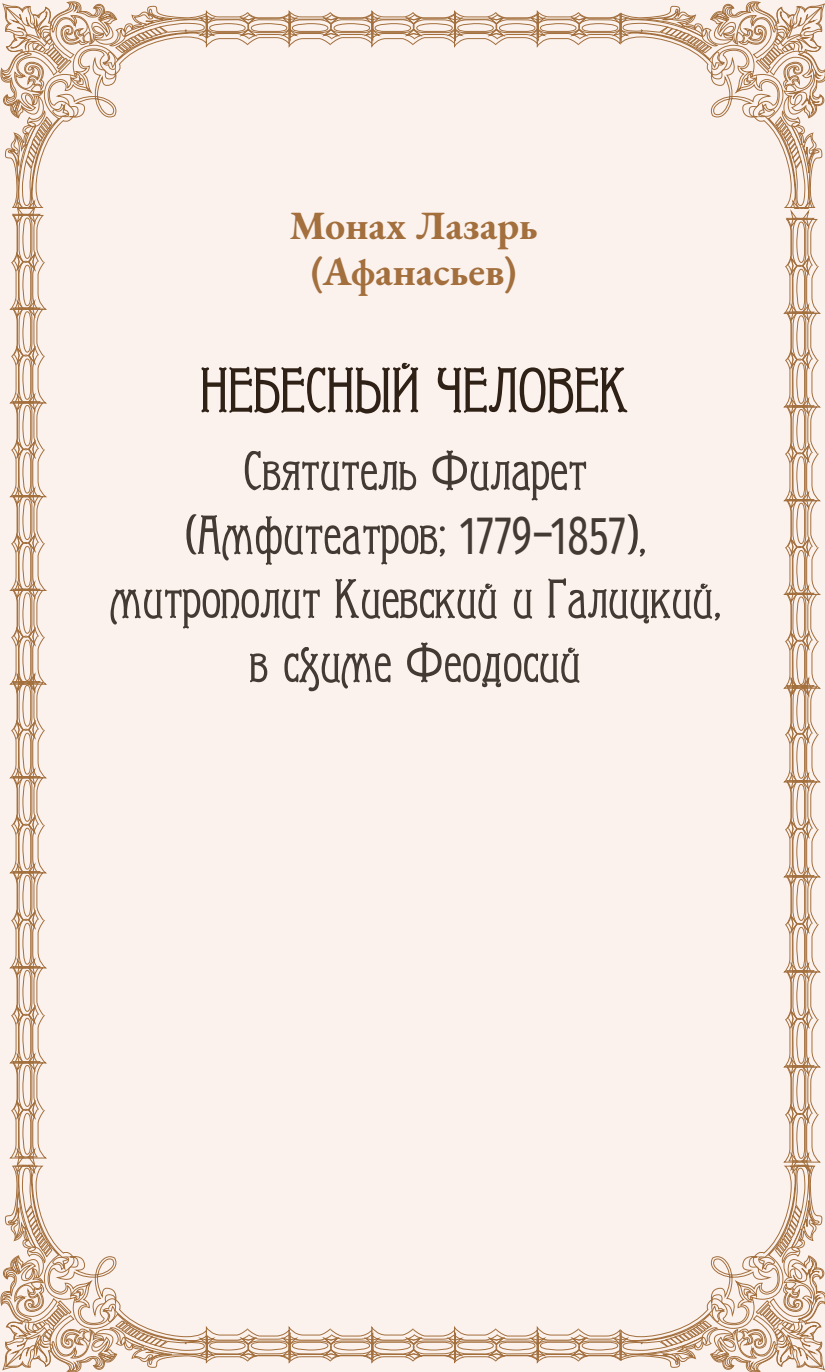
Помещая повествования об этих приездах святителя Филарета в историческом описании Предтеченского скита, отец Леонид (Кавелин) отмечает особое неизгладимое впечатление в сердцах насельников Оптинской обители от того архипастырского милостивого внимания, которое было оказано им Киевским владыкой. К сожалению, во второй свой приезд святитель Филарет при прощании со скитской братией произнес печальные слова: «Я уже последний раз посещаю ваш скит». И действительно, с тех пор он больше уже не приезжал в скит, но продолжал ему благодетельствовать, что подтверждают копии поздравительных писем владыке от настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Моисея и копия благодарственного письма старца Макария.

Несмотря на последние слова, сказанные во второй приезд, посещения святителя Филарета только увеличили ту искреннюю сыновнюю любовь у скитян, которая зародилась еще у первых насельников к своему архипастырю – основателю и благодетелю их скита. Еще в XIX веке 1 декабря, день тезоименитства митрополита Киевского Филарета, «яко основателя скита», всегда торжественно праздновался в Оптиной пустыни – при его жизни полиелейной службой и молебном, а после кончины – поминовением на панихиде.

Святитель Филарет, митрополит Киевский, в июне 2007 года был прославлен Украинской Православной Церковью как местночтимый святой, а 3 февраля 2016 года определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви было установлено его

общецерковное почитание. Со времени его прославления насельники скита, продолжая традицию, заложенную преподобными Моисеем, Антонием и Макарием, молитвенно вспоминают святителя Филарета как основателя и многолетнего благодетеля Иоанно-Предтеченского скита и уже в день его праведной кончины совершают торжественно всенощное бдение.

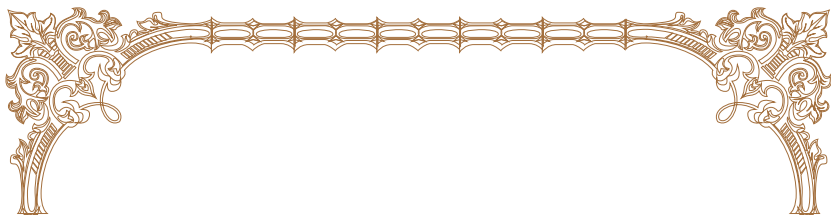
Большинству паломников Оптиной пустыни обитель известна своими старцами, во многом благодаря Предтеченскому скиту, где подвизались последние. Но очень важно понять, что старчество появилось в Оптиной пустыни по воле Божией, в основном только благодаря желанию и последующему покровительству обители святителя Филарета, сначала – правящего архиерея Калужской епархии, а потом – митрополита Киевского и члена Святейшего Синода. Именно он, искавший с юности уединения в молитве, пригласил отшельников рославльских лесов и создал им условия для безмолвной молитвы, за что и по сей день насельники Оптиной пустыни возносят Богу благодарение.

A decorative border in a light brown or gold color, featuring a repeating geometric pattern of diamonds and lines, with ornate, symmetrical flourishes at the corners.

Монах Лазарь
(Афанасьев)

НЕБЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК
Святитель Филарет
(Амфитеатров; 1779–1857),
митрополит Киевский и Галицкий,
в сужие Феодосий

Глава 1

Родной дом. Родители. Дедушка. Молитвенное настроение отрока. Духовное училище и семинария. Поиски невесты как последнее искушение в миру. Благословение на монашество. Постриг. Священный сан. Игумен и архимандрит. Ректор и преподаватель Севской семинарии. Незаслуженный гнев преосвященного. Ссылка в Уфу. Посещение в Москве митрополита Платона (Левшина).

У священника Георгия Никитича Амфитеатрова, служившего в Покровском храме села Высокого Кромского уезда Орловской губернии, было восемь детей: пятеро сыновей и три дочери. 17 апреля 1779 года в семье родился четвертый ребенок, которому впоследствии было суждено прославить весь род Амфитеатровых. При Крещении его нарекли Феодором, в честь святого Феодора Сикеота, память коего празднуется 22 апреля. К радости рождения этого

мальчика присоединилась печаль, так как он оказался почти слепеньким.

Батюшка и матушка сильно горевали, но родитель отца Георгия – престарелый священник Никита – проникся состраданием к бедному младенцу и все заботы о нем принял на себя. Он бережно пеленал ребенка, клал в зыбку, качал и подолгу нянчился с ним, а матери передавал малыша только для кормления. Дед неустанно молился о своем маленьком внуке, и Господь услышал его сердечные прошения: через какое-то время у младенца начали постепенно открываться глазки. Никто не сомневался, что это произошло по молитвам дедушки. Матушка Анастасия, мать Феодора, имевшая по обремененности хозяйством множество забот, заметила, что сыночек ее как бы сознательно старается не доставлять никому лишних хлопот, – лежит всегда тихо, не проявляет никакого беспокойства, ничего не требует.

Вот вырос он и встал на ножки, а дедушка Никита все не оставлял его: ходил с ним гулять, учил понемногу молиться, а потом, попозже, и читать по-церковнославянски. Отрок во всем довольствовался малым, был смирен и кроток, отличался истинно христианской добротой. «Добрый он, мой сыночек Феденька-то! – говорил отец Георгий. – Вот уж добрый-то! Дай Бог всякому православному иметь такую утеху в жизни семейной. Бывало, другие дети пошалят, порезвятся, а он, мой драгоценный, ходит, как овечка смиренная, и воды, бывало, не замутит».

Пришло время для Феодора вместе с другими детьми помогать отцу в полевых работах. Мальчик учился жать и однажды серпом подсек себе мизинец на руке, который остался у него навсегда поврежденным. Во время отдыха от этих трудов Феодор иногда уклонялся и от обеда, который приносили в поле, незаметно удаляясь в свои любимые места, где хорошо и отрадно было ему в тишине помолиться.

Дома бывало так. «Соберемся мы обедать и сядем уже все за стол, – рассказывал отец Георгий, – а Феденьки нет как нет. Где же, спрошу, Федя, где он? Никто не знает. И пойду я сам, бывало, искать его. Ищу по двору, по саду, на пчельнике, кличу, зову: нет моего Феденьки. Взойду на сарай, на самую повесть, смотрю, а он, мой дорогой, стоит на коленях в коноплях и Богу молится. Сойду, бывало, потихоньку с повети, подойду поближе к конопляникам и громко кликну его, будто бы не вижу его... И он, мой голубчик, тотчас прибежит, как нигде не был, и пойдет со мною обедать.

Или, бывало, ночью братья спят, а он встанет на колени на лавочке или на сене под сараем да так усердно молится... Увижу, бывало, потихоньку перекрещусь и скажу про себя: “Слава Тебе, Господи: будет добро из мальчика”. А чтобы прогулять когда-нибудь вечернюю или утреннюю (не говорю уже про обедню), Боже упаси! Всегда первый прибежит в церковь и последний выйдет из нее. Ну, думаю, быть моему Феденьке монахом-молитвенником».

Однажды отец Георгий послал сына на пасеку – покарать, куда отлетит рой. Был жаркий день.

Феодор взял один из томов «Житий святых» святителя Димитрия Ростовского и отправился исполнять отцовское послушание. Через какое-то время отец Георгий пошел на пчельник сам. Что же он увидел? Отрок, склонившись лицом на книгу, крепко спал. Присмотревшись, отец Георгий заметил, что страница подмокла, без сомнения – от слез... А читал Феодор житие святого праведного Филарета Милостивого. Разбудив сына, батюшка начал журить его за то, что он упустил отлетевший рой, который, может быть, теперь, возможно, перехвачен кем-нибудь из соседей. «А что ж, батюшка, за беда, – сказал Феодор, – если рой достанется соседу... Вот на-ко посмотри, что я сейчас читал в Божьей книге...» И прочел: «Таковая у себе премногая богатства блаженный имея, а иных во мнозей скудости и в последней нищете бедствующих видя, подвижесе на благоутробие и умилився душею, глаголаше к себе: еда ли того ради таковая от руки Господни приях благая, да сам един ими питаюся и в наслаждении иждиву оная, угождая чреву... Не имам ли тех великих от Бога данных мне благ разделить неимущим, вдовам, сиротам, странным, убогим». – «Так-то так, мой родненький, – сказал отец Георгий, – и слава Богу, что ты так вникаешь в Божественное-то чтение, но все-таки не ладно, что ты прокараулил рой-то. Впрочем, может статься, ты и заснул-то недавно, – так не припомнишь ли, куда он мог пролететь?» Тут Феодор, оглянувшись, сказал: «Да вот рой-то, батюшка, на пенечке... Помню, как кружился и жужжал он надо мной, когда я задремывал».

Чтению Феодор начал учиться рано, с шести лет. С ним занимался дедушка Никита, который, по тогдашнему обычаю, начал с Часослова, а потом перешел к Псалтири. Вместе с тем учил он внука писать, а также и петь на церковные гласы. Немного позже дед стал преподавать ему начатки некоторых наук и латинского языка, который тогда изучался в духовных школах. В восемь лет Феодор уже читал в храме.

В 1789 году отец Георгий отвез сына в Орловское духовное училище, где после испытаний он принят был сразу во второй класс. На квартиру его поселили вместе с другими несколькими учениками у некоего однодворца Селихова, на окраине города. У него было крестьянское хозяйство, и Феодор в свободное от уроков время помогал ему в трудах. «В ту пору, – вспоминал впоследствии владыка Филарет, – книжки-то школьные не только не выпадали из рук, а напротив. Бывало так, что снопы-то возишь, а в уме-то наизусть твердишь, что успеешь заранее пред тем заучить... А еще главное, что при таких-то работах, само собою, и никакая дурь-то, хотя и ребячья, бывало, не залезает в голову, и наконец, после трудов-то и естся вкусно всякая простая пища, и спится крепко, силы свежают и все тело здоровеет».

Феодор учился очень хорошо. А его стремление к уединению и молитве с годами только крепло. Когда ему исполнилось тринадцать лет, он до того призадумался о монашестве, что решил немедленно, оставив учебу, присоединиться к этому духовному чину и уже всеми помыслами и всей своей жизнью служить

Единому Богу. По рассказам ему известны были два ближайших монастыря: Богородицкая Площанская пустынь на Площанском озере в Севском уезде и Белобережская Иоанно-Предтеченская пустынь в Брянском уезде на реке Снежети. В одну из них и решил тайно скрыться отрок Феодор. В первый раз он бежал летом во время вакаций (школьных каникул) из родительского дома, но его перехватил его старший брат Василий.

Вскоре в Орле, придя как-то из училища на квартиру, он сказал товарищам своим: «Что мы, братцы, живем на свете в такой суете житейской? То ли дело удалиться от мира и водвориться в пустыни! Уйду в какую-нибудь далекую-далекую пустынь... Вот говорят, есть у нас какая-то Белобережская пустынь... Поселюсь там и посвящу себя на молитву Господу». И вот он, в самом деле, собрался идти с каким-то странником, но тот вовремя одумался и открыл это потихоньку тому же Василию, брату Феодора. Так и во второй раз пресечено было намерение отрока расстаться с миром. Отец же не стал сильно журить своего любимого Феденьку, но с совершенно добрым сердцем и искренним чувством обещал ему, что по окончании училища и семинарии на монашество его благословит.

Орловская семинария тогда находилась в уездном городе Севске, где была кафедра орловского архиепископа. Располагалась она в неудобном месте, в двух верстах от города, среди болотистых лугов. В ней училось одновременно более тысячи отроков. Феодор

поступил сюда в 1795 году и летом 1797-го успешно завершил курс богословских наук.

Храня в своем сердце обещание родителя благословить его на монашество, он приехал домой, но не решился напомнить отцу о своей заветной мечте. К этому времени умерла его мать. Старший брат Василий женился, стал священником и получил приход в соседнем селе. Сестры вышли замуж. Сам отец Георгий, оказавшись вдовцом, почувствовал ослабление сил. Вот и предложил он своему Феденьке, забыв про свое обещание благословить на монашество, жениться и занять его священническое место в Покровской церкви родного села. Ну а так как Феденька молчал, не смея возражать, он повез его по селам искать невесту. Впоследствии отец Георгий вспоминал: «Были мы в селе Студенках у священника, были еще кое-где... Но, верно, чему быть, того не миновать. Странное дело! Нигде-то нам не ладилось. Там невеста не понравится жениху, в ином же месте жених не понравится невесте. Так мы ездили-ездили с ним – и все без успеха».

Рассказывал и сам владыка Филарет об этой истории. «Возил меня батюшка напоказ разным невестам, – говорил он с добродушным юмором. – Но, видно, Господь так устроил, что невесты-то были не дуры... Правда, батюшка-то мой инде и улаживал было дело, и иные родители невест готовы были приневолить даже их к согласию, но я, грешный, хитрил при этом немножко. И без того я выглядывал больно необтесанным бурсаком, а тут-то представлялся чистым батраком, хомяком... Инде в домах, где хотели было

сосвататься, составлялись уж и вечериночки, называемые смотрины, и приглашались знакомые, а я, бывало, как раз в этой-то поре пойду на двор посмотреть лошадок, дать им корму, сводить напоить их да и около повозки-то тоже повожусь, причем, само собою, повыпачкаюсь порядочно, а умыться будто позабуду или не успею... Да так и явлюсь в горницу-то в среду гостей... Станут мне подносить угощение орехами да пряниками и прочим, а по обычаю тогдашнему подносила сама же невеста: глядь, а у меня на руках-то грязь и деготь... Сам-то я будто и не замечаю этого, а посмотрю на других – они и шушукаются промеж себя. А затем, вестимо, невеста-то прямо на попятную, и нам-то с батюшкой от ворот поворот. И в конце концов вышло, что, куда мы ни заезжали, везде несолоно хлебали».

Однажды приехали с очередных неудачных смотрин, распрягли лошадку, вошли в дом, и тут Феодор со слезами упал перед отцом на колени. «Что ты, Феденька, что с тобою?» – с изумлением спросил отец Георгий, как он впоследствии и рассказал. «Да отпустите, – говорит сын, – меня, батюшка, в монахи!» – «Как в монахи? Что с тобой?» – «Я ведь давно уж, батюшка, решил на этом, да только боялся вам сказать, а теперь говорю решительно». – «Да перенесешь ли ты труды-то монашеские, молодой парень?» – «А Господь-то и Спаситель!» – ответил он. «Я замолчал, – вспоминал отец Георгий, – и думаю себе: ведь в самом деле Господь Сам сказал: “Оставьте детей приходити ко Мне”. Бог с ним! Верно, такая

судьба его! Снял я с полочки образ и говорю: “Ну, что делать... Молись, Феденька”. Он положил три земных поклона, приложился к образу, и я благословил его, а сам заплакал».

После этого Феодор поехал к орловскому епископу Аполлосу (Байбакову) и вернул билет, данный ему для вступления в брак. В то же время он высказал владыке свое заветное желание о пострижении в монашество. Владыка благословил, но, зная Феодора как одного из лучших учеников семинарии, заявил, что в монастырь его не отпустит, а сделает учителем.

7 ноября 1798 года преосвященный совершил над Феодором монашеский постриг с наречением имени Филарет, в честь святого праведного Филарета Милостивого. Через два дня посвятил его в иеродиаконы. В декабре того же года владыка Аполлос был перемещен на другую епархию, а его место занял епископ Досифей (Ильин), бывший некогда ректором Севской семинарии. Он рукоположил иеродиакона Филарета в иеромонахи 13 января 1799 года. После этого отец Филарет назначен был инспектором Севской семинарии и учителем философии. В то же самое время он был зачислен Синодом в штат так называемых соборных иеромонахов. Эта группа была собрана из лучших выпускников семинарий. Их обязанностью было учить будущих священников в духовных учебных заведениях. Их также мог вызывать в Петербург митрополит для участия в своих церковных служениях.

Несмотря на все это, отец Филарет подал владыке прошение, где выразил свое желание оставить

семинарию и поступить в число братии Белобережского монастыря. Преосвященный отказал. Тогда иеромонах Филарет предпринял еще одну попытку: написал московскому митрополиту Платону (Левшину), что желает переместиться в Троицкую лавру и совершенствоваться в науках в тамошней семинарии, подвизаясь вместе с братией в монастыре. Митрополит запросил владыку Досифея, согласен ли он отпустить молодого иеромонаха, а он, ничего не сказав отцу Филарету, ответил митрополиту, что тот передумал и остается в Севске. Словом, не захотел отпустить.

В марте 1802 года, по представлению преосвященного Досифея, отец Филарет был поставлен на должность ректора Севской семинарии. Он стал преподавать богословие. Незадолго до того, после тяжелой болезни (он перенес лихорадку, надолго оставившую свой след в его здоровье), отец Филарет совершил паломничество к киевским святыням. Там к нему очень благожелательно отнесся митрополит Киевский Гавриил (Бонулеско). Отец Филарет с особенным благоговением посещал святыне пещеры. Кто мог знать тогда, что пройдут десятилетия – и Киев станет для него завершающим и самым долгим местом его служения, и более чем через полвека по Божьему Промыслу он обретет свое последнее упокоение близ святых мощей начальников русского монашества преподобных Антония и Феодосия (имя второго из них отец Филарет будет носить в великом ангельском образе – схиме).

В течение двух лет своего ректорства отец Филарет был посвящен в сан игумена и сан архимандрита. Ему тогда было только 25 лет. Это было благополучное время его первоначального возвышения. Однако впереди его ожидали тяжелые испытания – по воле Божией он будет скоро проверен и испытан, как золото в огне...

Когда вышел указ петербургского митрополита Амвросия (Подобедова) о том, что епархиальные архиереи должны иметь пребывание не в уездных городах, а в губернских, то есть на главных своих кафедрах, архимандрит Филарет подумал, что и владыка Досифей теперь переселится из Севска в Орел. А так как духовные семинарии, как правило, находились при архиереях, то, думал он, хорошо бы было и Севскую перевести в Орел, тогда исчезли бы многие неудобства, связанные с ее местоположением. Окружающие семинарию болота отравляли воздух, и многие семинаристы болели лихорадкой. Бывали даже и смертельные случаи. К тому же семинаристам, которые проживали на частных квартирах в Севске, приходилось ежедневно ходить в семинарию две версты туда и столько же обратно, среди нездоровой местности. Архимандрит Филарет составил письмо к митрополиту Амвросию. Он убеждал владыку о желательности перевода в Орел семинарии, не касаясь перемещения архиерея, и полагал, что тот, несомненно, выполнит указ.

Владыка Досифей в то время, когда был сам ректором Севской семинарии, жил в Севске, и у него сложились хорошие отношения с местным обществом.

В то время, когда он был ректором, митрополит Петербургский Амвросий являлся Севским архиереем и жил именно в Севске, – они были в духовной дружбе, которая и потом сохранилась у них. Митрополит разрешил владыке Досифею сколь угодно оставаться в Севске. Значит, и семинарию незачем будет переводить в Орел.

Архимандрит Филарет всего не знал. А митрополит Амвросий его письмо переслал к архиепископу Досифею. До того относившийся к отцу Филарету очень хорошо, преосвященный круто переменял свое мнение о нем. Мало того: он так распалился гневом, что велел схватить отца Филарета и запереть в одну из башен своего подворья. В запальчивости он едва не отдал приказания бить его батогами. Владыка отписал митрополиту Амвросию в Петербург, что архимандрит Филарет выскочка и в высшей степени строптивый и недобросовестный человек и что не худо было бы перевести его в такой город, где бы он с сожалением вспоминал о Севске... А самому отцу Филарету он так и сказал: «Вот погоди, увидишь! Чем перемещать семинарию, я тебя самого скоро спроважу туда, куда Макар и телят не гонял!»

Митрополит Амвросий определил отца Филарета в Уфу – ректором тамошней духовной семинарии и настоятелем Успенского монастыря. Считалось, что хуже Уфы в тогдашней России города не было. Отец Филарет по своему смирению этот неожиданный поворот в своей судьбе принял как от руки Господней. Поехал он не один. Спутниками его стали родной

брат его Гавриил, семинарист, и один иеромонах. Гавриил решил доучиваться в Уфе, но с братом не расставаться. На пути в Уфу в Москве отец Филарет посетил в Николо-Перервинском монастыре под Москвой митрополита Платона (Левшина), имевшего здесь одну из своих резиденций. Московский митрополит принял его ласково. Он бывал в Севской семинарии, помнил отца Филарета, который встретил его однажды замечательной речью. Владыка сказал тогда, что такая речь и в Троицкой лавре не осталась бы незамеченной. Он помнил о желании отца Филарета переместиться из Севска в лавру и сожалел, что этого не случилось. Он это и высказал ссыльному архимандриту при встрече в Перерве. Вместе с тем он поскорбел и о том, что тот так далеко едет. Отец Филарет смиренно ответил, что так, видно, угодно Богу. Митрополит же сказал: «Нет! Не говори этого... Богу угодно было другое, да злые люди помешали». Он благословил отца Филарета в далекий путь и обещал молиться о нем. Ему искренне жаль было молодого ректора, терпящего незаслуженное изгнание.

Долгое и многотрудное путешествие в Уфу совершалось на лошадях, зимою, Рождественским постом 1804 года. Дороги были плохие. Случались дни, когда вьюги заносили путь, да и мороз часто заставлял искать теплого пристанища. В Уфу прибыли на святках.

Глава 2

Приезд в Уфу. Радушие епископа Амвросия. Бедность монастыря. Подвижническая жизнь отца Филарета и расположение к нему жителей. Епископ Августин и его крайняя строгость к отцу Филарету. Утешительное чудо от Господа. Протоиерей Петр Турчанинов и его ходатайство в Петербурге об отце Филарете. Перевод в Тобольск. Ректор Тобольской семинарии, настоятель Знаменского монастыря и благочинный. Владыка Амвросий и его доброжелательное отношение к отцу Филарету. Вызов в Петербург.

«Что это за село?» – спросил отец Филарет, увидев невдалеке занесенные снегом избы, плетни, жердяные ограды. «Уфа!» – чуть повернув голову к седоку, отвечал кучер. Дома, на значительном расстоянии друг от друга, потянулись вдоль широкой пустынной улицы. Мороз был крепок. Не видно было ни прохожего, ни проезжего. Но вот показались каменные особнячки... Увидев церковь, отец Филарет перекрестился. Тут они и остановились. Это было архиерейское подворье. Полторы тысячи верст от Москвы до предгорий Урала на лошадях зимой – не шутка! Уфимский епископ Амвросий (Келембет) позаботился о том, чтобы они обогрелись, отдохнули. За обедом он весьма благожелательно беседовал с отцом Филаретом. Уже в сумерках владыка отпустил отца Филарета в его монастырь. Семинария же, где он должен был

ректорствовать, располагалась в противоположном конце города, в четырех верстах от монастыря. Там не имелось помещения для жилья.

Основанный в XVII веке Успенский монастырь, очень бедный, при учреждении штатов в 1764 году был закрыт. Через пять лет возобновлен и причислен к архиерейскому дому. «Поутру встав, – вспоминал потом митрополит Филарет, – я пошел обозревать свой монастырь и увидел единственную деревянную бедную ветхую церковь и только начавшуюся постройкою новую каменную. Это произвело на меня крайне грустное впечатление и до слез растрогало меня. Этими слезами я начал здесь свое служение». Монастырь даже не имел каменных стен, а был огражден обыкновенным плетневым забором...

В семинарию пришлось идти пешком: лошадей не было. Приняв семинарские дела, он увидел, что и тут – крайняя скудость во всем. Но дух здесь был хороший: учителя знающие, добрые и несли детям подлинный свет просвещения. Ученики, дети сельских священников, дьяконов и причетников, отчасти и купцов, имели жительство в городе, на квартирах. Как это знакомо было отцу Филарету! Брат Гавриил, поступивший в эту семинарию, должен был ходить сюда из обители, туда и обратно по четыре версты. Кроме того, владыка назначил отца Филарета членом духовной консистории, где нужно было участвовать в разных заседаниях. Началась жизнь очень деятельная, но отец Филарет сразу принялся и за свое собственное духовное делание.

Один уфимский житель, бывший семинарист, вспоминал о том, как в своей новой обители архимандрит Филарет проводил монашескую жизнь: «Она была самая уединенная, проходившая вся в трудах, в богомыслии, в ученых занятиях, среди которых он иногда по целым ночам напролет не спал. Посты соблюдал отец Филарет самым строжайшим образом и братию монастырскую содержал в отличном порядке; особенно из среды оной старался изгонять пьянство, которое до его управления монастырем сильно было там развито. Словом, отец Филарет, будучи архимандритом в Уфе, хотя сам и молод был еще летами, но был удивительный монах по духу и жизни и служил образцом для старых, так что его доблестям монашеским удивлялись все видевшие и знавшие его».

Видя такую его жизнь, к отцу Филарету расположились душой и некоторые богатые уфимские купцы. С их помощью начал отстраиваться монастырь, поправилось и положение семинарии. А один купец, по фамилии Ломоносов, видя, как архимандрит Филарет день ото дня мимо окон его дома в любую погоду смиренно шествует пешком из обители в семинарию, подарил ему лошадь и повозку. Владыка Амвросий очень ценил молодого архимандрита, и, несмотря на трудности, тому жилось в Уфе спокойно. Однако это спокойствие продлилось немногим более года. В марте 1806 года епископ Амвросий был перемещен в Тобольск, а Уфимскую кафедру занял епископ Августин (Сахаров).

Новоопределенный владыка был человек своеобразный и даже имел некоторые черты юродства. Характер у него был крутой. К несчастью для отца Филарета, он был давним другом Орловского пресвященного Досифея. Тот написал ему в Уфу, чтобы он обратил особенное внимание на архимандрита Филарета, которого просил держать в ежовых рукавицах и «повытереть» хорошенько, так как он, мол, самой дурной жизни. Августин это принял безоговорочно на веру и начал сразу теснить отца Филарета. Он не давал ему продыху до такой степени, что можно было бы и отчаяться, но отец Филарет как монах глубоко внимательной жизни безропотно переносил искушения и впоследствии даже с искренней похвалой отзывался о преосвященном Августине, который, как он говорил, заставил его пройти благодатную школу смирения.

Владыка Августин находился в переписке с Петербургским митрополитом Амвросием. Тот уже был настроен против архимандрита Филарета епископом Досифеем, а епископ Августин постарался и еще более очернить его, так что главное церковное начальство имело тогда о бедном ссыльном архимандрите самое отрицательное мнение. При всей своей безвинности он оказался в весьма тяжелом положении.

Да, весьма своеобразен был владыка Августин. Он носил самую грубую рясу, подпоясав ее простым крестьянским кушаком. Быт его был удивительно неприхотлив – всегда крайний пост. Выезд его был, в отличие от многих прочих архиереев, весьма непышен – простая коляска или сани в одну лошадь.

Когда его приглашали куда-нибудь в дом, он, не пивший вообще ни чаю, ни кофе и не принимавший никаких угощений сверх простой пищи, заставлял своего келейника, молодого вдового священника Илариона, сварить в огромном чайнике еще дома ячменный кофе, остудить и брать с собой в гости. Священник должен был сесть на козлы рядом с кучером, держа на коленях этот чайник, который по приезде и нес на кухню разогревать.

Этот священник рассказывал, что «ректор Филарет с самого первого времени по приезде в Уфу нового архиерея Августина терпел от сего владыки страшное гонение, которое простиралось до того, что Августин иногда ни с того ни с сего запрещал ему служение или ставил его пред местными иконами в церкви на поклоны. Посещая семинарские классы, делал ему жесточайшие выговоры... Смиренный же отец Филарет при этом, бывало, только вздыхает».

Однажды владыка Августин обратил внимание на то, что у отца Филарета имеется лошадка. Не поверив, что она ему подарена, он решил, что тот злоупотребляет монастырскими средствами, и приказал произвести конфискацию всего наличного имущества отца Филарета, во всей буквальности этого слова. Отец Филарет успел только облачиться, надеть наперсный крест и взять четки – и остался без сапог, в старых домашних туфлях.

Как открылось впоследствии, именно в эти бедственные времена отец Филарет выучил наизусть Псалтирь и многие беседы Спасителя с апостолами

из Евангелия. В Петербурге был у него старый знакомый по Севской семинарии – протоиерей Петр Иванович Турчанинов, служивший в семинарии регентом, а впоследствии ставший известным церковным композитором. Архимандрит Филарет откровенно писал ему: «Состояние мое можно, не обинуясь, приравнять к состоянию Иосифа во рве. Избавляя же смиренныя Бог избавил меня от всякого греха, и вем, яко и еще избавит меня. Ежели бы я хотел описать вам все мои страдания, надлежало бы написать к вам целую книгу. Ежели бы случилось мне лично с вами беседовать о том, вы бы не поверили и мне. Но при всем том Спаситель мой сподобил меня сохранить незлобие мое... Я и теперь его сохраняю, и паче сохраняю... Любовью и уважением всех здесь доброжелательных я слишком награжден, хотя за сие и терпел я несказанно много».

Впоследствии записан был рассказ митрополита Филарета об одном чудесном событии, случившемся с ним в Уфе. Однажды после одного из самых тяжких оскорблений, нанесенных ему Августином, – значится там – среди пламенной и слезной ночной молитвы Филарет полузаснул... на полу, на том месте, где он коленопреклоненный совершал молитву, и увидел в полусонном видении руку, писавшую на стене: «Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета в руках Божиих!» Воспрянув в ту же минуту от своего полусонного состояния, Филарет ощутил в душе своей такое отрадное чувство внутреннего спокойствия и утешения, что забыл все свои прежние скорби и вместе с сим почувствовал в себе какую-то особенную

крепость духа и готовность на подвиг всякого терпения, какой бы ни предстоял ему в будущем.

Вот тут-то и произошел в его жизни поворот в лучшую сторону, что явно совершилось по Божией воле. Протоиерей Петр Иванович Турчанинов обратился к ректору Петербургской духовной академии архимандриту Филарету (Дроздову) с просьбой помочь его опальному соименнику. Выслушав рассказ и прочитав письмо уфимского изгнанника, архимандрит Филарет обратился к митрополиту Амвросию. Тот вызвал к себе после этого разговора самого Турчанинова. «Ну смотри, Петр Иванович, – сказал он, – я дознаю о твоём добром Филарете, переведу его ещё в иную епархию и велю архиерею каждую треть года доносить мне об нём; я уверен, что этот архиерей не обманет меня. Если же и он будет худо рекомендовать Филарета, то вся беда обрушится на тебя. Ты не боишься этого?» – «Нимало! – отвечал протоиерей. – Я уверен, что гонимый оправдает мою рекомендацию о нём вполне». – «Хорошо!» – сказал митрополит и через несколько дней предложил Синоду переместить архимандрита Филарета (Амфитеатрова) из Уфы в Тобольск ректором духовной семинарии и учителем богословия, а также настоятелем Знаменского монастыря (в котором и располагалась семинария). Определение Синода состоялось в октябре 1810 года.

Брат отца Филарета Гавриил остался в Уфе, так как в то время уже служил преподавателем в семинарии, а кроме того, он и женился здесь на дочери священника. И вот архимандрит Филарет уехал в Тобольск,

столицу Сибири. Бывший Уфимский, а теперь Тобольский владыка Амвросий рад был прибывшему, не изменил своего расположения к нему. Отец Филарет попал в самую благожелательную обстановку. Он ревностно принялся за труды. А преосвященный, обязанный каждую треть года доносить о нем в Петербург, и доносил – но только правду, то есть самое хорошее, что и было на самом деле. «Ваше Высокопреосвященство, – писал он митрополиту Амвросию, – прислали ко мне на испытание не человека, а ангела во плоти». Получив несколько таких донесений, митрополит призвал к себе протоиерея Петра Турчанинова и сказал: «Ну, Петр Иванович, твоя рекомендация о Филарете на самом деле оправдалась: архиерей доносит мне о нем с великою похвалою».

В Знаменском монастыре братия вскоре по достоинству оценила своего нового настоятеля. Многие потом вспоминали о нем как о добром монахе. Бывший казначей обители впоследствии рассказывал, что архимандрит Филарет имел только две рясы. Своей шубы у него не было. Позднее, когда он уезжал зимой из Тобольска, один из его почитателей, благочестивый купец, подарил ему шубу. Если случалось ему принять гостя, он не расходовал монастырских денег, а велел казначею купить только штофик красного вина. Он завел в монастыре служение ежедневной ранней обедни. После нее пил чай с черным семинарским хлебом. Вообще о частностях жизни отца Филарета в Тобольске известно немного. Но за три с половиной года его пребывания там преосвященный Амвросий около

десяти раз подробно писал в Петербург о его высоких достоинствах, истинном монашестве, о неустанной ученой деятельности, скромности, нестяжательности и о прочем столь же похвальном. В результате 2 декабря 1813 года Синод определил вызвать его в Петербург на чреду священнослужения, с назначением настоятелем Иосифо-Волоколамского монастыря.

Возвращаясь из Сибири, отец Филарет заехал к своему брату в Троицкий уезд Оренбургской епархии, – отец Гавриил был священником на приисках. Филарет пробыл с семьей брата всего один день, а ехал он в Петербург таким же бедняком, каким когда-то прибыл сюда, в Сибирь: в чужой шубе, без всякого имущества, имея в санях только короб с одеждой да два с книгами и бумагами.

Изрядное нужно было иметь терпение, чтобы перенести долгий-долгий путь по зимним заснеженным просторам через всю Россию... Он ехал прямо в Петербург, в котором никогда не бывал. Благо находился там близкий и добрый человек – Петр Иванович Турчанинов. К нему и можно было заехать перед тем, как явиться к начальству, чтобы отдохнуть, собраться с духом, с мыслями. «Не бойся! – писала таинственная рука в его сознании. – Судьбы архимандрита Филарета в руках Божиих!»

Глава 3

Отец Филарет – инспектор Петербургской духовной академии, доктор православного богословия. Открытие Московской духовной академии и служба в ней. Назначение ректором. Борьба с пагубным мистицизмом. «Мы считали его не за человека, а за ангела». Нищелюбие. Забота об учащихся. Пустыннoлюбие. Любовь к монашескому образу жизни. Хиротония во епископа Калужского и Боровского. Отъезд в Калугу.

Святейший Синод, переменивший свое отрицательное мнение об отце Филарете, имел на него теперь немалые виды. Он поставлен был на путь повышения в начальственных должностях. Отец Филарет не думал о том да и не хотел того.

Протоиерей Петр Турчанинов пишет: «По прибытии в Санкт-Петербург архимандрит Филарет пришел прямо ко мне. Обоюдной нашей радости после столь долгой разлуки и описать нельзя! – так она велика. Потом мы пошли к отцу ректору академии Филарету (Дроздову), главному виновнику улучшения участи безвинно гонимого. Он принял его очень хорошо, долго с ним беседовал и представил его митрополиту. Затем отец ректор Филарет весьма полюбил его и благодарил меня, что я, будучи сам нов у митрополита, не убоюсь защищать невинно страждущего

и твердо постоял за него. Скоро отец ректор Филарет сделал его своим сотрудником – инспектором академии». 15 февраля 1814 года вышло определение Синода об этом.

В августе того же года состоялся очередной выпуск окончивших Петербургскую духовную академию. Инспектор Филарет к этому времени столь высоко проявил свои ученые и нравственные качества, что начальство удостоило его новоучрежденной тогда степени доктора православного богословия. На докторском кресте, вручавшемся при этом награжденному, выгравированы были слова из Евангелия от Матфея: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем» (Мф. 5,19).

Недолго продолжалась служба отца Филарета в Петербургской духовной академии. В том же 1814 году императорским указом открыта была новая – Московская духовная академия, устроенная при Троице-Сергиевой лавре. Сюда назначены были педагогами лучшие выпускники Петербургской академии и, кроме того, несколько из Славяно-греко-латинской академии. Ректором стал бывший ректор этой академии архимандрит Симеон. Архимандрит Филарет назначен был в новую академию инспектором. Большая часть трудов по конкретному устройению академии легла на его плечи. Он как нельзя лучше справился с этим, и 1 октября 1814 года состоялось торжественное открытие ее. Первые студенты набраны были из Славяно-греко-латинской академии и двух московских семинарий – Троицкой и Перевинской.

В то время в обществе и даже отчасти в церковной среде распространены были мистические настроения, далекие от истинной веры, хотя и развившиеся в противопоставление вольтерьянству и атеизму предшествующего столетия. Главный недостаток их был в стремлении к религии помимо Церкви, в пренебрежении церковными таинствами и обрядами, в уповании на то, что сам человек способен усовершенствовать себя, как утверждало модное в то время масонство, приверженцем которого был тогдашний обер-прокурор Святейшего Синода князь Александр Николаевич Голицын. В России появилось множество переводных немецких и французских книг, подрывавших в православных сердцах истинную веру.

Слава Богу, что Господь воздвиг и непреклонных и самоотверженных борцов с новоявленной пагубой, таких как архимандрит Фотий (Спасский), который сумел убедить императора Александра Павловича в недопустимости распространения противощерковных учений; среди истинных ревнителей Православия был и архимандрит Филарет, инспектор и преподаватель Московской духовной академии. Эта его ревность не ослабевала и во всю его дальнейшую долгую жизнь.

Вскоре он был назначен ректором академии и имел большое влияние на студентов. С болью душевной видел он, что лжемистицизм проникает даже и в их среду. Один из бывших учеников, пришедший в академию из Перервинской семинарии, вспоминал, что «ректор Филарет был глубокий знаток своего дела и умел внушить нам разумную веру. Философское вольноумие,

хотя я учился и небойко, мне очень нравилось; но оно разбилось наконец о богословский догматизм. Ректор, доказав богодухновенность Библейских книг с математической точностью, легко уже передавал нам богословские истины, утверждая их на текстах Писания». Отец Филарет избегал обращения к трудам западных богословов, а тем более философов. Он неукоснительно соблюдал строгий православный дух в преподаваемых им науках.

Другой бывший ученик академии, впоследствии протоиерей, дал следующую характеристику своему бывшему учителю и наставнику ректору Филарету: «Мы считали его не за человека, а за ангела. Он вел себя в отношении к нам не только как отец и не только как равный нам, но еще старался быть как бы ниже нас... Потому-то все в нем было выше наших наблюдений и замечаний, все сливалось и поглощалось в одном представлении, что это не человек, а ангел. И потому-то я не могу ничего сказать о нем особенного: в нем все было особенное. Необыкновенно у него было и самое чтение лекций, в которых мы слышали не материал только научных знаний, а что-то вроде благовествования, а потому и слушали не с вниманием только, а с благоговением. Необыкновенно выходило у него и все прочее и в действиях, и в словах – словом, во всем, что только мы могли видеть».

Архимандрит Филарет получал весьма скромное жалованье, но и то почти все просил своего келейника разминивать на мелкие монеты. Каждое утро у крыльца его келлии толпились нищие, и он ни одного

не оставлял без подаяния. Часто помогал он бедным студентам, давал некоторым из них деньги на дорогу, когда они уезжали на вакации, не оставлял без помощи во многих других случаях. Строгий келейник даже ворчал на него иногда: «Да что же ты сам-то, ректор, после сего кушать будешь и во что ты оденешься? Нагой, что ли, будешь ходить?»

Когда завершился первый учебный год, из Петербурга прибыл ректор тамошней академии архимандрит Филарет (Дроздов), посланный Синодом для ревизии новой академии. Вскоре он увидел, что здесь, в оплоте московской духовной учености, все на высоте, все идет очень хорошо. Оба Филарета имели немало схожих достоинств, в особенности в отношении монашеской жизни, духовная дружба их стала еще крепче. Позднее, в 1818 году, Филарет (Дроздов), тогда уже епископ Ревельский, снова приезжал для ревизии. На этот раз во время духовной беседы он снял с себя панагию и возложил на ректора Филарета, который хранил ее всю жизнь и завещал положить ее с ним в гроб.

В 1817 году отец Филарет стал настоятелем ставропигиального Воскресенского монастыря, именуемого Новый Иерусалим. При этом он оставался в лавре на своей ректорской должности. Вынужденный почти всегда быть на людях, отец Филарет всякое свободное время стремился уединиться. Для подготовки к лекциям или к проповеди он уходил в пустынные места, расположенные неподалеку от монастыря, в особенности на так называемую Корбуху, где поблизости

впоследствии возник Гефсиманский скит – не без участия митрополита Филарета.

Здесь была прекрасная природа – светлые рощи и пруды. Рядом была Вифания, место, где находилась платоновская семинария. Сам митрополит Платон, бывало, нередко ходил здесь с учениками, беседуя с ними как бы в лесной академии. А в тихих уголках проводили молитвенные часы некоторые лаврские старцы. При отце Филарете это были: наместник лавры архимандрит Афанасий, скромнейший подвижник; духовник братии иеромонах Иона, монах Игнатий (из служителей, хотя и малограмотный, но писавший разные духовные «хартии», которые он дарил монахам), пришедший с Афона монах Леонтий, будущие схимники Харлампий и Матфей. Все они, в том числе и отец Филарет, стремились уединиться, так что эти духовные прогулки были почти тайными. Это были, конечно, прекрасные минуты и часы для ректора. Он находил скрытое от людей место, читал там, делал выписки и набрасывал черновики лекций или проповедей. И помощь Божия не замедлила прийти к духовному труженику.

От студентов ничего не укрывалось. Любовь ректора к монашескому образу жизни, весь образ его поведения, отношения к людям – все подвигало учеников к подражанию ему. Через отца Филарета многих из них Господь привел к иночеству, к пострижению в ангельский образ. Иные кончали курс уже монахами, другие постригались потом. И это весьма радовало сердце архимандрита Филарета.

Один из наставников духовной академии иеромонах Серафим за какие-то серьезные проступки отослан был начальством в Орловский Свенский монастырь на покаяние. Душа ректора Филарета болела о нем. И вот, получив письмо от опального собрата, он пишет ему 29 декабря 1815 года: «Преподобный отец Серафим! Любезный о Господе брат! Благодарю вас искренно за письмо ваше ко мне. Жалею сердечно, что вы оставили подвиг учения, к которому руководствовал вас Промысл Божий. Искуситель, дух злобы, враг душ наших причинил вам недуги, заставившие благодетельного архипастыря удалить вас от занимаемых вами должностей. Но не отчаивайся, брате, в милосердии Спасителя и Врача душ и телес наших. Есть средство, и только единое, возвратить вам счастье ваше. Обратитесь ко Господу от всего сердца вашего, принесите пред Ним, всемогущим и всеблагим, глубокое раскаяние в слабостях ваших. Берегитесь паче всего слагать на других вину несчастий ваших. Это внушение гордости нашей самое опаснейшее. Смиритесь пред Господом Богом в глубоком сознании своей бедности и растрепанности, в непрерывной сердечной к Нему молитве, в пощении и умерщвлении всех страстей, воюющих на душу, – и возставит вас Спаситель. И Промысл Его укажет вам путь к служению Церкви. А без того ни Москва, ни Петербург, ничто и никто вам не поможет. Корень злополучия вашего внутри вас – истребите его смиренным призыванием всемогущей благодати Божией, и вы без сомнения возвратите истинное ваше благополучие. Для сего читайте непрерывно Святое

Писание с благоговением и молитвою и всевозможно старайтесь исполнять Его заповеди. Поверьте мне, сколько-нибудь опытному, в следующих наставлениях: оставьте всякое желание честей, выгод и всякое занятие своею ученостью. Я разумею: не только высоко, но нисколько не мните о своей учености. Ищите единого на потребу, то есть водворения в духе вашем благодатного Царства Иисуса Христа. С сим вся приложатся вам. Начальство взыщет вас благовременно к служению Церкви, где бы вы ни были. “Востани спяй и воскресни от мертвых, и освятит тя Христос” (Еф. 5, 14)... Молю о вас Бога со слезами. Пишите ко мне не обинуясь. Я с духовной радостью буду вам отвечать и по возможности наставлять вас в путь обращения к Богу. Не скрывайте предо мною ваших трудностей, печалей и недоумений. Уведомляйте меня о ваших занятиях. По желанию вашему посылаю вам Слово моего сочинения. И впредь буду присылать к вам. Будущую вашу участь предоставьте единому Промыслу Божию».

Настал час, когда Господь призвал отца Филарета к высшему церковному служению. Он был определен Государем императором на место скончавшегося Калужского епископа Антония (Соколова). Определение было датировано 6 апреля 1819 года – это был день Светлого Христова Воскресения. Еще два месяца в ожидании хиротонии он продолжал трудиться в академии. В это время он приготовил списки всех студентов со своими рекомендациями в отношении каждого из них, потом эти списки сослужили свою добрую службу.

1 июня архимандрит Филарет хиротонисан был в Московском Успенском соборе Кремля митрополитом Серафимом, при участии епископов Лаврентия и Досифея, архиепископа Пафнутия и Грузинского митрополита Ионы. Подпись вновь посвященного епископа под присягой гласила: «Аз, первоклассного ставропигиального монастыря Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, архимандрит Филарет, ныне нареченный епископ Калужский и Боровский, сия, здесь написанная и подписанная моею рукою, приемлю и вручаю пред Святым Евангелием братиям моим, преосвященным митрополитам, архиепископам и епископам и всему освященному собору, в граде Москве, в Большом Успенском соборе, лета Господня 1819-го июня 1-го дня». Не дожидаясь выдачи ему от Синода тысячи рублей, полагавшихся в таком случае на дорогу и на первое обзаведение на новом месте, владыка Филарет занял двести рублей (своих денег у него не оказалось) и выехал в Калугу.

Глава 4

Знакомство с епархией. Строительство каменных храмов. Беседы на Евангелие от Матфея. Восстановление монастырей. Устройство Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни. Схимонах Вассиан. Отшельники рославльских лесов. Встреча владыки с отцом Моисеем. Переписка со старцем Афанасием. Построение скита

и устав для него. Возведение храма. Отец Моисей – скитоначальник. Владыка Филарет проводит в ските сырную седмицу. Посещение Оптиной пустыни в последующие годы.

С самого начала своего управления Калужской епархией епископ Филарет развернул весьма многообразную деятельность. Он обозрел епархию, посетил многие села и города, обратил внимание на состояние храмов, познакомился со священниками, побывал в монастырях, вникая в устройство монашеской жизни. В Оптиной пустыни он почувствовал особенную благодать, невольно даже вздохнул, что не может остаться тут простым монахом и молиться в тишине среди лесного уединения...

В Калуге он начал строить храм для заключенных и поправлять пришедший в ветхость соборный храм Иоанна Богослова. Познакомился с положением духовного училища и семинарии, увидел большую бедность среди учащихся и начал прямо-таки для каждого изыскивать возможность приобрести одежду, обувь, учебники, давал деньги на все это и потом выслушивал отчет покупавших необходимое. Заметив, что по епархии всюду почти находятся деревянные храмы, он начал подвигать помещиков жертвовать средства для возведения каменных. Убедил и прихожан вносить на это свою лепту. Он даже пригрозил, что будет закрывать ветхие храмы и приписывать прихожан к церквям

других сел. Этому никому не хотелось, поэтому дело пошло, новые каменные храмы начали строиться.

Великим постом 1820 года Филарет начал про-износить в храме свои беседы на Евангелие от Матфея. Они вскоре были напечатаны отдельной книгой и появились в училищных библиотеках и в частных домах. Это были толковательные беседы, владыка говорил простым, понятным для прихожан языком. Начал он с Нагорной проповеди Спасителя и тем самым как бы сам перенесся духом в то время, когда апостолы и народ имели великое счастье видеть и слышать Господа.

В первой же своей беседе он говорил: «Из всех мест Святого Евангелия нет другого, в котором бы с такою подробностью и в таком порядке и совокупности изложения были все обязанности христианина, как в той поучительной проповеди, которую Господь и Бог наш Иисус Христос, вступая в великий подвиг спасения рода человеческого, говорил на горе избранным двенадцати ученикам Своим и великому множеству собравшегося к Нему народа. Проповедь сия начертана в пятой, шестой и седьмой главах евангелиста Матфея. В ней Спаситель с Божественным искусством и премудростью изложил все то, что нужно для начала, возрастания и совершенства истинно христианской жизни. Желательно, чтоб всякий тот, кому дорого спасение души своей, сколь можно чаще и внимательнее читал и слушал оную в назидание своего сердца.

Но не одно слышание и чтение потребно к спасительному разумению небесных истин и словес Единого

Наставника и Учителя нашего Господа Иисуса. К сему потребно, наипаче и более всего, искреннее расположение и всеусердное тщание к исполнению святых заповедей Его. В словах Господних сокрывается живоносная манна, единая могущая оживотворить, питать и укреплять души наши. Но мы не иначе можем вкушать и получать крепость от сей духовной пищи, как по мере исполнения нами заповедей Евангелия. Сам Спаситель говорит о сем в заключение Своей проповеди: «Всяк убо, иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бе на камени». И напротив: «Всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце, и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и опрошася храмину той, и падеся: и бе разрушение ея велие» (Мф. 7, 24–27).

Дабы и нам, братие, храмину спасения и блаженства нашего основать не на песке, но на твердом камени, поучимся свято в словесех Господних. Призвав Спасителя нашего в помощь, в простоте сердца, во святом Его присутствии дадим Ему первое всего обет исполнять заповеди любви Его, да Он отверзет сердца наши к слышанию и спасительному разумению оных. Отложивши земные помышления и всякие мудрования, взыдем мысленно на гору ко Господу и Богу нашему Иисусу Христу, да семя слова Его падет на сердца наши, яко на землю благу, и принесет плод

истинного исправления жизни наша по святым Его заповедям».

Особенное внимание обратил владыка Филарет на монастыри. Он восстановил древний Лихвинский Покровский, называвшийся Добрым (рядом было село Доброе на Оке), а также обновил храмы в Лаврентьевском Калужском, где имели летнее жительство Калужские архиереи.

Восстановление Доброго монастыря владыка Филарет поручил оптинскому игумену. Дело было очень сложное: нужно было и обновлять обветшавшие строения, и многое строить заново. Не впервые было оптинцам давать новую жизнь старым монастырям – начало этому положил еще игумен Авраамий, предшественник игумена Даниила. 13 октября 1822 года пресвященный писал игумену Даниилу: «Преподобный отец игумен! Любезный о Господе брат! Благодарю вас за приятное для меня известие о благоуспешном строении во вверенной вам обители. Господь Бог поможет вам окончить к общему удовольствию и во славу святого имени Своего... Писал ко мне новый брат обители Аполлон Помаков, что он решился вступить в подвиг скитской жизни. Объявите ему, что я благословляю его путь и молю Господа, да поможет ему совершать оный истинным по Бозе монашеским житием. Вы, думаю, уже получили указ консистории насчет освидетельствования строений в Добром монастыре. Пожалуйте, не помедля отправьтесь туда и, ежели согласится, возьмите с собою Якова Сергеева, чтоб он сделал вам смету, сколько нужно денег для окончания церкви,

колокольни, настоятельских келлий и других необходимых принадлежностей. Сделавши сие, с бумагами приезжайте ко мне, чтобы вместе рассмотреть и поскорее сделать в Синод представление. Не должно назначать много суммы, чтоб не отказали совсем, а надобно довольствоваться малым. Хорошо бы и с долгами назначить около 15 тысяч. Призываю на вас благословение Божие и на обитель святую, с искреннею к вам любовью пребыть имею ваш усердный слуга Филарет, епископ Калужский».

В 1821 году владыка Филарет положил начало одному из заветнейших своих дел – основанию и построению Иоанно-Предтеченского скита при Оптиной пустыни. Скит этот возник явно по Божьему произволению. Преосвященный, полюбив Оптину с ее молитвенной братией, часто посещал ее и любил попросту, выйдя за ее стены в лес, пройти по тропинке в направлении пасеки и помолиться среди высоких сосен, окружавших обитель.

Видя малую келлийку монаха-пасечника, жившего здесь со своим учеником-келейником, владыка – любитель уединенной молитвы, невольно представлял и себя живущим в этом лесном безмолвии. Он решил, что нужно построить здесь скит, но еще не знал, кто будет его строить и кем он будет населен. Но у него было определенное желание – «со временем обрести себе здесь же покой от служения епархиального и посвятить себя подвигу иноческому». Вместе с тем хотел он иметь сомолитвенников – тех монахов, которые пожелают жить в скиту, – и тогда этот скит смог бы

послужить духовной опорой для самой Оптиной пустыни. Здесь, в уединенном скиту, может и должно возрастать истинное монашеское благочестие.

Иногда епископа Филарета в прогулках сопровождал схимонах Вассиан, который рассказывал ему об отшельниках, подвизавшихся в рославльских лесах, где он не раз бывал. Он знал старцев Досифея и Афанасия, а также иноков-братьев Моисея и Антония, монаха Савватия и некоторых других подвижников. Жили они в глубине леса, никакого жилья вокруг не было верст на сорок. Они вели суровое существование – иногда неделями не видя хлеба, но в высокой духовной радости, в беспрекословном послушании у старцев. Главным делом для них была молитва. Ежедневно вычитывался весь богослужебный суточный круг. Жизнь шла тихая, но были случаи нападения разбойников. Иногда полиция проверяла паспорта отшельников и, если что-то было не в порядке, сажала без разговоров в кутузку.

Однажды инок Моисей – духовное чадо старца Афанасия – по некоему необходимому делу поехал в Москву. Это было зимой. Оптиной он не миновал, завернул сюда, и как раз в это время находился тут владыка Филарет. Настоятель, игумен Даниил, представил владыке молодого отшельника. Владыка сразу же завел речь о ските и предложил отцу Моисею переговорить о сем с отшельниками. Отец Моисей подтвердил ранее сказанное владыке отцом Вассианом, что мысль о переселении в монастырь не так давно появилась и у них самих.

Преосвященный Филарет через отца Моисея передал свое письмо, адресованное старцу Афанасию, с предложением рославльским старцам переселиться в новый скит, который будет возведен для них под благодатным покровом Оптиной пустыни. «Брат ваш, а мой сын по духу, схимонах Вассиан, – писал он, – возвестил мне, что вы имеете желание для удобнейшего прохождения подвигов монашеской жизни избрать себе и с единомышленными вам братьями, уединенное место при Введенской Оптиной пустыни. То же самое подтвердил и отец Моисей, бывший здесь проездом в Москву. Таковое желание ваше считая особенною милостью Божией к моему недостоинству, я готов принять вас и других пустынножителей, которых вы с собою взять заблагорассудите, со всею моею любовью. Я вам позволяю в монастырских дачах избрать для себя место, какое вам угодно будет, для безмолвного и отшельнического жития, по примеру древних святых отцов-пустынножителей. Келлии для вас будут изготовлены, как скоро вы изъявите на то свое согласие. От монастырских послушаний вы совершенно будете свободны; уверяю вас пастырским словом, что я употреблю все мое попечение, чтоб вас упокоить. Любя от юности моей от всей моей души монашеское житие, я буду находить истинную радость в духовном с вами собеседовании. Призывая на вас благословение Божие и моля Господа Иисуса Христа, да совершит Он благое желание ваше, с моими истинным к вам почитанием и братскою любовью имею радость быть...» (подпись). И приписка: «Настоятель теперешний,

отец игумен Даниил, очень рад будет пришествию вашему. Он человек весьма добрый, благоразумный и монахолюбивый. Вы его полюбите».

Рославльские пустынники на общем совете решили принять приглашение Калужского преосвященного. Отцу Моисею поручено было составить ответ. «По возвращении моем до своего жилища, – писал он, – когда письмо Вашего Преосвященства вручил я отцу Афанасию и братиям, сожительствующим со мною, все подробно объяснил, какие можно иметь выгоды душевные и безопасность в уединенной жизни при обители, под покровительством Вашего Преосвященства, они все то приняли с радостью и объявили себя со мною совершенно согласными. Итак, когда воля Вашего Преосвященства о принятии нас на уединенную жизнь есть такова же, как благоволили объявить, то я, низжайший, с братиями моими теперь, единодушно возложившись на волю и Промысл Отца Небесного, осмеливаюсь решительно припасть к святительским стопам вашим и всеусерднейше просить дозволить заняться благодетелю вашему Димитрию Васильевичу Брюзгину нужным приуготовлением для скита».

А старец-пустынник отец Афанасий писал владыке Филарету 1 апреля 1821 года следующее: «Когда Бог благоволит положить начало основанию скита и привести оный в совершенство, желательно, чтобы ничем не причинять неудовольствия обители, чтобы была взаимная поддержка и духовный соблюдался союз любви, а для того два главные средства. 1-е.: чтобы скит,

ежели только возможно, имел бы особое содержание посредством боголюбивых душ, не нанося стужения обители о потребностях, и самим, что в силах будем, поделывать, как то: огородный овощ сажать и рукодельем, каким кто может, по временам от уныния заниматься, уповая наипаче на Промысл, что Он не лишит нужного продовольствия; когда же случится избыток в чем, отдавать в обитель, а недостаток, сколько можно, понести терпением. 2-е.: нужно к общей тишине не допускать входить в скит мирских лиц, любопытством побуждаемых, иначе не можно иметь безмолвия; из обители же братьям по нужде приходиться с благословения начальника в субботу или воскресенье, а прочие бы пять дней пребывать в совершенном от всех безмолвии. На таковом учреждении, паче же на вашем архипастырском милосердии уповаем пользоваться отшельническою жизнью, на которую, когда решительно поступит собрат наш отец Моисей с присными своими братьями и со старцем, то с любовью и я последую за ними; только признаюсь, Ваше Преосвященство, в немощи моей, что я не могу вместить иеромонашеской должности и начальнической, а согласен быть наравне с монашествующими».

На это владыка Филарет отвечал: «Душевно я возрадовался, что Господь Иисус Христос вложил в сердце ваше благую мысль о водворении вас с братиею в Оптиной обители. По желанию вашему я препоручил отцу игумену Даниилу отвести приличное и весьма удобное для скитской жизни место на монастырской пасеке и дозволил усердному благодетелю купцу

Брюзгину строить келлии. Когда вы с братией придете к нам, тогда формальным образом учредим и правила для скитского жития по мыслям вашим и духу святых пустынножителей. Безмолвие ваше ограждено будет как со стороны братии монастырской, так и со стороны мирских людей. По получению известия о прибытии вашем я сам поспешу видеться с вами, чтобы взаимным советом совершить сие святое и богоугодное дело. Отцу Моисею прошу свидетельствовать мою любовь. Я очень благодарен за его ко мне писание. Особенно к нему не пишу, ибо уверен, что у вас «едино сердце»».

После этого, по благословению старца Афанасия, пустынники отцы Моисей, Антоний, Иларий, Савватий и с ними послушник Иван явились в Калугу к преосвященному. Он был душевно рад и беседовал с ними долго о монашеской и отшельнической жизни, не только наставляя их, но и сам от них воспринимая живой опыт подвижнического безмолвного жития. Затем они приехали в Оптину, и когда игумен Даниил показал им место, которое для скита избрал владыка, оно им понравилось. Полверсты от обители, кругом старый строевой лес, мощный сосновый бор, населенный только птицами и зверями.

Не теряя времени, отец Моисей с игуменом составили план будущего скита. Отец Моисей поехал в Калугу, и преосвященный положил на этом плане следующую резолюцию: «1821 года июня 17-го дня. По сему начертанию строить скит да благословит Господь Бог и благодатию Своею да поможет совершить».

Вместе с утвержденным планом отец Моисей привез игумену Даниилу письмо от владыки Филарета, где он писал: «Для строения скита представили мне пустынножители план, который я подписанием своим утвердил. Прошу покорно отвезти им, по их и вашему избранию, место. Господь да благословит начать им доброе и угодное Ему делание; пусть они трудятся в очистке места. Ежели готовы материалы, то я благословляю обеими руками строить прежде келлии, а потом и прочее нужное. Я буду к вам в начале Успенского поста на целую неделю говеть. Приятно бы для меня было, если бы до того времени они построились. До решительного положения полных правил жития их прошу вас теперь же сделать: 1-е: братиям воспретить к ним вход без вашего дозволения и не в назначенное время; 2-е: женскому полу совершенно возбранить туда вход; 3-е: другим мирским людям не иначе позволять вход, как с согласия их старца; 4-е: во всем, где можно помочь им в построении без отягощения монастыря, не откажите; 5-е: запретите строго рубить всякий лес около сего скита, дабы навсегда он был закрыт. А что еще откроется нужным, я полагаюсь на известное мне благоразумие и усердие ваше».

Началась работа. Трудились пустынники, с ними схимонах Вассиан, по благословению настоятеля ставший насельником строящегося скита, и несколько крестьян, нанятых на деньги купца Брюзгина. Самая трудная была работа – валить огромные сосны, очищать от коры и веток, частью оставлять в бревнах, частью распиливать на доски. Пни корчевали при помощи

топоров и ломов. Лес огласился бодрым стуком строительства. Для начала поставили небольшую келлию, где и жили пока все вместе, общежительно. Все место оградили дощатым забором. Затем с благословения преосвященного приступили к построению церкви во имя Собора святого Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня.

16 августа 1821 года, после ранней обедни, игумен Даниил пришел в скит, где его уже ожидали новые насельники, и, положив вместе со всеми три земных поклона на том месте, где предстояло воздвигнуть церковь, сказал: «Да будет на месте сем благословение святых пустыни Иордановы и всех там безмолвствовавших!» Потом взял заступ и начал рыть траншею для фундамента. 18 августа был совершен крестный ход из монастыря в скит – без звона, во главе с игуменом. Затем отслужили молебен с водосвятием. Так заложен был храм. В основание его, в место под престолом, положена была частица мощей святого и славного пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Спустя шесть месяцев церковь нового скита была готова. По воле архипастыря она получила назначение домовою – «для архиерейского приезда». Поэтому западная ее часть представляла собой как бы вход в дом; тут были устроены келлии, предназначенные для преосвященного.

Теперь нужно было снабдить храм всем необходимым для богослужения. Отец Моисей отправился в Москву для сбора средств. Он имел там обширные знакомства среди купцов, и они поддерживали

благое дело. Отец Моисей привез много утвари и икон. Козельские благодетели тоже оказали немалую помощь. Тогда же были пожертвованы и две весьма чтимые потом в скиту иконы – Знамения Пресвятой Богородицы и святого Иоанна Предтечи. Владыка Филарет благословил антиминс и поручил игумену Даниилу освятить храм, что и совершилось 4 февраля 1822 года.

Великим постом того же года владыка Филарет приехал в скит. На просьбу отца Моисея о пострижении в схиму он ответил отказом, поскольку предназначал его в скитона начальники, а потом и в настоятели монастыря. Он признавал келейный постриг отца Моисея действительным и разрешил ему носить мантию после разрешения Святейшего Синода постричь отца Моисея. Владыка предложил ему принять сан священства. Тот, желая быть простым монахом, долго отказывался, но должен был уступить, когда услышал от преосвященного: «Если ты не согласишься, то буду судиться с тобою на Страшном Суде Господнем». 22 декабря 1822 года отец Моисей был рукоположен владыкой в иеродиакон, а 25 числа – во иеромонахи. Вместе с тем владыка Филарет назначил его скитона начальником и духовником скита и монастыря.

«Теперь мы занимаемся сажанием и сеянием», – писал отец Моисей родным. Это были труды по разведению в скиту плодовых деревьев и ягодных кустарников, а также цветов. Скитона начальник собственноручно посеял кедровые орехи, из которых выросло со временем несколько могучих деревьев. На восточной стороне скита, на ручье, выкопано было два пруда.

Постепенно скит принимал тот облик, какой был у него в последующее время. Расширена была и пасека, где сохранялся домик покойного отца Иоанникия, оптинского пустынножителя-пасечника.

24 июня 1823 года отец Моисей писал брату своему Исаии, иеромонаху Саровской пустыни: «Владыка наш и отец игумен весьма покровительствуют жилище наше и дают приятную свободу пользоваться уединением беспрепятственно. Недавно получен указ из Святейшего Синода в Калугу, что архипастырь наш по нежеланию его на высшую степень оставляется в епархии Калужской навсегда, что всех премного утешило и успокоило. За сие и мы порадовались и благодарили Бога».

Архимандрит Леонид (Кавелин), автор исторического описания Оптиной пустыни и Иоанно-Предтеченского скита, пишет о скитском храме: «В западной части, устроенной, как сказано, по домовому расположению, обыкновенно помещался преосвященный Филарет, когда приезжал в скит. Между прочими в ней помещениями и теперь посетители увидят дверь из главного покоя (залы), ведущую налево в так называемую архиерейскую опочивальню: кровать и простой шкаф для книг с комодом внизу составляют все ее убранство. Опочивальня эта оставлена в том самом виде, в котором она служила местом краткого успокоения от дневных трудов незабвенного Калужского архипастыря преосвященного Филарета (блаженного митрополита Киевского). Он, после основания скита в 1821 году, почти ежегодно проводил

здесь сырную седмицу, для чего приезжал запросто, без всякой свиты, удивляя и утешая всех скитян своею примерною простотою, доступностью и усерднейшим молитвенным подвигом. Настоятель обители – тогда настоятель скита отец Моисей – заменял ему келейника, считая за честь послужить своему архипастырю в его невзыскательных и несложных нуждах. В скиту хранится полный круг богослужебных книг, присланный покойным митрополитом в дар, некоторые с собственною его надписью, в 1857 году – за два месяца до своей кончины. Итак, это последний видимый знак его отеческого внимания к оптинскому скиту, о котором он, и вдали от него, часто вспоминал, называя в беседах “мой скит”.

Пройдя домовую часть церкви, вы входите как бы в поперечный коридор, в коем на левой стороне устроена кладовая комната для ризницы, а правая составляет так называемый молитвенный покоец, где в 1833 году усердием московского купца Алексея Ивановича Лобкова сделан иконостас: здесь прежде стаивал во время службы преосвященный Филарет, часто по целым неделям проживавший в Оптиной обители...» Выражая постоянное внимание к скиту, святитель в течение последующей своей жизни лично посетил его двукратно.

Так, в 1837 году, июня 17-го дня, проезжая из Санкт-Петербурга в Киев, куда он только что назначен был митрополитом, он прибыл в Оптину пустынь. Владыка Филарет посетил обитель вместе с Калужским архиереем Николаем. Он помнил Оптину еще

не столь многолюдной, тогда было в монастыре не более четырех десятков монахов. А тут – почти двести... В Казанском соборе владыка Филарет, благословляя братию, ни одного не оставил без внимания, с радостной улыбкой повторяя: «Монахов множество... монахов множество...» Оканчивая благословение, митрополит обратился к отцу настоятелю Моисею и спросил: «А где же старец отец Леонид? Я его не вижу». – «Да он принял ваше благословение, – ответил отец Моисей, – и отправился в свою келлию». – «О, нет! Попросите его ко мне! Я сейчас хочу с ним видаться».

Между тем, преподавши всем благословение, владыка митрополит вышел из церкви и лишь только подошел к крыльцу настоятельских келлий, как отец Моисей представил ему старца: «Ваше Высокопреосвященство! Старец отец Леонид». – «Ах, отец Леонид! – так милостиво-любовно начал речь свою милостивый Филарет, – вот где Господь благословил нам в жизни сей видаться. Слава Богу! Я счастлив, что вижу вас». Старец хотел было поклониться ему в ноги, но митрополит не допустил, с приятною улыбкою сказав: «Куда нам с тобою кланяться? Теперь не до поклонов, прошло то цветущее время». И так они вошли в настоятельские келлии. Отец Леонид уклонился было в толпу стоявших здесь братий, но высокий гость, поздоровавшись со всеми передовыми, опять обращается: «Отец Леонид! где же вы?» – взял его за руку, посадил с собою на диван и не отпускал от себя во все время чаепития и ужина, ведя с ним оживленный разговор.

Между прочим, заметив, что на отце Леониде не было ничего из схимнического одеяния, митрополит спросил: «Что же вы, отец Леонид, не в схиме?» Старец шутливо ответил: «Да я носил, да струсил». Сидевший тут же преосвященный Николай возразил: «Его пострижение было келейное, так, вероятно, отец Леонид в келлии носит же схиму?» При сем старец тотчас же показал под рясою своею принадлежащий схимнику великий параман. «Да, это все хорошо, – продолжал митрополит и тут же, обратившись к преосвященному Николаю, прибавил: – Пусть отец Леонид с вашего благословения носит схиму и, как должно, по указу, открыто». С тех пор старец уже до конца жизни своей невозбранно носил, как и прежде, по обычаю молдавских монастырей, схимнический великий параман нитяный (некоторыми неправильно называемый аналавом). В это время митрополит отлучился на несколько минут в другую комнату. Воспользовавшись этим случаем, преосвященный Николай подошел к сидевшему на диване старцу. Старец встал. Владыка начинает его журить: «Ишь ты, уселся тут и разговорился! великий человек! Приличия не знаешь». – «Да что же мне делать-то? – отвечал старец. – Я сейчас уйду». Владыка: «Не смей». Но митрополит возвратился и все стихло.

На следующее утро митрополит выслушал Божественную литургию в скиту. Он трогательно сказал пришедшему к нему перед обеднею с поздравлением козельскому градскому голове Карлину и прочим гражданам: «Митрополит в монастыре, а здесь, в ските,

я просто инок», – и уклонился от принятия почетного поздравления, показуя собою пример смирения. Потом он побывал во всех келлиях, посещая, как отец чад своих, начиная от начальника до последнего послушника, и каждого из них приветствовал несколькими словами. Зашел и к схимнику отцу Вассиану. На последней дорожке к святым воротам митрополит в последний раз обернулся к церкви, окинул взором весь скит, помолился на храм Божий и сказал сопровождавшим его скитянам: «Ну, простите, братия». Все они поклонились ему до земли. «Пропойте же, – прибавил он, – “Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево”». С умилением сердечным пропели они сей догматик и тем завершили прощание с своим дорогим отцом и великим благодетелем. Так же и в монастыре митрополит прощался со всеми братьями и в особенности со старцем отцом Леонидом, прощался навсегда, оказывая ему пред всеми великую отеческую любовь. Впоследствии старец так писал одному своему духовному сыну: «Высокопреосвященнейший осчастливил своим посещением нашу пустынь и подкрепил особенным своим благословением души наши. А благодетели наши, видя сие, весьма были обезоружены и теперь стали, кажется, мало-помалу приучаться к некоторому смирению. А как высокопреосвященнейший, видевши Оптиную пустынь, остался доволен, это, кажется, и описать трудно...» Посещение Оптиной пустыни киевским митрополитом и внимание, оказанное им оптинскому настоятелю и старцу, имели для обители благотворные последствия, так как преосвященный

Николай стал несколько менее доверять толкам старцевых недоброжелателей.

В другой раз Иоанно-Предтеченский скит удостоился видеть в своих стенах незабвенного виновника своего существования в 1842 году, 20 мая. От монастырского перевоза на реке Жиздре высокопреосвященный Филарет изволил идти пешком и был встречен игуменом и братиею соборне в облачении у ворот входной башни. Отсюда по лестнице, ведущей на гору, взошел во святые врата и вступил ими в соборную церковь при пении стихир: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра». После ектеньи и многолетия изволил благословлять по ряду всю братию. Причем, видя, с каким благоговением и любовью собор иноческий стремился принять его архипастырское благословение, высокопреосвященный владыка, обратясь к предстоящему игумену Моисею, сказал ему: «Отец Моисей! Веди всех их в Царствие Небесное, ни одного не оставляй!» Многие из окрестных дворян, узнав о прибытии их бывшего архипастыря, поспешили в Оптину пустынь получить его благословение. С благоговением заметили они, что чрез час с небольшим по прибытии высокопреосвященного Филарета в обитель, во время молебствия в церкви, ниспослана благодать Божия на их пределы: именно после засухи, продолжавшейся почти месяц, пролился на землю обильный, благотворный дождь и оросил почерневшие поля, «а на земле сердец наших (прибавляют к сему замечанию оптинские иноки) благословением сего

высокого посетителя излился дождь духовного утешения и радости».

По выходе из церкви митрополит посетил настоятельские келлии пред всеобщую. По просьбе козельского почетного гражданина Александра Дмитриевича Брюзгина и его братьев служил панихиду по их родителям, погребенным в здешней обители, а после панихиды почтил литиею на гробе память блаженного старца иеросхимонаха Леонида (Льва). После того всеобщую слушал в монастырском храме, а во время чтения кафизм посетил скит и слушал продолжавшееся в то время в скитской церкви бдение до величания, потом, приложась к святой иконе Владимирской Божией Матери, возвратился в монастырь для отдохновения, будучи утружден путешествием.

На другой день, в 6 часов утра, архипастырь отправился в скит пешком, слушал здесь литургию, а после оной удостоил своим посещением скитоначальника отца Макария, где было поднесено его высокопреосвященству рукоделие скитской братии: деревянные ложки и токарная ваза, которые он благоволил принять с пастырскою благосклонностью. Отеческую беседу свою, при этом случае, высокопреосвященный Филарет заключил печальным известием, что уже последний раз посещает скит. Посетивши келлии некоторых старцев и милостиво побеседовавши с ними, он прошелся еще раз по скиту, как бы желая запечатлеть в памяти его расположение, вкусил скитского хлеба и отправился в монастырь. Пришедши в настоятельские келлии, потребовал к себе скитоначальника

и пожаловал дорогого фиолетового бархата, приказав сделать из него в скитскую церковь одежду на святой престол и жертвенник.

Вот еще некоторые штрихи, относящиеся к общей духовной картине взаимоотношений владыки Филарета, в бытность его Калужским архиереем, и насельников Оптиной пустыни и ее скита. 12 октября 1822 года скончался отец преосвященного – священник Георгий. Переживая скорбь, он пишет настоятелю Оптиной: «Преподобный отец игумен Даниил, любезный о Господе брат! Сего ноября 11-го числа получил я печальное для сердца моего известие о кончине любезнейшего, почтеннейшего родителя моего семидесятилетнего старца иерея Георгия. Исполняя долг сына, не престану проливать теплые молитвы мои у Престола милосердия Господа нашего Иисуса Христа о упокоении души преставившегося в селениях праведных. Покорнейше прошу и ваше преподобие и всех боголюбивых братьев вверенной вам обители помолиться о покойном родителе моем. Усердно молю вас отслужить соборне панихиду и литургию и отправлять годовое поминовение по приложенной при сем записке родных моих. Родитель мой скончался, напутствованный всеми христианскими таинствами, 12 октября сего года. Пустынножительных братьев, отцов боголюбивых, попросите от меня о поминовении в молитвах покойного родителя моего и родных. Призывая на всех вас благословение Божие, с пастырскою к вам любовью имею навсегда пребыть вашего преподобия

усердный богомолец Филарет, епископ Калужский. 1822 года, ноября 15 дня».

Игумен Даниил нередко получал письма от владыки, не только сугубо деловые, а и наставительные, в которых содержалась самая сердечная забота о духовном устроении насельников Оптиной пустыни. Так, 4 апреля 1824 года владыка Филарет писал: «Преподобный отец игумен Даниил, возлюбленный о Господе брат! Примите от пастырского сердца моего искреннее поздравление с светлым праздником Воскресения Христа Спасителя нашего со всею обителью. Господь весть, сколько я желаю и молю Его благость, да послет Он Духа Своего Святого и воскресит в братиях и во всех вас Свою истинную по Бозе жизнь – как начало и семя вечной жизни в светлых обителях Отца Небесного. Но воскресение сие сообщается нам, грешным, тогда, когда мы с Ним, Спасителем нашим, подвигаемся умертвить в себе все то, что святые очи Его видят в сердцах наших противное Его духу, когда мы с Ним страждем и умираем греху, плоти и миру. Тогда только можем ожить духом нашим и вечно с Ним блаженствовать. Руководствуйте Господа ради вверенную вам братию к таковой жизни, не на немощь свою смотря, но на Него, Господа Сил, уповая. Сила бо Его в немощи совершается. Не дивитесь, что они слабы и противоречат истинному их исправлению – таково есть растленное грехом естество наше. Ежели кто из нас имеет что-либо доброе, это не наше, а дар Его милосердия. А ежели Он отнимет Свою руку, помогающую нам, то мы тотчас сделаемся хуже всех. А всемогущая

любовь Его может самого жестокого грешника смягчить огнем Своим Божественным. Потому не унывайте и не отчаивайтесь никогда, хотя бы вы видели труды ваши бесполезными во многих. Божие дело есть возвращать, а наше трудиться, насаждать и напоять виноград Его пред всевидящими милосердыми Его очами. Строгость вашу всегда растворяйте отеческою любовью, или паче всякая строгость должна происходить из единого источника любви искренней и равной ко всем, всегда постоянной. Господь видит все и никогда работающих Ему истинно не оставит».

Далее в письме упомянуты два конкретных момента, касающихся братий Оптиной пустыни. Первый – об одном иноке, который был рукоположен владыкой: «Пимен ваш добрый не только получил священство в Великий Четверток, – пишет он, – но и ноги его омыты, что редко случается. Знак очень хороший чистоты его сердца». И второй: «Ежели Ферапонт истинно раскаялся и показал плоды исправления своей жизни, то к светлому празднику я разрешаю ему священнослужение. Да и ради Христа Спасителя объявите ему, что я решительно его прощаю и разрешаю, в надежде, что он, возчувствуя милость Божию, будет себя хранить от наветов диавола и искушений плоти. А ко мне пришлите рапорт, что он по моему письменному приказанию разрешен. Простим вся Воскресением!»

У митрополита Филарета была душа-пустынница. Это видно было и по его одиноким прогулкам на Корбухе, и потом, хотя и урывками, по пустынноческому пребыванию в Казанской Раифской или Голосеевой

близ Киева пустынях. Но, конечно, скит Оптиной пустыни в этом отношении оставил в его духовной жизни самый явственный и заветный след.

Глава 5

Справедливый духовный судья. Забота об учениках духовного училища. Встреча в Калуге с отцом, сыновнее почитание. Перевод владыки Филарета на Рязанскую кафедру. Прощание с паствой в Калуге и Боровске. Торжественная встреча в Рязани. Вызов в Петербург для заседаний в Синоде. Жизнь в столице.

Евангельская доброта была врожденной для души владыки Филарета. В Калужской епархии он сразу и широко проявил себя в этом отношении. Он оказывал возможную помощь всем, кто имел нужду: священникам, учащимся, нищим, вдовам, сиротам...

Благочинному, который не спешил делать добро, митрополит Филарет сказал: «Эх, отец благочинный! Какой же ты благочинный, коли не желаешь благо чинить ближним, и какой же ты отец в среде вверенных попечению твоему, всех без различия лиц нашего общего, родного духовного сословия! Отселе же ты знай и другим передавай, что благочинный есть собственно тот, у которого в инструкции, а паче всего на скрижали

сердца должны значиться первым параграфом слова царя Давида: “Тебе оставлен есть нищий, сиру ты буди помощник” (Пс. 9, 35). Иначе смотри, отче, чтобы над нами не сбылось другое слово того же царя Давида: “Иже гордым оком и насытым сердцем, – с сим не ядях и сего изгонях” (см.: Пс. 100, 5). А эти слова недаром читаются каждый день на утрене на первом часе. Внемли убо сему и премени твое и око и сердце!»

Обозревая свою паству, владыка Филарет иногда экзаменовал священнослужителей. При неудовлетворительных ответах он не приходил в раздражение, всегда был снисходителен, что ободряло экзаменуемых, будило в них ревность к пополнению и упрочению своих знаний. Священники в селах нередко приглашали владыку в свои дома к обеду. Он никогда не отказывался и, придя в дом сельского пастыря, вел себя благожелательно и просто. Хозяина расспрашивал обо всех подробностях его быта. Это не был праздный интерес, так владыка узнавал жизнь своей епархии во всех подробностях. Поэтому он всегда знал, что нужно делать, в чем и кому помочь в первую очередь. А кроме того, во время застольных бесед владыка не оставлял семьи священника без наставлений, всегда высказанных задушевно и с проникновенным чувством.

Часто он посещал занятия в духовном училище, где не упускал из виду ни одного ученика. Придет, бывало, на урок, попросит вызвать то одного, то другого и слушает ответы. Вот учитель начинает укорять кого-то из них в лености, из-за чего будто и предмет плохо знает, а преосвященный останавливает учителя: «Да, вот

вы так судите, а знаете ли, что и рад бы вот он учиться гораздо, да у него и книжек нет... а хозяева не дают иногда и свечки для занятий, так как он задолжал за квартиру... а родителям-то его и прислать не из чего. Вот дай мне Бог не позабыть поместить его в бурсу, и ему-то будет лучше, и родители вздохнут свободнее: семейка-то у них, оказывается, и без него целая семеренька, а средства-то приходские я знаю – не ахти... Ну так вы не больно пока на него налегайте... А ты, чадо, отнюдь не унывай и не ослабевай».

На следующий год после своего вступления на Калужскую кафедру владыка вызвал из Уфы и поселил в Калуге своего брата-священника Гавриила Амфиотрова с семьей. А незадолго до своей кончины погостил у владыки отец его, иерей Георгий, который так рассказывал о встрече с сыном: «Ну вот, побывал я и у своего Феденьки-Филарета. Слава Богу! Повидался с ним. Запряг я тележку парой, взял с собой мальчишку вместо кучера и отправился в Калугу. Приехал я туда на самый праздник Преображения Господня. Еду себе по городу на тележке в старом подряснике запачканном, потому что сам дорогой и колеса подмазывал. Погода была, помню, уж такая хорошая! Вдруг вижу, сзади меня едет карета на четверке. Пади, пади! – кричат... Я тотчас к своему мальчишке: посторонись, говорю, посторонись скорее, – и сам схватил вожжи и направил свою тележку в сторону. Карета проехала мимо меня, но тотчас остановилась. Вижу, из нее выходит архиерей. Так и обомлел я от страха, соскочил с тележки, схватил с себя шляпу и стою как

вкопанный. А он, мой родимый, сам идет ко мне. Я тотчас положил шляпу под мышку и сложил руки под благословение. А он ухватил мою руку и хочет ее целовать. Я рву у него руку, а сам горько плачу, сам не знаю чего. Такая тут была удивительная сцена! А тут еще народ сбежался вокруг нас. Владыка ехал в то время от обедни; служил где-то в городе, и вслед за ним из церкви шло множество людей. Как увидали, что архиерей остановился среди города и вышел из кареты, так и сбежались к нам. Да ведь и в самом деле удивительно, не постыдился же он, мой родимый, ни моего запачканного подрясника, ни моей деревенской тележки, но взял меня под руку и ведет в свою карету. Я говорю ему: “Не надо, не надо! Я доеду в своей тележке!” Нет – таки посадил меня в свою карету, а мальчику моему сказал: “Поезжай за нами”. Подлинно, каков был он, родимый мой Феденька-то, таков и теперь Филаретом, да еще лучше, кажется, стал. Поверите ли, что я в тот день даже и есть ничего не мог... Он меня потчует и тем и сем, а я и рта не в состоянии раскрыть, чтобы кусок проглотить... а он, мой дорогой, то и дело повторяет: “Ах, батюшка, батюшка мой родной, да чем же мне вас потчевать, чем вас угостить-то? Право же, не знаю и не умею”.

Больше месяца прожил я в таком спокойствии, довольстве и радости – словно в раю жил... Иной сын важный ведь стыдится своего бедного отца и не посылает его на глаза при хороших гостях, а он словно нарочно, бывало, мною хвалится и в глаза и за глаза, пред всеми рассказывая, что к нему-де приехал я, отец его.

Всем этим он, значит, меня хотел утешить... О Боже! какое счастье иметь такого сына. Мне кажется, ни одна мать не лелеет так единственного своего сына, как он заботился обо мне. Бывало так, что приедут к нему важные гости, я и уйду в свою комнату, чтобы скрыться от них, а он как будто занят одним мною, начнет всякому рассказывать: “А ко мне мой родитель приехал, уж как я рад ему!” И тут же пойдет сам и приведет, бывало, меня к ним, да еще станет при них благодарить меня за воспитание. А я скажу ему: “Какое же мое воспитание, владыко? Не я, грешный, простак, а Господь милосердый воспитал тебя”.

Он меня упрасивал пожить у него хоть до самой смерти моей. Да как же мне расстаться со своей высокинской церковью, при которой столько лет служил я Господу Богу? Нет! При ней и умереть хочу. Ведь почему знать, может быть, ныне-завтра сложу подле ней и свои грешные кости».

12 января 1825 года состоялось высочайшее повеление о переводе владыки Филарета на Рязанскую кафедру. К своему новому месту служения владыка выехал в первую неделю Великого поста. В субботу он простился с преподавателями и учениками семинарии. Он призвал их в свои покои, сколько могло вместиться. Обратившись к ректору, сказал: «Попекитесь о детях! Пусть они будут иметь недостатки в познаниях, только были бы истинные христиане».

Утром в воскресенье владыка прощался в кафедральном соборе с паствой и духовенством. После литургии отслужили молебен перед Калужской

иконой Божией Матери с коленопреклонением. Кафедральный протоиерей Иоанн произнес прощальную (или, скорее, благодарственную) речь, и потом владыка благословлял всех прихожан в храме и, по выходе из него, весь собравшийся на площади народ. Многие падали к его ногам, много было слез. За шесть лет своего пребывания в Калуге владыка Филарет приобрел всеобщую любовь. При колокольном звоне он отправился в путь по Московскому тракту. Народ провожал его до часовни Святого Креста на выезде из города. Там преосвященный вышел из возка и совершил краткий молебен о благостоянии калужской паствы. Снова благословил всех и тронулся в путь.

В Боровске он заехал в Пафнутьев монастырь, на бывшую свою вторую Калужскую кафедру. «Прощание происходило в теплой Рождественской церкви, – писал очевидец, – куда собраны были и ученики Боровского духовного училища. Когда начали петь “Ныне отпускаеши...”, то с каким глубоким благоговением преклонил преосвященный владыка святительские колена свои пред престолом благодати и как долго и умиленно молился! По окончании моления вышел на амвон и начал говорить речь, но слезы помешали, и он замолк. В это время подошел к преосвященному наместник монастыря отец Феофил, наш бывший смотритель училища, и, не могши произнести от слез речь, прочитал ее по тетради. За ним приблизился к владыке родной брат его протоиерей Гавриил Егорович Амфитеатров, который начал было тоже говорить речь, но горькие слезы его смешались

со слезами брата-архипастыря, и мы все заплакали. Простившись с братиею, благосердный архипастырь начал прощаться и со всеми учениками, каждого благословлял, некоторых целовал в голову».

Владыка Филарет и после оставления Калужской епархии не прерывал связи со своими духовными чадами. Одна калужская монахиня, находившаяся в сильной болезни, написала ему, прося разрешить во время поста принимать скоромное. Ответ она получила из Рязани (это было в мае 1826 года). Он был вместе наставителен и исполнен сочувствия к страждущей. Кроме того, в нем высказано самое близкое его сердцу правило о хранении в монашестве не только самых обетов, но и присущих монашеству обычаев. Можно болящему в пост разрешить скоромное? Конечно, можно... Впрочем, вот это письмо:

«Жалею сердечно, что здоровье твое разрушается и немощи твои препятствуют тебе ходить в храм Господень на Божественное славословие. Но молю Господа всегда, да хотя внешний твой человек тлеет, но внутренний обновляется по вся дни. Молись Господу сердцем не только в келлии, но и сидя и лежа на одре болезненном, сладчайшее имя Иисуса Христа да будет всегда во устах и в сердце твоём – и Господь услышит и примет молитву твою и милость Свою будет изливать во спасение души твоей. Только берегись уныния, которое совсем не свойственно христианскому сердцу ни в каких обстоятельствах. А сохраняй мир и радость твою о Господе Спасителе нашем, у Которого верные рабы Его не умирают, а переходят от смерти в жизнь вечную.

Мало поболи и потерпи скорби монашеской жизни, да будешь участницею скорбей и Креста Господа нашего Иисуса Христа, да и с Ним насладишься вечных и неотъемлемых радостей. Касательно пищи скажу тебе откровенно. Знаю, что не в пище состоит служение Господу и святость. Но ежели разрешу тебе, то боюсь, чтоб после не оскорбляла тебя совесть твоя. Здоровья тебе должно ожидать не от пищи, а от Господа – источника и подателя сил и жизни. Ежели Ему угодно восстановить тебя от болезни, чтоб еще постранствовать на земли пришельствия нашего, то возможно Ему сие сделать и при употреблении постнической пищи. А ежели Его благодати угодно призвать твою душу в селения святых Своих на небесах, то пища – излишнее дело. Мне кажется, что лучше сохранить обет монашества до последнего издыхания и в самых малых вещах, какова вещь есть пища. Впрочем, сказав мое мнение, предоставляю совести твоей. Только буди верна до смерти Господу твоему, и даст ти венец живота. Сего тебе желаю, и о сем молю Господа, и благодати Его поручаю тебя».

По пути владыка Филарет заехал в Москву, где провел один день, побывал в Троице-Сергиевой лавре. В дороге он простудился и остановился в Радовицком Николаевском монастыре, который находился уже в его новой епархии. Здесь была древняя чудотворная икона святого угодника Божия и Чудотворца Николая. Владыка целую неделю молился в этой обители в тишине и безмолвии, и болезнь его прошла. 28 февраля 1825 года прибыл он в Троицкий монастырь,

располагавшийся уже в предместье Рязани. Торжественная же встреча его как нового архиерея происходила 1 марта.

В Рязани владыка Филарет служил столь же ревностно, как и в Калуге. Прошло совсем немного времени, и рязанцы поняли, что Господь послал им милостивого отца, самоотверженного служителя Господу и ближним. Летом 1826 года, по случаю коронавания императора Николая Павловича, владыка Филарет возведен был в сан архиепископа. В ноябре того же года он вызван был в Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. Он ехал туда в декабре и уже чувствовал, что впереди его ждут перемены. Доехав до границы между Московской и Рязанской губерниями, он вышел из возка, обратился лицом к Рязани, положил три земных поклона, трижды благословил ту сторону и сказал: «Велит ли Бог мне увидеть еще тебя, моя возлюбленная паства рязанская?» И, помолчав немного, прибавил: «Нет и нет!» Так прозрел он грядущие события своей жизни.

Владыка Филарет должен был заседать в Синоде как член Комиссии по духовным училищам. Ему этого откровенно не хотелось. Петербург он в письмах своих называл не иначе как Вавилоном. Не нравился ему и тот быт, который должен был он нести здесь. Он так об этом говорил: «Известно всем и каждому, что всякий архиерей должен непременно привозить с собою в Петербург несколько лиц: иеромонахов не менее четырех-пяти, протодиакона, и еще диаконов двух, да двух иподьяков, и, наконец, певчих человек около

двадцати и даже более, привозить с собою также и ризницу всякого рода, и архиерейскую и прочую, притом по преимуществу приличную. А служить-то приводится почти исключительно в подворьевской церкви, и тесной и темной... А мне так бы думалось, что я и высказывал не раз: в Петербурге два собора – Казанский и Петропавловский, а вот скоро еще и Исаакиевский; в этих соборах когда-когда бывает архиерейское служение... Между тем что благоприличнее, как в этих-то соборах и назначить бы присутствующим в Синоде архиереям совершать богослужение во все праздничные дни, да и во все воскресные. А так как в этих соборах и штат наличных священнослужителей – протоиереев и священников и диаконов со старшим во главе – весьма достаточный, да и певчие свои соборные прекрасные, и ризничные все облачения и принадлежности для архиерейского служения тоже имеются, то и вышло бы, что приезжающим для присутствования в Синоде преосвященным вовсе не приводилось бы тянуться из своих епархий обозами на такие огромные пространства, как, например, из Киева, и по дорогам таким, что по местам Боже упаси ехать-то. При архиерейских же постоянных служениях в соборах столь пространных, несомненно, и молящихся собиралось бы во множестве».

Архимандрит Павел, состоявший при владыке Филарете экономом, рассказывал впоследствии о том, как жил владыка в столице. «Преосвященный владыка, – так говорил он, – жил и держал себя во всем попросту, как и обыкновенно всегда, а не по-столичному,

как, может быть, делают другие... И за это-то, по всему было видно, особенно его любили и уважали многие знатные в столице люди. Служить он любил, как и всегда прежде в Рязани, весьма часто; и в церковь нашу, бывало, собиралось много богомольцев всякого звания, и бывали и знатные лица целыми, бывало, семьями и после обедни заходили всегда в покои владыки для беседования назидательного, так как он разговоров мирских светских не любил вести и слушать. Что же касается его келейного образа и правила жизни, то и говорить нечего. Молитва для него была чуть ли не первым отдыхом после всяких трудов по разным делам, от коих он нередко не знал, что есть день, что ночь... Бывало, дивишься не удивишься, как сил у него доставало, а времени, видимо, не доставало. И подлинно, молитва его только и укрепляла его силы и как бы удлиняла и умножала для него и самое время».

Глава 6

Казанский архиепископ. Забота о просвещении ино-
родцев. Великое чудо по молитвам владыки Филарета.
«Большой мулла». Среди простого народа. Помощь го-
лодным. Божие наказание раскольникам. Холера в Ка-
зани. Чудесное исцеление отрока по молитвам вла-
дыки. Моление о дожде. Благоустройство монастырей.
О Казанско-Богородицкой обители. Отношение к слу-
жителям архиерейского дома и к их детям. Желание

пустыннического уединения. Болезнь и чудесное выздоровление владыки по молитвам святителя Митрофана Воронежского. Обет. Вызов в Синод. В Воронеже. В Задонске. Встреча с затворником Георгием Машуриным. Назначение владыки Филарета на Киевскую кафедру.

Указ о назначении владыки Филарета в Казань вышел 25 февраля 1828 года. Предписано было выезжать срочно, так как в положении инородцев епархии (татар, черемисов, чувашей и других) возникло много затруднений. И снова – долгий зимний путь Великим постом... Дорога шла по льду Волги. Путь был и трудным и опасным. С одной стороны – мороз и вьюга, с другой – ненадежность льда, ведь уже наступил конец марта. Был случай, когда возок преосвященного провалился под лед, но сильные кони вынесли. В Казань прибыл он в Страстную Пятницу. Первая его служба в храме состоялась на Кириопасху – в том году Светлое Христово Воскресение совпало с Благовещением Пресвятой Богородицы.

Задача владыки Филарета в новой епархии была крайне трудной. Несколько тысяч новокрещеных татар, черемисов и других инородцев решили отойти от Православия, оставили обряды и даже открыто заявляли о своем нежелании быть христианами. Ниже мы увидим, что это происходило только из-за недостаточного внимания церковного начальства и особенно

священников к нуждам этих людей, в основном бедных. Владыка Филарет сумел донести до этой части своей паствы всю правду и красоту Православия, многого достигнув своим примером, своим трудом, своей любовью.

Обозрев епархию, посетив многие места, где жили новокрещенные, владыка убедился, что в большинстве своем священники и благочинные, служа и исполняя требы, мало пекутся о просвещении этих людей в отношении веры. Вот тут-то он и предпринял весьма строгие меры. Одна из трудностей заключалась в том, что во многих селениях магометане численно преобладали над православными. И если старокрещенные могли стоять более или менее крепко, то новокрещенные легко поддавались влиянию мусульман. Предоставленные самим себе, они и отпадали от новой веры. Чуваши же, будучи уже и крещеными, с трудом преодолевали свои языческие традиции. Кроме того, почти никто из них не знал русского языка, поэтому они неохотно ходили в храмы. «Большая часть сего народа, – писал владыка Филарет в Синод, – доселе не может отстать от суевренных обрядов язычества, которые поддерживаются в них корыстолюбием их предсказателей, коих они называют юзьями и почитают слова и убеждения их велениями божественными. Почти каждая деревня имеет особенного своего юмзю».

Владыке Филарету помогал Бог. Вот какой случай, к примеру, произошел в одном чувашском селе, куда приехал он для знакомства с причтом и прихожанами. В тот же день он без сопровождающих зашел в одну

бедную избушку. Здесь он увидел, что в углу, на постели, лежал умирающий старик. Тут же находились две женщины и несколько маленьких детей. Нищета во всем была невообразимая. Оценив обстановку, владыка спросил: «Где образ?» Женщины не ответили, так как не поняли. «Где Бог?» – спросил он тогда. «А! Мальчишка играл... затащил куда-то». Стали искать, не нашли. Владыка снял с себя панагию, повесил в красном углу на гвоздь и погрузился в молитву. Настала тишина. Все замерли, даже дети...

Долго владыка воспарял душой к Богу, а потом положил три поклона и подошел к старику. Взял его крепко за руку и начал поднимать. Умирающий с трудом открывает глаза, не понимает, что происходит, но вот уже он сидит на постели. «Вставай!» – властно возгласил владыка. Старый чувашин встал и, словно разбуженный от сна, пришел вдруг в себя. Трижды осенил его владыка святительским благословением, тот упал к его ногам. «Корми сирот, – строго сказал владыка, – ходи в церковь да слушайся попа».

«Чуваши и черемисы, – писал владыка Филарет, – после обозрения моего и по принятым мною мерам начинают целыми деревнями и даже целыми приходами бросать свои нелепые обряды. Из сего я вижу ясно, что успех в обращении их несомнителен при помощи благодати Божией, ежели мы не станем отвращать от них своего бдительного надзора». В другом его письме читаем: «Я имел истинно пастырское удовольствие при посещении крещеных в прошедшем году видеть благословенные успехи сих новых овечек

в жизни христианской. В одной деревне, населенной ими, заложил церковь и восхищался зрением, с каким усердием старшины новокрещенных полагали со мною основные камни в созидание храма Божия. Снова убедился я в той истине, что с простыми душами всего плодоноснее есть беседа Церкви чрез священные ее обряды».

Очень скоро татары, чувашы, мордва, черемисы поняли, что «большой мулла» (владыка Филарет) любит их всех не менее своих русских, что он от души желает им добра и вечного спасения. Он прослыл милостивым, нищелюбивым, спасителем бедных и сирых. Это помогало ему целыми тысячами привлекать инородцев к Православию, приводить их в ограду Церкви Христовой. Куда бы он ни приехал, повсюду его окружала толпа, и охрана ничего не могла с этим поделать. Когда сказали ему, что опасаются, как бы его не затолкали, он ответил: «А знаете ли, что это толкание нас и есть особенная милость Божия... Худо и горе, когда нас перестанут так толкать... Ведь эти-то толкающие (разумею простой народ) толкают нас именно оттого, что их самих толкает внутреннее чувство веры, столь обильной в простых сердцах их... Когда я в первый раз обозревал епархию, то при въезде в тот или иной приход из новокрещенных встречали меня у церкви священник с причтом и земский чиновник с урядниками. Народ же стоял, бывало, далеко, на полверсту... “Что это значит?” – спрашивал я. “Не смеют”, – отвечали мне. Как не смеют? И я приказал тут же священнику и чиновнику звать всех... Они

придвинулись, а я к ним, и начал благословлять их всех и детей, которым и раздавал тут же и пяточки серебряные, и крестики, и иконки маленькие, и всё преобразилось... Когда же я приезжал в следующие разы, то те же, не смевшие прежде, спешили еще за околицы ко мне навстречу... Случилось однажды, что нужно было освятить церковь в новокрещенском приходе, и я назначил было для этого миссионера, архимандрита. Но не тут-то было... Прихожане, мешеряки новокрещенные, пристали ко мне: “Нет, нет, бачка, так не можна... айда сам”. Я хотел объяснить им причину, но они свое: “Нет, нет, наша сама тащим твоя... айда!” И надо было видеть и паче чувствовать, как эти же самые, не смевшие прежде и приближаться, затаскали и затолкали меня во все время моего пребывания на освящении церкви в их селении, куда собрались в огромном множестве и из ближайших селений. Все это так живо сердечно чувствуется мне и доднесь, и молитва моя об них – этих истинно простодушных овечках – выну в душе моей».

Во время голода к загородному архиерейскому дому владыки Филарета приходили во множестве бедняки, не только русские, но и татары, и даже некрещенные. Вместе с иподиаконом преосвященный выносил нарочно размененные мелкие деньги и раздавал женщинам с детьми, старикам, увечным, вообще всем, кто просил. Потом, когда кого-нибудь из этих приходивших татар спрашивали о владыке, ответ бывал таков: «Да-да... наша-та слышал яво... Бульна хорош он была тот-та большой мулла... Давал наша голодный,

и баранчук*, и бабай**... Сама бирал рука его... Будто родна наш какой, и наша-то бульна любил яво».

В Казанской епархии немало было и раскольников. Владыка Филарет старался и этих заблудших обратит в Православие. Но с ними было гораздо труднее, чем даже с инородцами. Они были упорны. У них были свои духовные «наставники» – грамотеи, знатоки старопечатных книг. Конечно, бывали случаи обращения в Православие и в их среде. Но в целом этот орешек был крепок...

Однажды владыка Филарет объезжал православные приходы за Волгой. Возвращаясь, он остановился в селе Услон, как раз напротив Казани, переждать непогоду, которая не позволяла переплыть Волгу. Многие из православных этого села и соседних селений пришли к владыке принять его святительское благословение. Оказалось тут и большое число раскольников, пришедших из любопытства. Владыка их сразу заметил. Воспользовавшись случаем, он начал беседу именно с ними. Они не подходили под благословение. «А что же вы, людие, – сказал он им, – стоите зряще и отступивше от своих же односельчан? Ведь все они русские, а не татары или черемисы, как и вы сами».

Ответа не было. «Что ж вы, и впрямь сказать, – продолжал он, – как бы дичитесь и своих-то... или, быть может, дичитесь меня... Но напрасно. Видите, я сам подхожу к вам и не дичусь по-вашему». Тут слышалось: «Да что нам до тебя? И мы-то тебе почто

* Баранчук – ребенок.

** Бабай – старик.

нужны? Ступай куда едешь... А мы так, сами себе». – «Да зачем же вы так неласковы, что и слова-то перемолвить не хотите, разве я вам враг какой?» – «Нечего нам толковать-то с тобою, так и речи заводить непочто». – «А я вот хотел бы поговорить с вами, и, само собою, не как-нибудь, а по-Божьему». – «У нас есть и без тебя свои такие толковники». – «А что ж, нет ли кого из этих ваших толковников, вот бы и потолковали сообща... и я бы их послушал, коли они и вы все не хотите, чтобы я говорил». – «Есть-то у нас есть, да не про твою, видно, честь...» Раскольники переговаривались между собой. Наконец, послышался грубый голос: «Вот что, отец, отваливай-ка ты на ту сторону, а мы еще посмотрим, как-то подобра-поздорову переправишься... А пробудешь еще подольше здесь, так мы, пожалуй, и парома не дадим... Вишь, какая непогода разыгрывается!»

Владыка Филарет помолчал, помолился на церковь и, ничего больше не сказав, отправился к перевозу. В это время ветер утих. Переправа оказалась самой благополучной.

Вернувшись в свой загородный дом, владыка вышел на балкон. Из-за Волги надвигалась черная туча. Ветер усиливался. Вот совсем стемнело, и ветер превратился в бурю... Страшные раскаты грома потрясали дом, сверкали молнии. В это время за Волгой вспыхнуло зарево. Что такое?.. Владыка снова вышел на балкон. За Волгой горело село Услон. Он пошел к себе и стал молиться о спасении от гнева Божия градов и сел. На другой день стало известно, что в селе Услон

погорели дома одних только раскольников и первый удар молнии был прямо в дом того дерзкого, который произнес последние угрожающие слова владыке. Погорельцы обратились потом за помощью к своим благодетелям, купцам казанским, но те, узнав, как они обошлись с владыкой Филаретом, задумались... Наказание Божье было более чем очевидно. После этого и раскольники по-другому стали относиться к владыке Филарету.

В 1830 году, в августе, во время сильной жары, явилась в Казани холера – тяжелое заболевание, грозящее массовыми смертями. Болезнь распространилась и в соседних епархиях, но там, как оказалось, она свирепствовала во много раз сильнее, чем в Казани. Здесь же смертность оказалась небольшой. Жители считали, что эта милость Божья была оказана им по молитвам архиепископа Филарета, который со своим причтом ежедневно молился о спасении людей от холеры. По прекращении бедствия владыка учредил в Казани ежегодный крестный ход в течение июля месяца со Смоленской чудотворной иконой, приносившейся из Седмиезерной пустыни. Ее носили по храмам и домам Казани, и в это время во всех церквях служились молебны Казанским святителям Гурию, Варсонофию и Герману в благодарность за избавление города и губернии от смертельной болезни.

В 1833–1834 годах во многих губерниях России случился неурожай. Цена на хлеб возросла в шесть-семь раз, что грозило беднякам голодной смертью. Очевидец вспоминал: «Душа Филарета милостивого –

Казанского – открылась во всем величии. Казань узрела в нем второго Василия Великого. Окончив литургию в Крестовой церкви и возвратившись в келлии, он высылал иподиаконов с двумя мешками денег для раздачи нуждающимся в дневном пропитании. Однажды при мне спросил иподиакона Андрея какой-то ему знакомый чиновник: “По сколько раздаете?” – “Каждую неделю семьсот рублей ассигнациями” – был ответ. При таком ответе, естественно, возникает вопрос: откуда брал владыка такую сумму? Вот источники: раздав запас денег, какой у него был, высокопреосвященный Филарет обратился к жалованью и доходам с оброчных статей. Когда этого не доставало, весь сервиз, скопленный предместниками преосвященными Вениамином и Павлом, он заложил меновщику Ложкину, который сам мне о том сказывал, занял денег под проценты и роздал».

Объезжая во время голода епархию, владыка посетил одного купца, у которого маленький сын не мог ходить. Беседуя с купцом, преосвященный посадил отрока к себе на колени и гладил его по головке. Когда окончилась беседа, владыка Филарет спустил его с колен на пол, перекрестил и сказал: «Ну, гряди во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» И тот побежал к своей матери. Пораженные и обрадованные родители со слезами благодарили святителя, и купец тотчас пожертвовал большую сумму денег для страждущих от голода.

В 1834 году казанская жительница Надежда Ивановна Саврасова пожертвовала в пользу попечительства о бедных духовного звания три тысячи рублей.

Она была духовным чадом владыки Филарета. Вскоре она заболела. «Получив вследствие простуды жестокую ломоту с опухолью в ногах, – рассказывала она, – я отчаивалась в своем выздоровлении. Лучшие казанские врачи ничего не могли сделать для облегчения моей болезни, которая, видимо, обращалась в водяную». Узнав об этом, владыка Филарет пожелал навестить болящую. Расспросив ее, он предложил ей чаще прибегать к помощи Небесного Врача и усерднее молиться перед Казанской иконой Божией Матери. Потом сказал: «Не можете ли вы спустить ноги с постели?» – «Никак не могу, – отвечала Надежда Ивановна, – даже пошевелить ими не могу». – «А ты попробуй, может, с помощью Божией и спустишь, да вели сбросить с ног все эти припарки». Больная с помощью прислуги действительно села на постели. Так они еще долго разговаривали, и владыка заметил, что она сидит спокойно, не чувствуя боли. «Видишь ли, – сказал он, – как сила Божия в немощи совершается?» Затем, благословив ее, попрощался и направился к выходу. Больная незаметно для себя встала и двинулась за ним, провожая его. В следующей комнате он остановился и сказал: «На первый раз довольно. Завтра опять попробуй походить, да перестань лечиться у лекарей, лучше молись Царице Небесной». – «Я, владыко, – сказала Надежда Ивановна, – уже теперь вашими молитвами не чувствую болезни», – и сделала ему земной поклон. Через некоторое время преосвященный направил ее в Воронеж помолиться у мощей святого владыки Митрофана, и она провела там три месяца,

в которые окончательно укрепилось ее здоровье. В память своего чудесного исцеления, явленного по молитвам преосвященного Филарета, Надежда Саврасова выстроила храм на своей родине, в городе Свияжске, где находилась и вторая кафедра Казанского архиепископа.

В селе Лаишеве, где владыка однажды остановился, люди просили его помолиться о дожде, так как стояла упорная засуха. Он молился об этом вместе с ними в их храме за всенощной, а потом и утром, за обедней. Еще не завершилась литургия, как хлынул ливень, щедро напоивший долгожданной влагой окрестные поля. В другой раз владыка молитвою поднял побитый градом хлеб, да так, что солома срослась и дала необыкновенно сильные побеги. Хлеб на этом поле уродился такой высоты, какой здесь никогда не бывало.

Так произрастал при владыке Филарете и духовный хлеб, – все, чего он касался своей деятельной рукой, обильно плодоносило. В монастырях епархии при нем значительно умножилась братия. А в особенно любимые им пустыни – Раифскую и Седмиезерную – он приглашал монахов из калужских и орловских монастырей. В обеих этих пустынях владыка, по примеру скита Оптиной пустыни, устроил себе места для молитвенной подготовки к Великому посту. Его пример вдохновлял братию на сугубые аскетические подвиги. Женские монастыри также ощущали на себе заботу преосвященного, его доброту и любовь.

Часто бывал он в Казанско-Богородицком монастыре, устроенном некогда на месте явления Казанской чудотворной иконы. В этой обители игуменьей была

мать Евпраксия, в свое время вступившая в обитель на четырнадцатом году своего возраста. Игуменьей она была поставлена в 1827 году самим владыкой Филаретом. Она много трудилась в деле благоустройства обители, возводила и обновляла корпуса келий. Духовная жизнь сестер, благодаря ее высокому внутреннему устроению, пламенела истинным благоговением. Ею была устроена в монастыре золотошвейная мастерская, где сестры вышивали шелками, золотом, жемчугом и камнями епитрахили, омофоры, поручи, воздухи, оклады на иконы, митры... Владыка Филарет и сам нередко заказывал им работу.

Впоследствии одна из инокинь-золотошвей (ставшая впоследствии игуменьей этого монастыря) вспоминала, как преосвященный пришел и сказал так ласково мастерицам: «А знаете-ли, детушки, кто это вас так научает и умудряет в этой истинно прекрасной и, мало сказать, благородной, а прямо назвать, священной работе? Эту науку и художество дарует вам Сама Пречистая Богородица. Она, Богоизбранная Отроковица, еще с самых детских лет, пребывая при храме Иерусалимском, тоже занималась таким же священным рукодельем. Да и после вознесения Сына Ея, Бога и Господа нашего Иисуса Христа, на небо, пребывая на жительстве у усыновленного Ей Господом Спасителем возлюбленного ученика Его Иоанна Богослова, пребывшего навсегда непорочным девственником и в лице своем показавшего нам первый образ и пример святомонашеского жития, – Она, говорю, Препоблагословенная Богородица, занималась

этим же священным рукодельем. Прочитайте-ка в Четь-Минях в Священном сказании об Ея всечестном Успении и увидите там, что Пречистая Богородица, посетившая четверодневно умершего, а затем воскрешенного Господом Спасителем Лазаря, бывшего в это время епископом на острове Кипре, дары ему принесе, и какие же дары? Омофор и нарукавницы (то есть поручи), “яже Сама содела нарочно его ради”. А вот и вы рукодельничаете то же – и омофоры, и поясы, и митры, и воздúхи, и ризы на иконы, и таким образом выходите как ученицы и подражательницы Самой Пречистой Богородицы. Так вы и представляйте себя как бы в Ее присутствии и под Ее руководством. Для этого же вот что делайте. Когда все дружно рукодельничаете, то в это же самое время вы по временам воспевайте священные песни в честь Пресвятой Богородицы сообщая все, кто как может и умеет, например: “Достойно есть величати Тя, Богородице...”, “Архангельский глас вопием Ти, Чистая...”, “Взбранной Воеводе победительная...”, “Достойно есть яко воистину...”, “Заступнице усердная...” и другие, какие знаете священные песни наизусть. Вот уж тогда-то вы воистину будете ученицы-рукодельницы как бы под Ея научением, подобно как теперь занимаетесь под личным научением вашей доброй матушки-игуменьи. Ведь и она, тоже с детских лет, научалась этим священным рукоделиям, вы ей и подражайте».

Преосвященный любил называть монахинь пчелками в улье и всегда отмечал особенную опрятность и чистоту в женских монастырях. В мужских он часто

не находил ничего подобного и откровенно говорил, что в иных монастырях «не келлии, а не знать что, и всякая леность ко всему, по пословице, прежде их родилась, да в них воплотилась и совсем их поглотила».

В своем архиерейском доме преосвященный окружен был множеством служителей, полагавшихся по штату, – иные были тут и до него еще, – это конюхи, садовники, трапезные, повара, уборщики, пасечники и другие разного рода занятий служители. Вот они и рассказывали впоследствии о преосвященном Филарете. Один из них говорил: «Знал он нас и любил звать по отчеству: то Михайлыч, то Парфеныч... Выходило же у него все это больно ласково, тихо да кротко... Он и в поварню зааживал, и на задний двор, и на работах разных бывал. Любил больно он бывать, когда косят сено или жнут хлеб... И обо всем толкует, бывало, как есть, кстати да к делу. Уж, бывало, и мы все дивимся не надивимся, как это он до всего умел доходить. При каждом ведь нашем деле на разных работах то одно он промолвит, то другое, а иногда как бы по-нашенскому скажет прибаутку, а у него-то все выходило по-божественному... Зааживал он в ину пору и в наши избы, и тут-то всех переаглядит, и ребятишек приголубит, и раздаст им по пятаку. А ребятишки так и льнули к нему, – он пойдет домой, а они за ним гурьбой вдогонку. Он остановится, опять их поласкает, а то доведет домой к себе и там что-нибудь раздаст им, а все-то им твердит: “Богу молитесь, Богу молитесь, детушки!” Любил он еще рыбку ловить попросту удочкой...

Любимая была для него еще проходка на пчельник, и долго-долго в ину пору он там засиживался где-нибудь в уголку, один-одинешенек, как есть, чтобы никто его не видал, а видевшие-то баяли, что он там часто молился или читал книги божественные, а то слыхивали, что он больно-больно вздыхал и, кажись, плакал».

Повар Михайлыч рассказывал, как в саду при своем загородном доме преосвященный устроил себе скит – велел поставить простую избу, где, кроме некрашенных стола и лавок, никакой мебели не было. «Избу-то распорядился владыка, – говорил он, – построить для себя в первый же самый год. Сначала опасно даже было за него, что он там в ину пору подолгу находился, а иногда и ночевал, так как ограды крепкой тогда и не было... Неровен час, опасались, как бы злой человек какой не обидел. К тому же еще ужасно было много ужей и змей, так что когда расчищали место и строили избу, то рабочие больно трусили, чтобы змей не уязвили... Но владыка почему-то их не боялся. Он приказал только в ближайшем овраге навалить больше хворосту, щебню и всякого мусору и загнать их туда, – где они действительно и стали жить почти безвыходно. Не велел он бить ни одной гадины.

В этой избе, разделенной перегородкой внутри, с дверкою и с сенцами, были две скамейки простых и два стола плотничных некрашенных. Кровати тоже не было, а только широкая скамья. Вместо постели припасали ему то соломы, то сена свежего. Покрывал постилку он простынею или одеялом. В избу эту он, бывало, никого не принимал из сторонних

и просителей, а в случае чьего прихода тотчас выходил на крылечко и садился на скамейке, устроенной у стены, и тут беседовал. Когда, помнится, приезжал к нему какой-то архиерей, кажись, Вятский, его-то, хотя было и зимой, он привозил и сюда, в загородный дом, и водил в избу. По случаю этому, то есть при приезде, значит, гостя-архиерея, мы было и всполошились, думали, что вот нужно будет готовить многие кушанья. А оказалось, что этот архиерей точь-в-точь такой же постник...

Помню, раз собралось нас из его прислуги около крыльца довольно попросту посидеть вечером летним, сам-то он был там, в избе своей, или, как он говорил всегда, “в дебре” или “в скиту”. И вот вдруг он идет оттуда. Мы уже знали, что крепко не любил он, когда при виде его начнут уходить с места. Мы, значит, так и оставались как были. Он сначала постоял против большого холодного храма, три раза поклонился с молитвой, взглянул затем и на домовую церковь, напоследок подошел прямо к нам. Мы все под благословение. Он же, благословляя нас по одиночке, заговорил: “А что вы, знаете ли, как наши-то церкви Божии именуются?” Сказать-то по правде, не всяк знал... А он продолжал как бы про себя: “Да, да... этот вот холодный храм – во имя Входа Господня во Иерусалим; а этот, что наверху в хорах, – во имя Вознесения Господня на небо”. Владыка примолвил: “Эхма, эхма (такая у него была поговорка), – и со вздохом сказал: – Ведь Иерусалим-то святой для нас не на земле только, а и на небе... а чтобы попасть в него, значит,

нужно вознестись с Господом... а как нам этого достигнуть? Вот так бы и рад, пожалуй, в рай, да грехи-то велики и не пускают". Таким-то манером он часто любил заговаривать со всяким и все, бывало, сводил к одному, к наследию Царствия Небесного. Уж больно радел он о спасении души своей. Он ведь хотел было даже вовсе выйти из архиерейства и думал непременно для этого поселиться в пустынь Раифскую... В Раифе уже начата была постройка и особого дома с церковью при нем».

Келейник преосвященного Филарета вспоминал, что он в своем архиерейском доме ночью молился перед окном, открытым в домовую церковь, а иногда проходил в алтарь и молился там. Он забывал о сне и еще затемно начинал читать свое многочасовое правило. Архиерейский дом, находившийся в середине Казани на возвышенном месте, был открыт солнцу и ветрам. Владыка Филарет приказывал сажать вокруг него березы. Они выросли и дали хорошую тень. Кто-то из последующих архиереев затеял какую-то перестройку и приказал все березы срубить. Но и перестройка не состоялась, и прекрасных берез не стало...

Владыка Филарет давно болел лихорадкой и часто испытывал ее болезненные приступы. Он надеялся, что, если Бог благословит, он построит себе в Раифе, среди соснового бора, у чистого озера, келлии и там предастся непрестанной молитве. Наместник этой пустыни игумен Амвросий был уверен, что это так и будет. Но воля Божия предрекла иное. Весной 1836 года Синод вызвал преосвященного в Петербург.

Он еще не знал, что покидает Казань навсегда. Но паства каким-то образом это чувствовала. При последней его службе в кафедральном соборе молилось великое множество народа. После молебна он вышел из храма с горящими трикирием и дикирием и стал благословлять людей на все стороны. В толпе раздался голос «Владыка святой, на кого ты нас покидаешь?!» Преосвященный ответил «Господу Богу и Пречистой Его Матери вас всех поручаю, только веруйте и усердно молитесь!»

Хотя ему было не по пути, он поехал сначала в Воронеж поклониться мощам святителя Митрофана. Это совершалось по обету, данному владыкой в Казани во время необыкновенно сильного приступа лихорадки. Он тогда выздоровел. Надо было благодарить Воронежского Чудотворца... Архиепископ Воронежский Антоний задумал в ту пору устроить мужской монастырь при Воронежском Благовещенском кафедральном соборе. Дело это было заведомо трудное, и он встретил владыку Филарета как Божьего посланника, ведь владыка Филарет был членом Синода, а дело о монастыре и должно было идти через Синод. Узнав о данном владыкой Филаретом обете, преосвященный Антоний сказал своим полумалороссийским говором: «Вот же бачьте теперь, владыко, що воистину сердце царево в руце Божией, а пред Богом предстоит выну и угодник его – наш святитель Митрофан... Он ведал ваш обет вожденный, а потому и возжелал, щоб исполнение его в благодарность за исцеление, им вам дарованное, не ограничивалось только

молитвою благодарения, но щоб и вы сослужили для него службу – потщились ускорить дело по устройению обители в честь и славу его имени».

После Воронежа побывал владыка Филарет у мощей святителя Тихона в Задонске и посетил затворника Георгия (в тайном постриге монаха Стратоника), и случилось это как раз в день его Ангела – 23 апреля 1836 года. Перед этим затворник долго страдал глухотой, а в этот день – день своего Ангела и встречи с владыкой Филаретом – получил полное исцеление. Они вместе были на литургии, а потом подошли к нищим, для которых затворник Георгий устроил трапезу. У гроба святителя Тихона, тогда еще не прославленного, но почитавшегося народом, владыка невольно вспомнил, что этот святитель-подвижник долго болел и вышел в этот монастырь на покой, но тут Господь отнял у него болезнь. И вот на покое святитель Тихон начал такую деятельность, какой у него, может быть, не было и в прежние времена. И сам владыка Филарет уже не чувствовал никакой болезни, он стал отгонять от себя мысли о выходе на покой, которые долгое время его беспокоили.

В Петербурге преосвященному пришлось много потрудиться над разными делами, в том числе и относительно нового воронежского монастыря. Вскоре он был назначен на новую епископскую кафедру – Ярославскую. Однако он не успел даже приступить к управлению этой епархией: Государь назначил его, рескриптом от 18 апреля 1837 года, на должность митрополита Киевского и Галицкого.

Глава 7

В Свято-Успенской Киево-Печерской лавре. Строительство храмов. Заботы о «внутреннем храме» монаха. В Голосеевой пустыни. Памятник святому князю Владимиру. Тайная схема. Чудо исцеления монахини по молитвам святителя Филарета. Дела в Киевской консистории. Софийское духовное училище. Киевская духовная семинария. Помощь владыки священникам.

В Киеве митрополит Филарет поселился не в Софийском митрополичьем доме, как его предместники, а в покоях настоятеля Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, – он сам и был настоятелем ее. Поскольку эти покои устроены были с большой роскошью, то он сразу начал придавать им более скромный, соответствующий монашеской жизни вид. Огромную двухсветную столовую, где прежде собирались за обедом сотни знатных лиц, где гремела музыка и пел хор, митрополит Филарет превратил в теплую домовую церковь во имя святителя Михаила, первого Киевского митрополита. Он приказал не убирать комнат «по-барски». Монашество – на первом месте, а потом уже – и священноархимандрит лавры и митрополит...

«Хорошо строить и великолепные храмы в обителях, но еще нужнее устроить внутренние храмы в обителях попечением настоятелей об иноческой по Бозе

жизни», – говорил митрополит Филарет. Он много строил, без излишней роскоши, прежде всего проявляя попечение о внутреннем храме души инока. И вот он обратил внимание, что в Ближних пещерах существует только один храм – во имя Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня, холодный. Зимой служить в нем было трудно. Кроме того, не было при пещерах храма Всех преподобных, почивающих там. К 1839 году такая церковь была устроена. Потом начались многолетние работы по обновлению иконостаса в Успенском соборе, устройство в нем нового иконостаса (на средства графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской). Во время своего управления епархией владыка достроил Десятинную церковь – восстановление этого древнего киевского храма тянулось с 1824 года. Еще он освятил церковь во имя святой равноапостольной княгини Ольги, заложил храм Киевского университета во имя святого равноапостольного князя Владимира, посвященного памяти крестителя Руси. Был торжественно освящен и обновленный Софийский собор. В первый же год своего пребывания в Киеве владыка начал строить каменную стену вокруг пещер; это дело доставило ему много хлопот, так как к сооружению стены привлечено было через Синод военное ведомство.

В семи верстах от лавры находилась Голосеевская пустынь. Сюда нередко удалялся митрополит для уединенного молитвенного жития, пусть и на малое время. «Я здесь, в Голосеевой-то, и есть собственно

настоятель, а там, в святой лавре, я послушник, ибо настоятельница, игуменья лавры, есть Сама Пресвятая Богородица», – говорил он. Здесь, в пустыни, для него был построен дом с церковью во имя Иоанна Многострадального. Соорудил в пустыни каменный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы с двумя приделами. Сам приходил сюда потрудиться и носил кирпич. Затем возведена была каменная ограда вокруг пустыни, и вот образовался небольшой монастырь. Духовным отцом митрополита являлся старец Парфений, для которого также построен был в Голосеевой домик. «Здесь носится дух преподобных отец наших Печерских, – говорил старец, – и если есть на земле утешение и радость, то это в пустынном безмолвии. Люди отлучают нас от Бога, а пустыня приближает к Нему».

2 апреля 1844 года владыка Филарет писал из Голосеева архимандриту Игнатию в Сергиеву пустынь под Петербургом: «Христос Воскресе!.. У нас теперь и весна уже начинает благоухать первыми цветами. И аз, многогрешный, после долговременного отсутствия во время зимы привитал в любимой моей уединенной пустыньке. Ах, как сильно жаждет душа моя совершенного удаления в сию пустыньку на молитвенное безмолвие! Тут она обретает мир и питается богомыслием, неразвлекаемым суетами мира. Но, видно, еще не у прииде время».

Опять пошли слухи, что владыка Филарет хочет удалиться от мира. «Тяжело, – говорил он сам, – до крайности тяжело носить мне бремя службы... Как

бы хорошо совсем удалиться в Голосеево и посвятить себя Единому Христу Спасителю... Но нет, – видно, уже до конца висеть мне на кресте. И Христу Спасителю говорили: “Сниди со Креста”, но Он не сошел... Так и я часто слышу эти слова: “Сниди со креста”, – вопиют иногда дела, а иногда собственное нетерпение... Но я положил уже висеть дотоле, пока снят буду».

Десять лет – с 1832 по 1842 год – длилась подготовка к сооружению в Киеве памятника великому святому – равноапостольному князю Владимиру. Проект был одобрен императором Николаем Павловичем. В конце концов памятник был установлен, но митрополит Филарет не принял участия в этом деле (при нем шла только еще подготовка). Вот что написал он в официальном письме в Петербург: «Недавно случилось мне видеть рисунок памятника, сооружаемого в Киеве святому равноапостольному князю Владимиру. По рисунку предполагается наверху памятника поставить во весь рост статую святого Владимира с крестом в руках. Православною Церковью нашею, с самых древних времен и доселе, не принято воздвигать таковые памятники святым вне храмов Божиих, без сомнения по весьма важным причинам. Посему и нет в уставе церковном чиноположения на заложение и освящение оных. По духу веры православной и по древнему благочестивому обычаю в память святых сооружаются храмы, посвящаемые их имени, в которых верующие испрашивают их ходатайства пред Богом. Так, блаженной памяти императрицею Елисаветою Петровною сооружен в Киеве храм во имя

святого апостола Андрея Первозванного на том месте, где им водружен был святой крест. Во имя святой великой княгини Ольги недавно освящен мною каменного здания храм, сооруженный усердием доброхотных дателей. Святому равноапостольному князю Владимиру доселе нет в Киеве приличного храма. Построенная же давно во имя его деревянная церковь клонится к разрушению. По долгу звания моего сообщая о сем, покорнейше прошу доложить Государю императору, не благоугодно ли будет Его Императорскому Величеству в память достославного царствования его, ознаменованного благословенными успехами Православия, повелеть соорудить в Киеве соборный храм во имя святого Владимира, как монумент, достойный равноапостольного просветителя России православною верою».

Но памятник уже воздвигался. «Святой равноапостольный князь Владимир разрушал идолов и воздвигал святыне храмы, а в честь него хотят воздвигнуть статую... кто же будет освящать такое сооружение? По крайней мере, я не соглашусь вовеки», – заявлял митрополит Филарет. Но и мысль о храме, посвященном святому крестителю Руси, была императором Николаем Павловичем поддержана, сразу же положено было и начало сбору средств на сие богоугодное дело.

Чем выше становился его сан, тем сильнее стремился святитель к монашескому уединению и уходил в глубины духа. В 1837 году пожалован был ему белый клобук митрополита, а в 1841-м он тайно

постригся в схиму. Владыка свято хранил эту тайну, и никто не знал, что под святительскими одеждами скрывается великий параман схимонаха. В схиме читал он свое келейное правило, продолжавшееся шесть часов, – запирался, и никто не нарушал его уединения. После его кончины в особом ящике найдены были у него три поношенные схимы. Тогда только узнали о его постриге, при котором он получил имя Феодосий, в честь преподобного Феодосия Печерского. При этом прочли и приложение к его завещанию, где говорилось: «По сокровенному и неизглаголанному желанию и влечению сердца моего дан мною пред Господом Богом обет воспринять на себя великий ангельский образ – святую схиму. Обет сей исполнен мною пред всевидящими очами Господа Бога и Спасителя моего Иисуса Христа, с наречением имени отца нашего Феодосия Печерского. Посему прошу и молю Духовный Собор святых Киево-Печерских лавры, по кончине моей, облечь грешное мое тело в святую схиму, хранящуюся в келлии моей, в особом ящике, которую и возложить сверх одежды новой, приготовленной на погребение мое».

Как ни трудно было митрополиту Филарету выезжать в Санкт-Петербург, но приходилось. В 1836–1842 годах он неоднократно совершал это долгое путешествие и по несколько месяцев жил в столице, участвуя в делах Синода. Проезжая через Москву, он всегда посещал Троице-Сергиеву лавру, и в ней семинарию и духовную академию.

Однажды он пришел с иподиаконом и послушником в храм преподобного Сергия просто поклониться его святым мощам, и тут некая монахиня Хотькова монастыря (впоследствии она была там игуменьей) узнала его, – он излечил ее чудесно от тяжелой болезни, явившись ей во сне. Узнав его, она со слезами пробила к нему сквозь толпу, и он, благословляя ее, тихо сказал: «Молчать прошу, о чем – знаешь». История же ее была такова. Она была монахиней или, может быть, рясофорной, заболела ревматизмом. Постепенно недуг уложил ее вовсе в постель. Ей больно было даже повернуться на другой бок. И вот однажды видит она как бы наяву, что подходит к ее постели незнакомый архиерей в облачении, с ним – иподиакон и послушник. Он сказал ей строго, чтобы она встала. Когда же она возразила, что не может, он взял ее за ногу и сильно потрянул, так что она вскрикнула от боли. «Не бойся! – сказал он. – Будешь здорова, да еще и начальствовать будешь». И она встала, болезнь ее прошла без следа. Она рассказала об этом наместнику Троицкой лавры архимандриту Антонию, но тот по ее описанию не смог догадаться, что это был за епископ. И вот в лавре, встретив владыку Филарета, она узнала в нем того, кто спас ее от тяжелой болезни.

Помимо дел в Синоде, ради которых иногда целые зимы преосвященный Филарет проводил в Петербурге, у него в Киеве была масса хлопот с Духовной консисторией, в которой еще до него накопилось огромное число нерешенных дел. Иное решение зрело целые годы... А при добросовестном к делам отношении

не годы требовались для этого, а, может быть, месяцы или даже дни... Владыке же иной раз хватало и часа. На одной из папок он написал: «Исполнить в возможной скорости... Прошу консисторию избавить меня единожды навсегда от сей несносной неприятности видеть такую непростительную медленность». На другой: «Мне кажется это дело о священнике Н. и решение по нему бестолковым. Такие решения делают срам присутственному месту». Также не стал принимать владыка неподписанных доносов. Мелкие дела – недоумения между священниками, разные бытовые происшествия, ссоры и т. п. – он решал сразу, Божиим судом, словесно, не заводя бумаг. Он был милостивым судьей, но строго наказывал за пьянство, особенно священников, так как не терпел поругания священнического сана.

Если дьякон просил рукоположения в священники, владыка сам экзаменовал его и часто отказывал за плохое чтение, недостаточное знание церковно-догматических вопросов. Предпочтение в этом отношении отдавалось получившим духовное образование – окончившим семинарию. Он строго следил, чтобы из причта никто не был обделен при распределении церковных доходов. Владыка вызывал к себе поссорившихся и мирил их, увещевал неблагопристойно себя ведущих, будил совесть, напоминал о Божьем суде и всегда достигал успеха. Правда восстанавливалась. В консистории стало заметно меньше бумаг...

А еще были дела Киевского епархиального попечительства о бедных. И там имелось огромное множество

бумаг, но уж там-то дела не могли длиться долго, поскольку требовали быстрой, незамедлительной помощи, ведь речь шла о голодных, бедных и немощных, о сиротах и вдовах; но и эти дела длились... Владыка все пересмотрел и многое решил сам. Ознакомившись с делом, он писал свою резолюцию. Они были в таком духе: «Предлагаю производить прежний оклад...»; «Продолжить выдачу пособия...»; «Не отказывайте пока в чаянии милости Господней к сиротам, доколе Промысл Божий откроет способы устроить сирот...» Зачастую эти «способы» он сам и находил. Нередко назначал пособие из своих личных доходов.

Его отеческая доброта выразилась и в его отношении к ученикам Софийского духовного училища – его любимого детища. Ради общения с отроками он иногда оставался жить в Софийском митрополичьем доме, в котором училище и располагалось. Каждую седмицу он выслушивал рапорт начальника училища и потом расспрашивал его, сыты ли дети, обуты ли, есть ли одежда, постель, баня... Если узнавал, что чего-либо недостает, тотчас приказывал своему эконому дать все необходимое. Картофель и капусту, хлеб, сырное на масленицу – все доставлял из своих средств. Не было у начальника училища лошади – вспомнил владыка, как сам в Уфе ходил пешком, и подарил начальнику лошадь с экипажем. Даже училищный колодец велел вычистить за свой счет. Множество сирот – и русских, и новокрещеных евреев – учились тут на счет преосвященного Филарета. И потом в завещании своем он не забыл этого училища – оставил ему

значительную сумму, расписав подробно, как следовало ей распорядиться, на что ее потратить.

Многие знатные и богатые люди весьма уважали и любили владыку Филарета и немало денег жертвовали через него на разные добрые дела. Вот так и собралось у него однажды рублей тысяч до десяти... «Куда мне девать их? Такая пропасть!» – сказал он и, конечно, все эти тысячи ушли на богоугодные дела – на помощь беднякам, на лечение и уход за ранеными солдатами (тогда шла Крымская война). Однако бывало и так, что казначей выдавал ему деньги для раздачи, но предупреждал, что у него у самого – у владыки – почти ничего не осталось. И келейник ворчал, что вам-де, владыка, самим есть нечего будет... Но он не менял своих правил. И Господь не позволял его нищелюбивой руке оскудевать.

Софийское училище готовило учеников для семинарии. Его даже в официальных бумагах именовали иногда «училищем Его Высокопреосвященства» или «Филаретовским». Сам же владыка называл его «своим», а учащихся – «детками». Начальников и педагогов владыка назначал сам. Благодетельство, трудолюбие, смирение были присущи едва ли не всем ученикам. Так что многие родители не только из духовного звания, а из мещан и купцов просили принять туда своих детей.

Один из бывших учеников вспоминал: «Отеческие чувства и отношения владыки Филарета к ученикам выражались в самом непосредственном, живом общении и обращении с ними, как отца с детьми.

Он, как родной отец, готов был делиться с ними, как говорится, одним куском. Нужно было видеть святого старца в кругу своих детей-учеников, например, на так называемых публичных экзаменах, как он был с ними прост и ласков... Владыка, проживая по временам в своем Софийском митрополичьем доме, являлся в свое училище иногда домашним образом – в скуфейке и с простою клюшкой в руках. Тут он отводил свою душу в общении с детьми: старческое лицо просветлялось тогда какою-то особенною радостью... Как отец в своей семье, он тут позволял себе и невинные шутки; кого-нибудь из детей поласкает, кого наделит одним, а кого другим гостинцем, а кого и пожурит по-отечески».

Публичный экзамен бывал великим торжеством для училища. На нем пелись канты и целые концерты духовные; конечно, говорились учениками речи. Владыка спрашивал учеников, и его не так боялись, как педагогов, к нему у детей было больше доверия. Но он экзаменовал их не только на экзаменах, а и во время учения, когда, придя в класс, мог обратиться к любому из учеников и поспрашивать его по тому или иному предмету. Если он брал певчих из учеников в свои поездки в Петербург или по епархии, то велел им брать и учебники, и там они занимались, а он выставял им оценки и отсылал ведомость в училище с прибавкой слов о их поведении. Часто дорожный экзамен происходил так: владыка выходил из экипажа, высаживал детей-певчих из другого, следовавшего за ним, велел кучерам медленно ехать вперед, а сам с детьми шел

иной раз несколько верст пешком, при этом расспрашивая их о разных предметах, наставляя, разбирая учебные вопросы.

Владыка Филарет, ознакомившись с положением в епархии, увидел, что из 1213 священников только 377 окончили семинарию, да 95 было проучившихся неполный курс. Многие дальше училища не пошли, а иные и вовсе нигде не учились. Нужно было поднимать уровень образованности духовенства, но в особенности – нравственности, чтобы не было не окончивших полного курса и больше было бы достойных священства. Преосвященный требовал самых подробных отчетов, все внимательно выслушивал и запоминал. Никакая мелочь им не забывалась. На все был у него свой взгляд, всегда находилось решение, не исполнить которое уже было невозможно.

Владыка впоследствии писал обер-прокурору Синода графу А.П. Толстому: «При вступлении моем в управление Киевскою епархией, к крайнему моему удивлению, я нашел только пятую часть священников, кончивших курс в семинарии. Причиною тому была бедность духовенства, по которой не только причетники, но часто и священники не имели способов воспитывать детей своих в училищах и в семинарии, отчего и число учащихся там было, до моего поступления, крайне ограничено сравнительно с числом причтов Киевской епархии. Теперь же, к истинному пастырскому моему удовольствию, осталась одна едва двенадцатая часть священников, не окончивших курса учения, и число учащихся в духовных заведениях

почти удвоилось и сделалось вполне соответствующим потребностям епархии».

Вот на это обратил внимание преосвященный – на благосостояние священников, и во все время своего служения всеми мерами помогал он улучшить материальную сторону жизни священников и других членов причта. Как видно из вышеприведенного письма его к обер-прокурору, это ему в значительной мере удалось.

Глава 8

Митрополит Филарет – протектор Киевской духовной академии. Журнал «Воскресное чтение». Кадетский корпус и Институт благородных девиц. Удаление владыки Филарета из Синода. Участие его в устройении Гефсиманского скита близ Троице-Сергиевой лавры.

В одной из юбилейных речей было сказано: «В митрополите Филарете Киевская академия видела искреннюю отеческую заботливость о благосостоянии и ходе академического образования. Взгляд на потребности духовного образования был у него таков, что вообще от науки он требовал паче всего плодов жизни, плодов благочестия. Сам глубокий аскет, он аскетизм ставил выше учености. Под его влиянием дух аскетизма сильно развился в академии, обнаруживаясь

в поступлении в монашество многих наставников и лучших студентов».

Бывший студент академии вспоминал: «Владыка столько любил монашество, что, казалось, и нас всех, студентов академии, желал бы видеть монахами. По крайней мере, с особенною любовью благословлял он на святой сей путь избиравших его по искреннему желанию студентов и обращался с особенным вниманием при своих посещениях академии к монашествующим студентам. И к достойнейшей чести последних должно сказать, что они оправдали свое избранническое звание и служение. Из них многие уже давно достигли высшего иерархического звания».

Многих из таковых владыка сам и постригал в Киево-Печерской лавре, часто в святых пещерах. Пострижен был им профессор истории Дмитрий Иванович Макаров, с именем Лаврентия (впоследствии он стал архимандритом, наместником лавры).

Будучи протектором Киевской академии, владыка Филарет опирался на собственный духовный и педагогический опыт. Его мудрость всегда давала ему возможность глубоко вникнуть в учебный процесс. Он содействовал улучшению программ, наставлял педагогов, ставил перед студентами удивительно точные вопросы на экзаменах.

В 1837 году начал выходить в Киеве духовный журнал «Воскресное чтение», получивший широкую известность во всей России. Особенно интересны были выпуски, изданные в те двадцать лет, когда журнал издавался под попечительством митрополита

Филарета, – по его советам подбирались статьи, нередко он и гранки сам просматривал. Среди материалов помещались в этом журнале и его «Беседы толковательные на Евангелие». Он следил и за тем, чтобы все статьи были живыми и доступными для простого читателя.

Преосвященный Филарет являлся почетным членом Императорской академии наук и трех университетов – Московского, Казанского и Киевского.

В Киевском кадетском корпусе он нередко посещал экзамены по Закону Божию. Когда был построен для корпуса новый дом и в нем устроен храм, владыка приехал храм освятить. Кадеты присутствовали на этой службе. Преосвященный сказал им слово, которое дошло до их сердец. «Дети! – говорил он. – Вот вам от меня на благословение святая икона Успения Божией Матери. Молитесь! И Матерь Божия да будет и для вас Матерью. Милосердая Заступница всего рода человеческого, надежная Помощница всем христианам – Она не оставит и вас, как детей, своею милостью... Только вот что: Матерь Божия милосердая, человеколюбивая есть вместе и строгая и правосудная... От любимых детей Своих Она требует, чтобы они хранили паче всего невинность детскую. Приснодева, Пречистая, Пренепорочная, Она желает, чтобы и мы вели жизнь девственную, целомудренную и благочестивую. Кто хочет быть под Ее святым покровом, кто желает удостоиться Ее матерних благословений, тот должен жить богобоязненно и добродетельно. А кто живет иначе, от тех Она отвращает

лице Свое; людям порочным, развратным и нечестивцам нет Ее матернего благословения. Храните, дети, паче всего невинность детскую, будьте добры, богобоязненны, кротки, скромны, послушны, будьте прилежны, трудолюбивы, любите учение, паче всего преуспевайте в страхе Божиим и благочестии. Блюдайте, как зеницу ока, чистоту ума вашего и чистоту тела. Каким образом? Чистоту ума – утверждением его в святых истинах веры православной, подчинением его Закону Божию, покорением его Христову Евангелию. Слышите дети? (“Слышим!” – отвечали кадеты.) Чистоту сердца – ревностным исполнением заповедей Божиих, жизнью добродетельною. Слышите, дети? (“Слышим!”) Чистоту тела – поведением целомудренным, девственным, удалением себя от всякой нечистоты и скверны плотской. В нечистом теле не обитает Дух Святой. Слышите? (“Слышим! Слышим!”) Так и исполняйте то, что слышите».

Бывал преосвященный на экзаменах и в Институте благородных девиц. Привозил туда много иконок, крестиков и молитвенников и раздавал девицам. Назначая сюда законоучителя, владыка искал священника особо чистой нравственности. Если начальница сама имела в виду кого-то на это место (и на место духовника также), то владыка не очень-то поддавался ее пристрастиям. «Пусть он хорош, – отвечал он ей о том, кого она хотела бы принять в институт, – да к вашему-то заведению не совсем пригож!» И не затруднялся отказать. «Я знаю, – говорил он, – и должен знать только то, что воспитанницы ваши составляют мою же паству

юнюю, что они, по самому своему званию благородному, у меня в понятии особенном – как истинно добрые, нежные, невинные овечки в среде всего взрослого моего стада, вверенного моему пастырскому смотрению и назиданию во спасение. Потому-то и приставника пастыря в ограде их нужно избирать мне самому, а не по указанию и назначению чьему-либо со стороны, хотя бы и вашей как начальницы».

То, что происходило в Святейшем Синоде, обер-прокурором которого в то время являлся граф Н.А. Протасов, не всегда нравилось митрополиту Филарету Киевскому, как не во всем нравилось и митрополиту Филарету Московскому. Их непоколебимая твердость в церковных вопросах раздражала обер-прокурора, стремившегося к власти полной, единоличной. Против двух Филаретов он пытался постоянно плести интриги, не прислушивался к их мнениям. Результатом было то, что в 1842 году оба митрополита навсегда покинули Синод, впрочем, продолжая числиться его постоянными членами.

К этому времени относится и основание возле Троице-Сергиевой лавры знаменитого Гефсиманского скита, что во многом произошло благодаря деятельному участию митрополита Филарета (Амфитеатрова). Наместник лавры архимандрит Антоний (Медведев) в своих воспоминаниях подробно рассказал об этом. «В 1842 году, в мае месяце, – говорил он, – в последний проезд из Санкт-Петербурга в Киев, посетил нашу лавру высокопреосвященный Филарет. Во время пребывания своего он пожелал посетить, между прочим,

Вифанию, куда и пригласил меня сопутствовать ему. На пути я стал рассказывать ему о состоявшемся уже тогда, по мысли и желанию нашего высокопреосвященнейшего владыки митрополита Филарета (Дроздова), предположении устроить скит – нынешнюю Гефсиманию. Дело оставалось лишь за выбором места для скита. А как в ту пору наш владыка находился в Петербурге в звании члена Святейшего Синода, то я и вошел с ним в переписку касательно выбора места. Мне хотелось решить этот вопрос скорее, на тот конец, чтобы в наступившем же лете приступить к работам, именно желалось, по крайней мере, успеть заложить церковь – выкопать рвы и положить фундамент; остальная же работа – так как церковь имела строиться деревянная – могла быть производима и в позднюю осень, и в самую зиму. Признаюсь, занятый благоговеюю мыслью о предположенном устройстве скита, я много раз осматривал местность, на которой стоит теперь Гефсимания; ходил по всему пространству ее во всех направлениях по разным протоптанным тропинкам, а иногда проходил и сквозь глухо заросший лес, особливо в смежности с трясиным, версты на две простирающимся болотом, но взор и внимание мои каждый раз привлекались к одному пункту, носящему исстари название Корбуха. И вот, в последнем из писем своих нашему высокопреосвященному владыке я осмелился доложить ему, что находил бы более всего удобным и приличным положить основание скиту на Корбухе. Но что ж! Владыка заметно даже оскорбился таким моим докладом о выборе места для скита.

“Нашел место... – писал он в ответ на мое письмо, – там, где бывали прежде гульбища и игрища с песнями, плясками, хороводами, ты вздумал устроить скит...”; действительно, близко этого места во время бывших высочайших посещений лавры императрицами Елисаветою Петровною и Анною Иоанновною давались, бывало, народные празднества. Зная это, я тем не менее смущался и скорбел от такого укорительного отказа, тем более что иного места не предвидел, а главное, этим отказом задерживалось мое неперменное желание приступить к делу с наступавшим летом, и, признаюсь, не знал, на что решиться; приходил даже к мысли, что, видно, Богу не угодно, чтобы осуществилось наше предположение об устройстве скита, когда является такая несходственность в самом избрании места; во всяком случае, я положил в мыслях не напоминать уже более нашему владыке об этом предмете.

В продолжение всего моего, как и теперь, рассказа, слушавший меня высокопреосвященный митрополит не промолвил ни слова, и мы приехали в Вифанию. На обратном же пути, лишь поравнялись с местностью Корбухи, он вдруг обратился ко мне: “Ну-ка, покажи место, где ты думал бы устроить ваш скит”. Я приказал повернуть лошадей на тут же бывшую небольшую дорогу; но как проехать в карете до самого места не было возможности, то мы тотчас же вышли из кареты и пошли пешком. Идучи к месту, я не мог не заметить, что владыка вовсе не имел нужды в указании пути; каждый поворот он знал наперед едва ли не лучше меня. Когда же мы подошли к самому предызбранному

мною пункту, он, остановившись, спросил: “Ну, где же именно хотел бы ты, отец, устроить скит и, главное, поставить церковь?” Я отвечал: “Да вот, владыко святой, на этом-то самом месте, где мы теперь остановились”. Осмотревшись кругом с глубоким в лице и душе вниманием, он продолжал: “Так дело-то, говорил ты, остановилось теперь у вас затем, что владыка митрополит ваш не соглашается на выбор этого места?” – “Да”, – отвечал я с душевною грустью. “А вот если бы я был у вас владыка, то знаешь ли, что я сделал бы? Я указом предписал бы тебе, отец наместник, а не то и силою заставил бы тебя строить храм и устроить весь скит именно здесь, где мы теперь стоим!”

Я устремил все свое внимание на лицо и слова говорившего. Он же, не сдержав, как видно, невольно, исполненного самых духовных чувств, вздоха, продолжал: “Да, ты говорил, что ты избрал это вот место, а я тебе скажу, отец, что не ты избрал его, а оно было избрано прежде тебя и меня, а тебе теперь лишь указано. Говорю тебе, пиши твоему владыке митрополиту еще и еще о настоящем месте для скита: здесь, именно здесь должно быть скиту, и нигде в ином месте. Пусть владыка и погневается на тебя, а ты все-таки стой на своем, и помянешь после, что будет по-твоему, или, иначе, по Божьему указанию тебе. Я открою тебе, в чем дело. Когда ты вел меня к этому месту, я уже наперед его знал, и без тебя пришел бы прямо к этому пункту. Ведь я здесь бывал побольше твоего. Да я ли, грешный, только?.. Нет, и до меня, и при мне было довольно здесь лиц, по тропинкам коих мне, грешному,

приводилось ходить лишь вослед их... Вот как бывало это.

Когда я был определен в здешнюю академию сначала инспектором, а с тем вместе и профессором богословских наук, то, признаюсь, мне слишком было трудно проходить эту службу, особенно же преподавать лекции академические. В академии я не был, да и вообще кончил курс лишь семинарский, и к тому же по старинному образованию; сослуживцы же мои почти все, не только профессора, но и бакалавры, были образования нового – академисты. Готовых лекций не было, а только лишь конспекты. Потребно было труда и труда, а не меньше того и разных сведений по своей науке. Так вот, бывало, всячески дома-то хлопочешь-кропочешь, чтобы приготовить ту или иную лекцию, а тут еще отрывают от занятий по разным служебным обязанностям или сам развлекаешься чем-нибудь, а потому и мысли как-то не клеятся в голове и не ложатся на бумагу, и все дело просто-напросто из рук валится... Правда, стараешься, бывало, заниматься большею частью по ночам, которые нередко приводилось просиживать напролет.

Но все как-то дело мало зрело и спело: верно, оттого, что среди подобных ночей не успеешь, бывало, исполнить как должно правила монашеского да и у утрени и ранней обедни за усталостью не побываешь. Что было делать? Вот я и стал уходить из академии под предлогом прогулки в Вифанию (сада-то тогда никакого еще не было при академии) в свободное от служебных занятий время. Возьму с собою Святую

Библию и другие нужные книги, бумагу, чернильницу с пером или карандаш, приду сюда, усядусь где-либо под кустом, чтобы никто не видел, да и давай размышлять и писать. А чтобы дело шло успешнее и с истинною пользою, с самого начала и в частые промежутки, особливо когда мысли не так-то свободно идут, встанешь, и тепло-тепло помолишься Господу, и угодника Божия святого преподобного Сергия призовешь в помощи, вспоминая, как и ему являлся в лесу благодатный старец, и открыл в нем способности к учению, и открыл разум к ведению и как впоследствии водворился он в пустыни, чая Бога спасающего, и там, на Маковце, устроив храм и обитель во имя Святыя Троицы, сам сделался вселение Ея... Это я говорю тебе о себе. А что делали здесь другие сюда приходившие?.. Конечно, они делали делание далеко не такое, как я, грешный. Верно, все эти тропинки орошены да и кусты-то окроплены были их покаянными воздыханиями и слезами, и, верно, по всей этой Корбухе всюду насеяны ими семена богомыслия, подобно тому, как там, на Маковце, где тоже сначала была чаща и пустынь, а затем процвела обитель яко крин... Так-то, отец, неспроста привлекало и тебя к себе это место.

Здесь, как я сказал, благочестивые старцы и мужи-подвижники засеяли в обилии семена богомыслия и святости, а ты призываешься теперь создать здесь житницу, чтобы эти семена, как плодоносные, были собраны воедино и послужили в спасительное питание многим... Ибо что есть храм, который ты намереваешься прежде всего устроить здесь, как не житница,

в которую сносятся и слагаются, как добрые семена, благие и чистые мысли и чувствования всех истинных чад веры и Церкви Христовой!.. Но довольно, ты сам все это разумеешь, быть может, больше моего. Я скажу тебе только еще раз: пиши к вашему владыке и настаивай неослабно и без боязни гнева его, чтобы благословил избрать для скита это, а не другое место, на коем и да будет благословение Божие”.

Сказав это, высокопреосвященный митрополит осенил место на все четыре стороны своим святительским благословением, и я, приняв таковое же от него, тотчас же и заломил три ветви на дереве, стоявшем там, где быть должно будущему храму и где действительно он и стоит теперь, равно как и весь скит расположен на местности, именуемой Корбуха».

В сентябре прибыл из Петербурга митрополит Филарет Московский. Погода была дождливая и холодная. «Когда я однажды, – рассказывал отец Антоний, – решился было напомнить владыке, не угодно ли будет ему лично побывать на Корбухе, он сказал: “Что это?.. На явную болезнь или смерть ты хочешь тащить меня туда в такую погоду?” Через день после праздника преподобного Сергия, 27-го числа, владыкою был предназначен выезд в Москву, а погода несколько не изменялась. Ну, думаю, прощайте, все мои надежды и предположения!.. Но вдруг задолго еще до полдня 27-го числа поднялся страшнейший ветер и облака начали рассеиваться и, чрез какие-нибудь два часа, выглянуло солнце, и такое яркое и жгучее, что день превратился в чисто майский. Часа в два дня владыка,

совершенно неожиданно для меня, потребовал меня к себе и говорит: “Ну, что ж? Ты не давал мне ни отдыха, ни срока с своим выбором места для скита на Корбухе. Вот погода проветрилась: отправимся, пожалуй, посмотрим вместе”.

Лошади были немедленно поданы, и когда мы выехали за Посад, то погода стояла истинно очаровательная... Откуда взялись разные птички, которые кружились над головами нашими и оглашали воздух пением на все голоса, – словом, в лесу стало так прекрасно, усадительно, что и весною редко можно чувствовать такое состояние, в каком мы находились. Сам владыка как бы не верил себе, смотря на все окружающее нас в природе, как бы приветствующее каким-то нарочитым торжеством... После нескольких минут нашего пребывания владыка спросил только: “Где основать самый храм?” – а затем сам же указал на то же дерево, которое было мною намечено, и на котором я снова, за его благословением, надломил три большие ветви. Пройдясь еще несколько и осмотрев местность в каком-то раздумье, владыка вдруг обратился ко мне с вопросом: “Однако скажи мне, отец наместник, отчего ты так неотступно настаивал в твоих, особенно последних, письмах касательно избрания этого именно места для скита?” Когда я, несколько не обинуясь, ответил ему, что настаивать так благословил меня высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский, осматривавший и указавший это место в недавний проезд его здесь, – владыка сказал: “Вот так бы и следовало тебе написать мне, тогда и рассуждать ни мне, ни тебе

не нужно было бы. В этом деле он знаток, не то что мы с тобой; мы не годимся и в ученики к нему по этой науке”. Владыка определенно имел в виду монашескую “науку”, в которой, впрочем, как известно, он и сам был далеко не слаб».

Глава 9

Монашеское делание митрополита Филарета. Старец Парфений. В Голосеевой пустыни. Случай с лаврским дьяконом. Дети в митрополичьем саду. Телесная немощь владыки и сила его молитвы. Еще раз о его великом нищелюбии. Чудеса по его молитвам ко Господу.

Вспоминая позднее свой последний отъезд из Петербурга, где он половину заседаний Синода уже и не посещал, владыка Филарет говорил: «Бывши в последний раз в Петербурге, я крайне желал распрощаться с ним навсегда. Я никогда не любил его: это просто тюрьма, и более того... Особенно я боялся умереть в нем. Потому, дождавшись праздника Благовещения, я возжелал непременно просить себе отпуска навсегда. Так и сделал. На праздник Благовещения, отслужив обедню, я подал прошение Государю. Государь изъяснил милостивое соизволение, и с тех пор

за освобождение меня из этой тюрьмы я ежегодно посылаю в день Благовещения на тюремный замок по сто рублей».

Киева он больше не покидал. Дивное дело: находясь, так сказать, на столь высокой свещнице, светя всем, митрополит Филарет оставался благоговейным монахом, и не урывками, а всегда – и чем дальше к старости, тем более. Многое он делал тайно, но суть была видна всем. Как мы помним, он был тайный схимник, а ведь до его приезда в Киев схимников в лавре не было. Первым владыка постриг в схиму лаврского иеромонаха Пафнутия. Отец Пафнутий подал на то прошение, но не по самочинию – ему было явление: в тонком сне он увидел епископа, который сказал: «Пафнутий, не сомневайся: желание твое исполнится». – «Кто же ты, архиерей Божий?» – спросил тот. «Я Парфений, епископ Лампсакийский» – был ответ. Владыка Филарет и постриг его в схиму с именем Парфения. Иеросхимонах Парфений был великий подвижник. Он стал духовником многих монахов и мирян. Избрал его себе в духовники и владыка Филарет. А вскоре и сам преосвященный восприял великий ангельский образ с именем Феодосия от старца Парфения.

Между двумя схимниками был духовный союз. Они часто беседовали во время прогулок. Часть летнего времени они вместе проводили в Голосеевой пустыни. К 1846 году относятся воспоминания одного очевидца, который писал: «Особенную приверженность имел высокопреосвященный митрополит к священной Псалтири, которую он знал всю наизусть

и прочитывал ее даже среди самых прогулок своих. Пишущему строки сии довелось в 1846 году быть в Китаевой пустыни. Был июль месяц, время роскоши цветов. В 9 часов утра пришел в эту пустынь из соседней с нею Голосеевой пустыни старец-митрополит в сопровождении духовника своего отца Парфения. Подошел к одной из келлий и, отворив дверь, владыка обратился с вопросом к обитателю ее: “Гуляли ли вы ныне, отче?” Пospешно вышедший навстречу дорогому гостю пустынный, приняв благословение владыки, ответил ему: “Еще не выходил, Ваше Высокопреосвященство”. – “Пойдемте же с нами, – сказал митрополит и прибавил: – А мы уже довольно прошлись ныне, так что мой старец (указывая на отца Парфения) прочел мне вслух на память почти всю Псалтирь во время прогулки нашей”».

Братия лавры иногда бывала недовольна, что владыка принимал в число насельников людей, приходивших с не очень хорошими рекомендациями. Он отвечал так: «Если не принимать с не вполне одобрительными рекомендациями, то нужно изгнать меня первого – по одному слуху и преданию о том, как я бывал рекомендован, бывши уже архимандритом... Я знаю, что все смотрят на белый клобук и судят по нему, а я взираю на черный. Первый-то одели на меня и без моего спроса, а последний я сам просил. Белый не спасет, а только обличит и обвинит на суде, если первый не представишь непорочно в чем и как должно. А кто знает, у кого черный-то клобук окажется чище – у митрополита ли или у того, кого мы не захотели

бы принять по неодобрительной аттестации... Ах! Благодарю Тебя, Господи, яко Твоим всеблагим и неисповедимым Промыслом вчинил еси мя, грешного и недостойного, в лик иноческий святыя чудотворныя Киево-Печерския лавры, ея же настоятельница есть Сама Пречистая, Препоблагословенная Пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодева Мария... Так вот Кто настоятельница лавры, а если Она нас, недостойных, не отринула принять, то как же мы, непотребные служки Её, будем вольничать: одних принимать, других нет... Наша святая лавра недаром именуется чудотворною: она чудодейственным образом и худых может сотворить хорошими. Горе, если приходящие к нам хорошие сделаются худыми от нас же самих!»

И вот по прошествии времени владыка писал тем, кто худо рекомендовал инока, что тот весьма благонаправен, что на самом деле и было. И вообще, если и случалась среди братии какая неисправность, он покрывал ее своим милосердием. Это действовало благотворно, лучше самого строгого прещения. Начальствующих, а особенно своего наместника, он строго наставлял. «Ты ведь наместник мой, – говорил он. – Так смотри, чтобы нам друг друга, а вместе с собою и других не увести в другое отечество. А ведь это как легко и немудрено может статься с нашей стороны, особливо когда будем направлять на путь-дорогу не всегда одним образом, паче же водясь не Духом... Эхма, эхма!»

Насколько владыка был терпим к людям, видно, например, из следующего происшествия. Однажды,

в начале июля, выехал он в Голосееву пустынь, дело было под вечер. Оказалось, что кучер, лакей и фореитор были нетрезвы и после того, как выехали из города, сбились с дороги. Владыка не сразу это заметил. Но вот совсем стемнело, настала ночь, а карета все кружила и кружила по каким-то полям и, наконец, стала. Кучер, лакей и фореитор заснули. Преосвященный молча сидел в карете, а как начало светать, вышел из кареты и ушел пешком. На пути он встретил крестьянина, ехавшего в телеге, и попросил довезти себя до пустыни. Там он расплатился с ним и просил поехать туда, где остановилась карета, и разбудить спавших. Когда они, трепеща от страха, прибыли в пустынь, он никакого неудовольствия не показал, а только с улыбкой заметил: «Верна поговорка: не загадывай вперед, а как Бог приведет... Думали быть здесь вчера, а вот приезжаем сегодня».

Известный русский писатель Николай Семенович Лесков в очерках «Мелочи архиерейской жизни» описывает некоторые случаи подобного мягкосердечия владыки Филарета, следования его духу всепрощения. Был один из грустных случаев, пишет он, который устроил высокопреосвященному Филарету бывший «парадный» иеродиакон лаврский Ан-ий. Богатырь, красавец, диакон этот пользовался большими льготами в лавре, где дорожили его громоподобным голосом и спускали ему многое, чего, может быть, не следовало бы спускать. Раз летнею ночью в нетрезвом виде вышел он из келлии на житный двор, где на ту пору стояли волы приехавших с вечера мужиков. Ему пришла дикая

мысль сесть на вола верхом и начать разъезжать на нем по монастырю. Непривычный к верховой езде бык начал реветь, прыгать и метаться, а богатырь диакон сидит на нем, как клещ на жужелице и, жаря его каблуками в ребра, кричит: «Врешь, не уйдешь!» Сон мирной обители нарушен; спавшие по всему двору странники в переполохе мятутся, думают, что видят беса. Словом, смятение произошло ужасное. Нынешней газетной гласности, питающейся от скандалов, при тогдашней тесноте печати еще не было, но слух, которым земля полнится, на другой же день распространился из монастыря и дошел до мирян. После этого не должно показаться удивительным, что весть о ночном путешествии иеродиакона верхом на быке казалась занятною и многих интересовало, какие это будет иметь для него последствия. Происшествие не осталось безвестным и владыке, да это было и невозможно, так как разгоряченный вол занес наездника к самым митрополичьим покоям. Как инок строгой жизни, владыка, разумеется, был сильно возмущен и разгневан произведенным беспорядком и собрался быть так строг, что даже опасался, как бы не дойти до жестокости. Его успокоили, говоря, что виновный стоит сильного наказания. «Да, стоит он, дурак, стоит, но я боюсь, что я буду уже очень жесток, а?» – твердил митрополит. «Ничего, Ваше Высокопреосвященство, он снесет». – «Снесет-то снесет, но ведь это нехорошо, что я буду очень жесток».

Настал час суда владычного, Впрочем суда келейного, происходившего только в присутствии двух-трех почетных старцев. Жестокий судья для внушения

страха принасупился, завертел в руке свои беленькие костяные четки с голубою бисерною кисточкою и зашевелил беззвучно губами. Бог его знает, изливал ли он в этом беззвучном шепоте самые жестокие слова, которые намеревался сказать виновному, или молился о себе и, может быть, о нем же. Последнее вернее. Но вот он примерился говорить вслух и произнес протяжно: «Ишь, кавалерист!» Диакон упал на колени. Филарет привстал с места и, строго хлопнув рукою по столу, зашиб палец; долго дул, как дитя, на свой палец и, получив облегчение, продолжал живее: «Что, кавалерист?» Виновный упал ниц и зарыдал... Митрополит изнемог от своей жестокости, опять подул на палец, повел вокруг глазами и, опустясь на место, закончил своим добрым протяжным голоском: «Пошел вон, кавалерист!» Суд был кончен. Владыка находил, что он «был жесток», и когда его в этом разубеждали, то он даже тихонько сердился и отвечал: «Ну как же я не жесток: а отчего же он, бедный, плакал?»

В другом рассказе Н.С. Лескова мы читаем о беспредельной любви владыки Филарета к детям и опять же о его доброте. Один иконописец тогда, при владыке, был отроком и учился вместе с другими у мастера иконописи иеромонаха Иринарха (он был из окончивших Петербургскую академию художеств). Раз, передает Лесков воспоминания иконописца, бывшего отрока, мы работали летом внизу под митрополичьими покоями и там после обеда и отдыхали. Отец Иринарх, бывало, пообедавши, остается уснуть в своей келлии, а мы, ребятишки, находили, что нам лучше

тут, потому что здесь было прохладнее да и присмотр за нами не было, а самое главное, что отсюда из окон можно было лазить в митрополичий сад, где нас соблазняли сочные груши, называемые в Киеве «принц-мадамы», которые мы имели сильное желание отрясти.

После долгих между собою советов и обсуждения всех сторон задуманного нами предприятия полакомиться митрополичьими “принц-мадамами” мы пришли к убеждению, что это сладкое дело хотя и трудно, но не невозможно. Надежно огороженный сад никто не караулил, а единственный посетитель его был сам митрополит, который в жаркие часы туда не выходил. Стало быть, надо было только обеспечить себя от зоркого глаза отца Иринарха. И вот мы спустились потихоньку в угольное окно, выходящее в темное, тенистое место у стены, и, как хищные хорьки, поползли за кустами к самым лучшим деревьям.

Все шло хорошо, работа кипела, и пазухи наших блуз нависали. Но вдруг кто-то крикнул: «Отец Иринарх идет!» Мы ударились бежать, рассыпая по дороге значительную долю наворованных «принц-мадам». И, столпившись кучею у окна, чрез которое спускались, смялись. Каждому хотелось спастись поскорее, чтобы не попасться отцу Иринарху. А где-то сверху над нами кто-то весело смеялся спокойным и добрым старческим смехом. Это мы все заметили, но в суетах не обратили на это внимания.

Ночью, поев все покраденные груши, мы было решили больше не воровать, но назавтра же снова

выступили в сад. Не успели мы приняться за работу, как приставленный караульный крикнул: «Отец Иринарх идет!» Все мы, услышав это, как пули попадали сверху на землю и не поднимались с нее... Но мы опять услышали голос, которого уже не могли не узнать. Этот голос был тот самый, который нас вчера предупредил насчет приближения Иринарха, но нынче он не пугал нас, а успокаивал. Слова, услышанные всеми, были: «Неправда, рвите себе, Иринарх еще не идет!» Это был голос митрополита Филарета, которого дети узнали, и, приподняв из травы свои испуганные головки, оцепенели... И как иначе?! Они увидели самого его, владыку Киевского и Галицкого, стоявшего для них на страже у косячка своего окошечка и весело любовавшегося, как они обворовывают его сад... Мы потеряли все чувства от стыда, мы все как бы окаменели и не могли двинуться, пока митрополит снова произнес: «Ну, теперь бегите, дурачки, теперь Иринарх идет!» Тут мы все брызнули...

Прошел день, два, три – мы все были в страхе: не призовет ли митрополит отца Иринарха и не откроет ли ему, какие мы негодяи? Но ничего подобного не было, хотя «милый дидуся», очевидно, об нас думал и, догадываясь, что мы беспокоимся, захотел нас обрадовать. На четвертый день после происшествия вдруг нам принесли целые корзины разных плодов и большую деревянную чашу меду и сказали, что это нам владыка прислал. «По какому же это случаю?» – допытывались мы, радостно и робко принимая щедрый подарок. Но случая никакого не было, кроме

того, о котором мы одни знали и крепко о нем помалчивали. Посланный сообщил только, что владыка просто сказал: «Сошлите живописцам-мальчишкам медку и всяких яблочек... Дурачки ведь они, им хочется... Пусть поточат». Мы эти его груши и сливы, честное слово говорю, со слезами ели и потом, как он первый раз после этого служил, окружили его и не только его руки, а и ряску-то его расцеловали, пока нас дьяконы по затылкам не растолкали... Так-то он наказал нас.

В последние годы жизни владыка заметно постарел и на вид казался немощным. Но деятельность его не сокращалась. Многие даже недоумевали: где он берет силы? И однажды он открыл этот источник сил своих, сказав, что он заключается в молитвенных трудах. «Встанешь поутру, – говорил он, – и чрез силу движешься, но возьмешься за молитву – и оживеешь, станешь бодрее и сильнее. Прежде вставал я в четыре часа, потом в три, потом в два, а теперь встаю уже в час и ранее. Шесть часов моего утра (то есть часы, проводимые в молитве келейной и потом на литургии) так отрадны мне, что я не променяю их ни на какое царство». И еще говорил он: «Не понимаю, как старики вообще, а особенно монахи, проводят жизнь свою, если не приобрели навыка и вкуса к молитве! Это, должно быть, для них ужасно тяжело и скучно, ибо занятий каких-нибудь у них нет, да и невозможны и прискучат. Поэтому, ах, как нужно и необходимо заранее всем желающим в старости проводить жизнь не безотрадную, привыкать к молитве».

Пост всегда виделся владыке Филарету как самое плодотворное в духовном отношении время. «Вот приближается монашеский врач – святой пост; да уврачует Господь Бог душевные и телесные недуги наши», – писал он архимандриту Игнатию (Брянчанинову), будущему святителю.

Сам он на вечернем своем правиле читал следующие молитвословия: 1) повечерие; 2) Поклонение Святой Троице; 3) Поклонение Иисусу Христу (то и другое из творений святителя Димитрия Ростовского); 4) молитва мученика Евстратия из полунощницы субботней; 5) акафист Иисусу Сладчайшему; 6) Поклонение Пресвятой Богородице (святителя Димитрия Ростовского); 7) акафист Пресвятой Богородице (Благовещенский); 8) Благодарственные Страстей Христовых воспоминания (святителя Димитрия Ростовского); 9) Богомысленные размышления (того же святого); 10) молитвы на сон грядущим; 11) в заключение: Целование ран Иисуса Христа.

На утреннем правиле: 1) молитвы утренние; 2) Поклонение Святой Троице; 3) Поклонение Иисусу Христу; 4) Поклонение Пресвятой Богородице; 6) акафист Пресвятой Богородице и Поклонение Ей; 7) канон ко Святому Причащению; 8) акафист ко Святому Причащению; 9) молитвы ко Святому Причащению; 10) Богомысленные размышления (святителя Димитрия Ростовского); 11) Целование ран Христовых. Затем – литургия и Причащение Святых Христовых Таин. В последние три года жизни владыка Филарет причащался ежедневно.

Вечернее правило продолжалось три часа, столько же и утреннее. Кроме того, служилась в его домово́й церкви всенощная или вечерня. У владыки бо­ле­ли но­ги, опу­ха­ли и по­кры­ва­лись ка­ки­ми-то на­ро­ста­ми. Он ча­сто ста­но­вил­ся на ко­ле­ни, и ке­лей­ник, за­метив, что но­ги у не­го бо­лят, стал на его ко­ври­к под­кла­ды­вать плос­кую по­душечку. Ко­гда по­душечка ис­ти­ралась, он клал дру­гую, а стер­шие­ся ке­лей­ник раз­да­вал же­ла­ю­щим их по­лу­чить. Один из этих ке­лей­ни­ков, ие­ро­мо­нах, рас­ска­зы­вал, что в Го­ло­се­е­вой пу­сты­ни, ино­гда поз­дно ве­че­ром или ра­но ут­ром про­хо­дя ми­мо окон владыки, не­воль­но за­гля­ды­вал в них и ви­дел его мо­ля­щим­ся в силь­ных сле­зах и да­же, слу­ча­лось, слы­шал его плач, как без­утеш­но­го ре­бен­ка. В ал­та­ре до­мо­вой церк­ви при жи­зни владыки сто­ял его гроб, в ко­то­ром по­ло­же­но бы­ло схим­ни­че­ское об­ла­че­ние.

В Го­ло­се­е­вой пу­сты­ни он мо­лился и в ле­су, про­ез­жая в эки­па­же или идя пе­ш­ком. Бы­ло у не­го там лю­би­мое ме­сто – на при­гор­ке, у опуш­ки ле­са, от­ку­да ви­ден был по­ч­ти весь Ки­ев с его хра­ма­ми и ла­врой. Здесь он сто­ял на ко­ле­нях и мо­лился до­л­го-до­л­го. Во вре­мя та­ких про­гу­лок все­гда имел с со­бой Еван­ге­лие.

Ка­ж­дую не­де­лю пре­ос­вя­щен­ный Фи­ла­рет по­се­щал свя­тые пе­ще­ры, слу­жа там и про­во­дя весь день с утра до ве­че­ра, а ино­гда и ночь. День сво­их и­ме­нин он все­гда про­во­дил в пе­ще­рах. Ко­гда ис­пол­ни­лось ему 60 лет, был день вос­крес­ный. Все же­ла­ли, что­бы он слу­жил в ла­вре, хо­те­ли поз­дравить его, при­нять его бла­го­сло­ве­ние. Но владыка ска­зал: «Нет, я все­гда про­во­дил этот день в мо­лит­вен­ном уе­ди­не­нии, не для че­го пе­ре­ме­нять

старого обычая и теперь. С преподобным преподобен будешь... Так празднуйте одни вы, а я, по-старому, останусь на весь день у преподобных». Так и было. Он служил в пещерной церкви преподобного Антония, а потом ходил по обеим пещерам и поклонялся святым угодникам. В лавру возвратился ко всенощной. Вспоминали, что «радость духа видна была на лице его».

Известно было его великое нищелюбие, неустанная благотворительность. Но вот еще один рассказ из этой области, открывающий нам еще яснее красоту его милостивой о Христе души. «Владыка Филарет, – писал очевидец, – ночью выезжал с келейным своим монахом очень часто, чтобы в окна тех домов, где, как узнавал он, водворялась нищета и неразлучные с нею страдания, класть нескудные милостыни». Это напоминает узельцы со златом, которые подбрасывал в окна беднякам святитель Николай Чудотворец.

Известен и такой удивительный поступок владыки Филарета. Как-то летом, будучи в Голосееве, он совершал прогулку по лесу и зашел довольно далеко, верст за двенадцать от пустыни. Выйдя на дорогу, он увидел крестьянина, ехавшего на телеге, запряженной двумя волами. Крестьянин горько плакал... Владыка, доброе сердце которого сразу же болью отозвалось на эти слезы, громко спросил плачущего о причине его слез. Тот рассказал, что вчера умерла его жена и оставила ему семерых детей. Священник требует за похороны пять рублей, а в доме нет и пяти копеек. Он не позволил тело покойницы поставить в церкви. «И вот я везу в Киев последний мешок зерна, чтобы выручить

какую-то сумму», – сказал крестьянин. Владыка спросил у него название его села и имя покойной жены и благословил его продолжать свой путь в Киев.

Рано утром следующего дня из Киева выехал необычайный обоз: на пролетках городских извозчиков и в простых телегах ехали кафедральный протоиерей, два архимандрита, иеромонах, иеродиаконы, иподиаконы, митрополичьи певчие... Иподиаконы везли митрополичье облачение и все необходимое для службы. На одной из телег стоял гроб. Владыка выехал из Голосеева в карете и на пути присоединился к обозу. Он был одет в мантию и белый клобук. К восьми часам утра прибыли в то село, которое назвал крестьянин. Жители были на полевых работах. Престарелый пономарь увидел белый клобук в карете, поднялся на колокольню и зазвонил встречу архиерею. Крестьяне в поле подумали, что это набат, извещающий о пожаре, и побежали все в село. Испуганная попадья (батюшка тоже был в поле) едва отыскала ключи от храма. Владыка облачился в храм. Затем длинная процессия во главе с ним, в предшестве запрестольного креста, хоругвей и певчих, двинулась к хате, где находилась покойница... Отслужив литию, положили покойницу в привезенный новый гроб, и при колокольном звоне этот гроб был отнесен на руках в церковь. Еще не окончилось отпевание, как приехал из Киева вдовец на измученных волах, кажется, не сумевший ничего продать... После похорон владыка Филарет благословил его с сиротами и, оставив им 35 рублей, отбыл в Голосеево. Что и говорить, событие это потрясло всю округу...

Когда владыка болел, особенно в последнее время, он хотел «разрешиться и со Христом быть» (Флп. 1, 23), говорил: «Возьмите себе землю, а мне дайте небо». Ему замечали, что жизнь его нужна многим, особенно бедным. «Да, да, правда, – подтверждал он, – многие кричат за меня, особенно бедные. Заболею, они начинают молиться. Видно, вопль этот доступен к Богу и имеет силу. Когда я выхожу, и они видят, что я едва двигаюсь, то начинают кричать: “Поддержи тебя Господи!.. Продли твою жизнь Господи!..”»

Одна вдова, имевшая пятерых сыновей и дочь, не знала, как ей обучить и обеспечить своих детей, и положила себе за правило ежедневно читать акафист Божией Матери и даже выучила его наизусть. И вот Божия Матерь, явившись ей во сне, сказала: «Иди в Киевскую лавру, митрополит Филарет тебе во всем поможет». До того она никогда к владыке не обращалась. И вот на Пасху вместе с детьми она пришла в лаврский собор. Владыка увидел ее и сказал: «Постой тут». Потом послал за нею келейника, который и ввел ее с детьми в покои преосвященного. Побеседовав с нею, владыка обратился с ходатайством к Государю императору, и тот распорядился всех сыновей бедной вдовы определить в кадетский корпус.

Как-то раз был владыка в одном доме, где в верхнем этаже проживало состоятельное семейство, а в нижнем – бедное. Его пригласили верхние: во время беседы он услышал, что внизу живет больная вдова с детьми. Уходя, он остановился на лестнице и спросил: «Где живет больная-то?» Ему отвечали, что там полуподвал,

что туда трудно пройти, так как нечисто... «Ну, как-нибудь проберемся, – сказал он, – не замараемся». Он прошел в квартиру, благословил болящую, в нескольких словах утешил ее и сказал: «Ну, именем Господним приходи в здравие!» Оставив и денег, сколько имел при себе, он ушел. А больная, считавшаяся безнадежной, стала поправляться и выздоровела без всяких врачебных пособий.

В другом доме подвели к нему под благословение немую от рождения отроковицу. Не зная этого (что она немая), он благословил ее и, положив руку на ее головку, спросил: «Как тебя зовут, доброе дитя?» К изумлению родителей и всех присутствовавших, она ясно выговорила: «Маша!» С этого времени она стала говорить.

Сколько добра творил Господь через этого благодатного старца-митрополита...

В день Светлого Воскресения 1853 года преосвященный исцелил от немоты отрока Владимира, которому было тогда около тринадцати лет. Это был будущий преподобный иеромонах Алексей (Шепелев), который затем 38 лет провел в Киево-Печерской лавре и после того 20 в Голосеевой пустыни. Он был известным духовником и старцем. Скончался в марте 1917 года.

Володя Шепелев (так звали исцеленного) родился немым. Рождение его было предсказано матери воронежским архиепископом Антонием (Смирницким), сказавшим, что у нее родится убогий мальчик, который

со временем станет великим служителем Господа. Она жила в Киеве, была благочестивой православной женщиной и часто посещала лавру. Митрополит Филарет, к которому она обращалась за советами, благословлял ее вместе с сыном чаще бывать при богослужении, а ей усерднее молиться, надеясь на Божию милость. «Успокойтесь, – говорил он матери. – Господь милостив и всемогущ. Он поможет вашему сыну». В день Святой Пасхи владыка пригласил ее с сыном на службу к себе в домовую церковь. Вот после службы подошли они ко кресту, который держал владыка. Когда они приложились, он благословил их и велел отроку приложиться к палице, которую имел на себе. После этого владыка сказал ему: «Христос Воскресе!» Отрок промолчал. На второе такое же приветствие он тоже не ответил, но после третьего вдруг радостно возгласил: «Воистину Воскресе!» Господь исцелил мальчика, он стал говорить. В том же году, в июле, Владимир поступил послушником в лавру. Владыка Филарет чаще всего держал его при себе и брал всегда с собой в Голосеево. Он просил приходивших к нему профессоров духовной академии заниматься с отроком, и таким образом, нигде не учась, будущий старец Алексей знал великолепно не только духовную литературу, но и в главных чертах светскую, а кроме того, обнаруживал довольные познания в истории, медицине и других науках.

Глава 10

Отрицательное отношение владыки Филарета к идее перевода Библии на русский язык. Переписка с императором Александром II. Приезд в Киев великого князя Михаила Николаевича. Пребывание в Киеве Государя императора Александра II с супругой – митрополит Филарет возглавляет торжественную встречу. Царственная чета в гостях у преосвященного. Суждения владыки о современном обществе и о Крымской войне.

Киевский митрополит Филарет не поддерживал намерения перевести Священное Писание на русский язык, которое в то время широко укоренилось в церковных кругах. Он негативно отнесся к переводу, сделанному протоиереем Г.П. Павским, а затем к такого же рода попыткам архимандрита Макария (Глухарева). В Синодальных комиссиях, в ответах на разные запросы об этом владыка чем дальше, тем тверже придерживался позиции неприятия самой мысли о переводе Библии на русский язык. Его взгляд на этот предмет радикально отличался от взгляда глубоко почитаемого им Московского митрополита Филарета (Дроздова).

Свои утверждения владыка Киевский Филарет обосновывал всесторонне. Он говорил так: «Я высказал свое мнение по этому делу, изменить этого

мнения я не могу, с ним и умру, спокойный в совести, что не буду отвечать пред Богом. Суда человека я не боюсь; если бы даже произнесли против меня отлучение, и тогда я был бы покоен и не отказался бы от своего убеждения. Впрочем, как Богу угодно, если даже я ошибаюсь, то уповаю, что Бог не осудит меня. Я действую в этом важном деле по крайнему моему разумению и убеждению совести, заботясь не о себе, а единственно о благе Церкви, Государя и Отечества, а потому, примут ли в уважение мнение мое или не примут, я покоен; для личности моей тут нет ни сколько оскорбления. Я исполнил свой долг, а они – как хотят. Если они успеют в своем замысле, то, верно, Богу будет угодно попустить это по каким-либо особнным целям».

В 1856 году Святейший Синод вынес определение о необходимости перевода Библии на русский язык. Однако строго оговаривалось, что такой перевод предназначался «не для употребления в церквях, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к уразумению Святого Писания, и что к переводу сему, по особенной важности настоящего дела, должно приступить со всевозможною осторожностью чрез лиц, испытанных в знании еврейского и греческого языков, по избранию и утверждению Святейшего Синода».

На запрос обер-прокурора Синода графа Александра Петровича Толстого высказать свое мнение о возможности перевода Священного Писания на русский язык владыка Филарет отвечал 21 декабря

1856 года: «Во время пребывания вашего в Киеве, в беседе со мною, угодно было вам предложить мне вопрос: нужно ли и полезно ли перевести Священное Писание на русское наречие? Я как тогда отвечал, так и теперь отвечаю, что русское наречие не может передать Священного Писания со всею тою силою и верностью, какими отличается перевод славянский, в котором доступно понятию все то, что только нужно для назидания верных к вечному их спасению, что русский перевод будет вытеснять славянский язык, и без того не довольно знакомый образованным из наших соотечичей, для которых таким образом может сделаться наконец непонятным и самое богослужение церковно-славянское, составляющее главное, вернейшее и надежнейшее средство для всех сынов Российской Православной Церкви к назиданию их в вере и благочестии, и что по всему этому теперь надобность настаивать не в переводе Библии на русский язык, а в прилежном изучении славянского языка во всех наших духовных и светских училищах и в повседневном прилежном чтении на нем Священного Писания. Сии мысли мои основываю я на следующих соображениях.

Прежде всего должно обратить внимание на пути Промысла Божия, который, без сомнения, паче всех бодрствует и премудрее всех мудрований человеческих печется как о распространении между народами Слова Божия, так и о сохранении его во всей чистоте и неповрежденности...»

Далее владыка приводит множество фактов, свидетельствующих о том, что Церковь всегда заботилась

о сохранении текста Священного Писания в неповрежденном виде. На указание того, что у греков теперь есть новогреческий перевод Евангелия, владыка Филарет ответил, что сего греческий патриарх не разрешал, что это сделано и потом навязано было английским Библейским обществом (при этом переведено было и не все Писание, а только Евангелие). Далее он замечает, что все славянские языки со временем видоизменялись и далеко отходили от церковнославянского, но нигде не было покушений перевести Библии, тем более богослужебные книги на эти возникшие наречия. «В этом обстоятельстве, – пишет владыка Филарет, – есть особенное премудрое устроение Промысла Божия, все славянские народы, разделенные политическим своим положением, связующего как единством православной веры, так и единством языка, на котором все они читают Слово Божие и совершают богослужение».

Преосвященный напомнил, что идея перевода Библии на русский язык возникла не в Церкви, а в частных умах членов Библейского общества, идея которого принесена была в Россию из Англии – «гнездилища всех ересей, сект и революций». Недаром в России уничтожено было Государем Александром Благословенным и созданное по ложной мысли Министерство духовных дел, способствовавшее распространению опасных заблуждений. Владыка напомнил, что покойный Государь Николай Павлович не соглашался с идеей перевода Священного Писания на русский язык. «Что касается до возобновления вопроса о переводе Священного Писания на русское наречие

в настоящее время, – писал владыка, – то мне неизвестны причины, побудившие к сему, а изложенные в присланной вами ко мне записке отнюдь не удовлетворительны».

Митрополит Филарет высказал мысль о том, что русский народ имеет три наречия: великорусское, малорусское и белорусское. Народ един. А Священное Писание предлагается перевести только на одно из этих наречий. Церковнославянский язык – это язык общерусский, другого нет.

Сверх того, замечает владыка, переведенное на «понятный» язык Священное Писание не станет понятнее: все равно нужны будут толкования, объяснения, что всегда и делает Церковь, толкуя церковнославянский текст. Кроме того, почему надо желать, чтобы священные тексты усваивались как бы без труда? «Слово Божие, – пишет владыка, – есть кладезь глубокий, есть сокровище; так и нужно, чтобы разумение смысла его доставалось не ленивым, а прилежным искателям оно».

И далее: «Кто же читает его с должным Слову Божию благоговением, для того быть не может, чтобы оно не было вразумительно на славянском языке, по крайней мере большею частью, особенно же книги Нового Завета, и для большей части русского православного народа... Приходское духовенство, в настоящее время довольно образованное в духовно-учебных заведениях и наставляемое там особою наукою в разумении труднейших мест Писания, по тому самому не нуждается в переводе, а для людей светского

звания, желающих разуместь Священное Писание в полноте и совершенстве, нужно толкование, а не перевод. Обращаются к иностранным переводам разве те, которые не только мало сведущи в славянском языке, но мало уважают и русский, таковые будут предпочитать иностранные переводы и русскому, если бы он и был у нас... Чтобы существовало народное требование именно русского перевода Священного Писания, это не только не доказано, но и несправедливо. Из ста тысяч православного народа, может быть, от десяти до двадцати требуют и покупают его, и из них еще, верно, наполовину только по любопытству, а не для назидания. Между тем, из одной типографии Киево-Печерской лавры ежегодно расходится великое число экземпляров Псалтири и Нового Завета на славянском языке. Не доказывает народного требования на русский перевод и то, если к нам вторгаются иностранцы со своим изданием Библии на русском языке».

В записке митрополита Киевского Филарета указывается, что те, которых считают мало что понимающими и необразованными, то есть простой народ в его массе, – он-то и наиболее привержен к церковнославянскому языку. «Так как знание славянского языка, – пишет он, – в простом народе гораздо лучше сохраняется оттого, что он усерднее посещает богослужение и внимательнее слушает церковное пение и чтение и весьма многие, даже из неграмотных, знают наизусть много псалмов и песней церковных, а слабо это знание преимущественно в высшем классе по пристрастию к иностранному и по редкому

и невнимательному слушанию богослужения, а главное всего оттого, что дети сего класса начинают учиться не по славянским азбукам, а по русским».

Есть в записке владыки много советов и на тот случай, если перевод все-таки будет делаться. Кроме того, он предложил запретить буквари и учебные книги издавать частным лицам: этим должен заниматься Святейший Синод. Во всех учебных заведениях по церковнославянскому языку и Закону Божию должны быть учебники и пособия, изданные и одобренные лишь Синодом.

Отправив эту записку в Петербург, владыка перекрестился и сказал: «Слава Богу! Теперь я исполнил свой долг; более за мною ничего не останется. Как бы хорошо теперь и умереть, это бы еще больше дало весу слову истины».

Записка была написана владыкой Филаретом за год до его кончины, когда он уже чувствовал, что близок его переход в вечность. В этом году весной он приглашен был в Москву на коронавание Государя императора Александра Николаевича, но по нездоровью вынужден был отказаться. Он отвечал, что «при всем моем желании и верноподданической покорности исполнить сию священную для меня Высочайшую волю, я, к крайнему сожалению моему, по глубокой старости и болезненному состоянию нахожу невозможным предпринять сей трудный и далекий путь». Владыка послал на коронацию двух своих представителей – от Киевской епархии и от Киево-Печерской лавры.

«Верую несомненно, – писал он Государю, – что Пресвятая Матерь Божия, святой Владимир равноапостольный и все святые угодники Божии, здесь нетленно почивающие, споспешествуют нашим общим молитвам своими мощными молениями о вашем Императорском Величестве и, призирая свыше на священное торжество венчания вашего, осеняют вас своими благословениями. При сем я дерзаю всеподданнейше поднести Вашему Императорскому Величеству от святыни киевской Святое Евангелие как Завет Господа нашего Иисуса Христа, “Имже царие царствуют и сильнии пишут правду”, и также поднести святые иконы».

Государь отвечал ему из Москвы 21 августа того же 1856 года:

«Преосвященный митрополит Киевский Филарет! Письмо Вашего Преосвященства от 19 июля с препровождением Евангелия и святых икон я имел удовольствие получить. Первое, как выражение чувств и благих желаний, одушевляющих вас и вверенную вам киевскую паству при мысли о приближении дня моего коронования, принял я с искреннею признательностью, вторые – с благоговением, подобающим святыням. В самом непродолжительном времени, вместе с любезнейшею супругою моею Государынею императрицею Мариею Александровною, я надеюсь посетить древний богоспасаемый град Киев – Иерусалим земли русской, поклониться святым угодникам Печерским и лично принять ваше архипастырское благословение. Да продлит Господь Бог еще на долгое время

тихий вечер благочестивой, назидательной и полезной Отечеству вашей жизни».

Когда владыка читал это письмо, при нем находился его племянник, архимандрит Антоний, который впоследствии вспоминал: «Надобно было видеть, что происходило с владыкой-дядей в те самые минуты, когда он читал и еще снова перечитывал про себя этот рескрипт Государя императора. Я сначала было подумал: нет ли у него вроде какого-либо несчастья, так как у владыки заструились слезы, как у дитяти... Потом он, вдруг просиявши, как дитя, необычайною улыбкою радости и перекрестившись молитвенно пред святыми иконами, восторженно сказал: “Ну, а что? не правду ли я сказал, что не умру ни за что, пока не узрю царственных помазанников здесь, в Киеве!.. На-ко прочитай мне еще вслух хорошенько... Я, право же, и глазам моим не верю в такой моей радости”. После прочтения мною рескрипта он присовокупил: “Ну, хоть и не в самом продолжительном времени они пожелуют сюда, потому что скоро осень да и неизвестно еще, какова-то будет погода, а я теперь еще скажу, что и год прожду и не умру”».

В сентябре владыка получил извещение, что поездка Государя и Государыни в Киев по причине дурной погоды и утомления Государыни отменяется. 2 октября посетил Киев брат императора Михаил Николаевич. Великий князь в первый же день своего приезда посетил лавру, где был сердечно встречен митрополитом. Затем состоялась торжественная служба в соборе. Великий князь доставил к раке с мощами святого

князя Владимира золотую лампаду – дар от царственной четы. Она тотчас была окроплена митрополитом святою водой, повешена над ракой и возжжена. Через два дня великий князь слушал Божественную литургию в пещерах. По его просьбе на литии митрополит провозгласил вечную память недавно почившему императору Николаю Павловичу.

Владыка Филарет отправил в Петербург Евангелие, предназначенное для детей императора. Государь отвечал: «Присланное Вашим Преосвященством для детей моих Святое Евангелие я имел удовольствие получить. Вы, конечно, не могли сделать им лучшего приношения. Да озаряет и согревает юные сердца их благотворный свет евангельский и Слово Божие да руководствует их во всех путях жизни». В заключение Государь обещал посетить Киев в будущем году. Прочитав это письмо, владыка Филарет снова сказал, что не умрет прежде, чем узрит Государя и Государыню в Киеве, – «дай только, Господи, им-то самим и всем их чадам здравия и благополучия во всем и душевного спасения». И прибавил: «А уж больно мне хочется повидать-то их! Ведь я видел их назад тому четырнадцать лет, когда они были еще молоденькие. Теперь же вот у них, слава Богу, и деток пятеро. Значит Государь-то “сам-сем”, а это называется “красная”, благословенная семья!»

Вскоре Киевскому митрополиту, к его большой радости, были доставлены от Государыни портреты всех членов царственной семьи. Наместник лавры вспоминал: «Как много утешен и умилен был

владыка вниманием Государыни императрицы, получив от нее портреты. По болезни своей, поручая отцу Антонию приготовить по сему случаю отношение, владыка сказал: “Непременно вырази вот эту главную мысль: от глубины всей души моей я всегда молился и молюсь о здравии и спасении благочестивейшего Государя императора и Государыни императрицы и их чад, а теперь, когда буду видеть их портреты, я еще усугублю мои молитвы о всех них, при всех постигающих меня недугах, до самых последних минут моего жития. А когда сподоблюсь предстать Лицу Божию в Царствии Небесном, то и там первая моя молитва будет об их величествах, их чадах и о всем царствующем роде”».

Как ни болел владыка, – казалось, что уже нет у него больше никаких сил, – но все же дожил он до встречи с Государем, который вместе с императрицей прибыл в Киев 3 октября 1857 года. Они сразу прибыли в Киево-Печерскую лавру. Они ничего не вкушали в этот день, так как хотели в состоянии говения приложиться к святыням, и в том числе к чудотворной иконе Успения Божией Матери. Как бы сбросив с себя все хвори, преосвященный митрополит Филарет бодро встретил их. Это была очень торжественная встреча, при стечении огромного количества народа. Встречал он их и в городе – в Софийском соборе и в Михайловском монастыре. В пещерах он также сам сопровождал царственную чету, давая пояснения.

После посещения Государь и Государыня посетили владыку в его келлиях. Во время беседы императрица

упомянула, что имеет желание в следующем году приехать в Киев со всеми детьми. Владыка же сказал: «Нет уж, довольно и этой преизбыточествующей милости Божией, что я сподобился дожить и до настоящего счастья. Пожить в Киеве подольше и помолиться с вашими детками дай, Господи, вам в будущее или иное лето. Нужно только бы для этого иметь здесь собственный императорский дворец... Проводивши вас, я уже одно и одно должен буду сугубо твердить себе: “Ныне отпускаеши...”».

Потом из Петербурга одна из фрейлин писала к владыке Филарету: «Нынешний раз лично я удостоилась слышать от Государыни императрицы следующие изречения, сказанные ею с приятным выражением: “Во время краткого пребывания нашего в Киеве как погода благоприятствовала и с каким радушием нас приняли! Преосвященный митрополит был трогателен”. А Государь император прибавил: “И по своим летам удивителен, а вообще поучителен”».

Действительно, Киевский владыка поучал – не только в проповедях с амвона, но и всюю своею жизнью. Многие говорили, что и один вид его уже поучителен. Даже на исходе жизни, в преклонных годах, в старости и болезни, он произносил множество глубокомысленных суждений. Вот, например, наместник лавры архимандрит Иоанн записал следующие слова преосвященного: «Чего ожидать в настоящее время в отношении и религии, и христианской жизни вообще?.. Если самое христианство оказывается как бы бессильным, чтобы сделать людей лучшими, то кто

же и что их исправит? Ах! Как скорбно, как больно видеть и слышать, до какой степени все портится, все опускается, небрежется в отношении и спасительной веры, и жизни христианской! Самым даже счастьем мы не умеем пользоваться. Благословляет нас Господь миром, а мы вдаемся в роскошь... В распутство... А что сказать о христианских обязанностях – о посте, о молитве? Поститься, говорят открыто, мы-де не можем, а молиться нам-де некогда...

И что ж, стоим ли мы сей милости мира? Во время войны-то будто было что-то похоже на всеобщее вразумление (имеется в виду Крымская война. – *Сост.*) и некое остепенение... И лично я слышал, и в газетах-то печатали, что вот-де наши барыни дают себе зарок не носить платьев и всяких нарядов роскошных, а тем более не покупать материй и прочего заграничных, и в особенности французских. А мужчины-де отрекаются покупать и пить вина заграничные и курить сигары заграничные и прочее. И что ж? Спроси их теперь об этом – наверное, и из памяти уже вышло все, а иные, пожалуй, еще сами же насмеются над тем, что было говорено и печатано... Не хотели также в наших великосветских семьях и нанимать гувернеров и гувернанток французских и английских и других, и даже помнит, думаю, каждый из вас тот пропечатанный в газетах факт, как в двух семействах великосветских оказались гувернерами – один из бежавших с галер, а другой, говоря по-нашему, битый кнутом на торговой площади. Хотели тогда же бросить и танцы под разными названиями французскими и даже не учить

детей французскому языку, а заменить это обучение языком новогреческим, который даже расхваливался было и за самый его говор нежный и приятный... И я, было, порадовался этому в особенности потому, что чрез этот язык, если б действительно стали обучать ему сыздетства, как доселе французскому, то, несомненно, вместе с ним входило бы, по самому коренному сродству, весьма большое ознакомление и с языком славянским, которого чураются как чумы... Но все это если и было, зато вдруг как ливнем смыло... Те-то и французы, и англичане, которым мы до ослепления и обезумления ревнуем во всем подражать, были и в последнюю войну буими и зверонравными врагами... А наконец, что относится к отечественным преданиям и родным русским обычаям, то их-то не только ни во что же мы вменихом, но как бы в посмешище обратихом и собственно ради того, чтобы не отстать от оных наставлений буих и зверонравных, и притом в такой степени, что иные, это я знаю по опыту, даже выражают недовольство и чуть не негодование на то, что такие, дескать, грубые выражения употребляются доднесь при торжественном молебствии... Значит, вон куда пошло... то есть что и молитвы-то церковные нужно изменить, и ради кого же? – ради тех, кои никогда и не молятся, и в церкви лба не перекрестят, а для преклонения колен, даже и на молебне, и ноги-то у иных как бы слоновьи, вовсе не сгибаются. А вот повидали бы хоть разочек и поучились, как и Государь и Государыня крестное знамение творят и как усердно поклоняются... Наконец и еще я знаю лично

от достовернейших лиц придворных, что у Государыни императрицы есть отдельная моленная комната, в которой несколько киотов с великим множеством святых икон всякого вида, и пред ними денно-нощные лампы горят... А у наших-то боярынь что? Столько же за достоверное знаю я, что и все августейшие дети не отходят ко сну и не являются утром к своим родителям иначе, как получивши благословение их осенением крестного знамения над главою... Вот где бы поучиться мужьям-отцам и женам-матерям в нынешнем светском роде всему истинно христианскому православному правилу домашней семейной жизни!»»

Вот еще весьма красноречивые записи архимандрита Иоанна периода Крымской войны: «Скорбь владыки, что болезнь не позволяла ему самому служить молебам по случаю взятия Карса». – «Озабоченность душевная владыки, что не может встречать сам Московской дружины... Лежит в болезни тяжелой, а все спрашивает еще: а мне нельзя встречать ополченцев?»» «Нижегородское ополчение в лавре принимает в благословение от владыки икону Божией Матери и Евангелие, которые приняты самими ополченцами под управлением их офицеров. Пение при этом молитв, как то: “Достойно есть”, “Заступнице усердная”, “Помилуй нас, Господи”, “Царю Небесный”, “Спаси, Господи, люди Твоя”, “Тебе Бога хвалим” и пр. Владыка по болезненности своей с трудом, но вышел сам благословить ополченцев, неожиданно к нему пришедших. Этою встречей с ними он был особенно доволен; а бывшие тут не раз трогались

до слез». – «По поручению владыки, при письме его, доставлено мной к начальнику Нижегородского ополчения графу А.П. Толстому (впоследствии обер-прокурору Святейшего Синода) 300 рублей серебром, архипастырем пожертвованные на угощение ратников». – «Ополченцы принимают благословение владыки. Он им говорит о нынешней войне... В заключение дает наставление: “Служите Царю и Отечеству верою и правдою. Все ваши тяжкие труды, лишения, кровь, проливаемая вами, – все есть святая, приятная Богу жертва, по мере вашей христианской веры и любви ко Господу. Смотрите же, подвизайтесь на святой брани мужественно, а зверю не поклоняйтесь... Тяжело, но агнец зверя победит”». «Это Христовы мученики», – говорил преосвященный Филарет о русских воинах.

Глава 11

«Слава Богу за все!» Молитва и ежедневное Причащение Святых Христовых Таин. Семь дней предсмертных страданий. Елеосвящение над митрополитом Филаретом. Прощание. Телеграммы в Петербург, в царский дворец. Последние часы и минуты жизни. Блаженная кончина митрополита Филарета. Панихиды. Чтение духовного завещания. Похороны.

«Я не хочу умирать, а хочу вечно жить, – говорил владыка Филарет во время своей последней болезни. – Храмина тела моего видимо разрушается. Вот и ноги отказываются ходить, и руки делать, и голова работать, а душа радуется и желала бы хоть сей час разрешиться. Слава Богу за все! Довольно было с меня пожить. Уповаю на милость Его, что там будет мне хорошо. Дух мой стремится из уз плоти, и все земное для меня уже чуждо; оттого и тело мое так утончилось и исхудало».

Молитва... Ежедневное Причастие... «Вот что поддерживает мой дух: это Причащение Божественных Таин Тела и Крови Христовых, – утверждал он. – О, какое это дивное руководство к богословию, к истинному разумению истин веры и спасения! Можно обо всем читать, доходить до познания истины размышлением, но это все не то... Божественные Тайны очищают, освящают и просветляют душу; в них тайна спасения самым делом совершается и как бы воплощается. Вот, слава Богу, я уже сорок месяцев познаю это ежедневным опытом. Это жизнь души, а без этого я не знаю, как бы и жить в такие лета».

Наступил декабрь 1857 года. В начале этого месяца владыка Филарет сильно болел и даже ждал смерти. Но 13-го и 14-го числа с Божьей помощью укрепился, вновь читал свое большое келейное правило, днем принимал людей и подписывал бумаги. А после этого последовали семь дней предсмертных страданий. Вечером 14 декабря он слег в сильном жару, 15-го – все-таки встал, оделся, прошел в домовую

церковь и там причастился Святых Христовых Таин. Весь день ничего не кушал, только пил, чувствуя внутренний жар. С приходившими почти не мог говорить и все повторял: «Человек яко трава... Отпустите меня... Ныне отпускаеши... Душа стремится... Но воля Божия!» Келейникам сказал: «Готовьте меня к погребению; я отожду от вас». На следующий день было то же: Причащение в алтаре, некоторые распоряжения... Но жар усилился. Владыка лег, и были призваны врачи. Оказалось воспаление легких. Теперь уже было невозможно идти в церковь. «Как же это мне причащаться здесь на постели? – сетовал он. – Быть может, хотя в кабинете, где занимаюсь. Меня можно перенести туда на кровати». О врачах сказал: «Зачем они будут беспокоиться? Ведь не помогут».

Ночь на 17-е преосвященный совсем не спал. Правило ему вычитали. Утром его перенесли в кабинет, усадили в кресло – тут он причащался. Дары, которые принес наместник, были поставлены на столике. Владыка, поддерживаемый иподиаконами, встал на колени и в таком положении принял отдельно Тело, а потом и Кровь Христову. После этого в постели слушал чтение писем, полученных по почте. Слабость в нем возрастала. Тяжело становилось дышать. Его несколько раз переводили с постели в кресло. Пищи не принимал. Днем сказал: «Плохо мое здоровье. Грудь и бок крепко болят. Хотя врачи усердно заботятся обо мне, но как они дадут мне то, чего сами не имеют? Один Иисус Христос есть жизнь наша. Но если Он ничего не делает, то что сделают они? Да и смерти

я не страшусь. Это может казаться для иных странным, но таково настроение души моей. Желаю отойти ко Господу».

18 декабря над владыкой Филаретом совершено было Елеопомазание лаврским наместником архимандритом Иоанном с иеромонахами. Службу возглавил болгарский епископ Стефан, гостивший в Киеве. Днем посетил преосвященного киевский генерал-губернатор князь Васильчиков, который очень благоговейно и по сыновнему относился к нему. К вечеру владыка, отпустив врачей, сказал: «Простите и благословите. Быть может, больше не увидимся». Призвав наместника, архимандрита Иоанна, продиктовал ему огромный перечень людей (тот все записывал), кому что сделать и дать после его кончины. Кому – деньги... Кого постричь в монахи... Кому сшить ряску или подрясник... Никого он не забыл упомянуть, вплоть до самых простых слугителей.

19-го, в пять часов утра, совершена была литургия. Владыка был облачен в мантию и посажен в кресло. Сидя, прочел «Верую, Господи...». Его приобщили лжицею. Потом он взял в свои руки потир и приобщился из него еще три раза. Целуя его, он с тихой радостью говорил: «О, Жизне моя! О, Свете мой! О, Надеждо моя!» Его перенесли на постель. Кто-то спросил его: «Вам как будто легче?» Он тихо ответил: «Нет... это вот радуют меня Святые Тайны и разливают жизнь по всему телу, оттого и чувствую себя в это время несколько легче».

Он приказал допустить к нему всех, кто желал его видеть. Многих он принял, иных наделял иконками, с другими немного беседовал, некоторых и наставлял. В двенадцать часов дня пришел офицер с телеграфической станции. Он получил распоряжение из царского дворца в Петербурге ежедневно посылать телеграммы о здоровье преосвященного митрополита. Услышав это, владыка сам продиктовал первую депешу: «Здоровье преосвященного митрополита очень слабо, и он спокойно готовится к отшествию из жизни временной в вечную». Ночью на 20-е он не спал, а около полуночи тихо запел: «Зряще мя безгласна и бездыханна подлежаща...» – до конца, и сказал: «Вот вам последняя моя песнь. Какая прекрасная песнь!» Затем прочитал вслух молитву «Величая величаю Тя, Господи, яко призрел еси на смирение мое, и неси мене затворил в руках вражиих». Утром же опять причащался, сидя в кресле.

Днем 20 декабря преосвященный сказал: «Приготовляйте меня к погребению. Вот там шкатулка со святою схимою, приготовленную мне в гроб. Пожалуй, ее можно и посмотреть теперь. Не послать ли теперь же и за гробом?» По его указанию собрали все: новую власяницу, подрясник простой, пояс и прочее. Приходило и в этот день много желающих проститься с ним, он всех принимал. Пришел военный с женой лютеранкой, которая готовилась принять православную веру. «Бог да благословит тебе исполнить это, – сказал владыка, – я непременно советую и даже приказываю. Между мужем и женой ни в чем не должно быть

разделения». Другому человеку, который строил церковь в селе, советовал возвести ее повеликолепнее, как этого требует святость священнодействий, совершаемых в храме. Беседуя с князем Васильчиковым, сказал: «Я жил на кресте и умру на кресте. Много я получил, правда, и отличий, и почестей, но все это мало меня занимало. Везде мне много было скорбей. Но благодарю за все Господа!»

К утру 21 декабря владыка совсем ослабел, но, как и в предшествующие дни, прощался с приходящими, одаривал иконками. Утром причастился в последний раз, но уже в постели, однако в мантии. Затем страдания его резко увеличились. «Что ж это такое? – с трудом говорил он. – Много перенес я болезней, но такого мучения еще не испытывал. Но, видно, так угодно Богу послать мне такую трудную кончину! Видно, до конца надобно потерпеть... Буди воля Божия...» Наконец, благословил читать канон Божией Матери («Многими содержимь напастьми...»). Каждый раз, когда возглашалось «Пресвятая Богородице, спаси нас!», владыка осенял себя крестным знамением. Дыхание его становилось все труднее.

После канона Богоматери начали читать канон на исход души. В руку владыки вложили зажженную свечу, на грудь положили крест. Из закрытых его очей струились слезы... После канона приступили к чтению Псалтири, прочли 17-ю и 18-ю кафизмы. Во время этого чтения, в начале девятого часа, преосвященный Филарет скончался. Спокойствие праведника запечатлелось на его лице.

Отошел ко Господу истинный монах, любивший и помнивший свое звание и на высоких кафедрах, среди общего почитания. Схимник, чудотворец, старец-наставник, пустынночеловеческая душа, благоговейнейший молитвенник... Большой колокол лавры возвестил Киеву о смерти его любимого пастыря.

В кабинете владыки приготовлена была архиерейская кафедра и все принадлежности архиерейского служения. Иподиаконы вынесли почившего архипастыря со смертного одра, посадили на кафедру и по обычному порядку облачили, а сверх малого омофора – возложили схиму. Затем он вынесен был в приемную и положен на стол с крестом в руках и Евангелием на груди. Преосвященный Стефан начал служить первую панихиду.

Потом гроб вынесен был в лаврскую Успенскую церковь, где тело владыки-подвижника находилось семь дней – с 22 по 29 декабря, то есть в дни перед Рождеством Христовым, в сам день праздника и на святках. У гроба совершались непрерывные панихиды. Весь Киев, и не только он, прощался с блаженно усопшим преосвященным митрополитом Филаретом. 29-го отслужена была заупокойная литургия. После погребального чина, перед отданием последнего целования, наместник лавры архимандрит Иоанн прочитал духовное завещание в Бозе почившего, в котором были такие слова:

«Вознесу Тя, Боже мой, и благословлю имя Твое в век и в век века. На всяк день благословлю Тя и восхваляю имя Твое во век и в век века. Господи Боже мой,

яко благ и человеколюбец, многие милости сотворил еси со мною, яже не чаях видети. И что воздам Твоей благодати, Господи мой, Господи! Благодарю Твое многопетое имя! Благодарю Твое неисповедимое на мне благоутробие! Благодарю безприкладное Твое долготерпение.

Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко сподобил мя еси родиться и воспитаться в недрах Святыя Православныя Соборныя и Апостольския Церкви и даже доднесь сохранил мя еси благодатию Твоею от всякого самомалейшего уклонения от православной веры отцев наших. Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко неизреченным милосердием Твоим покрыл еси грехи юности моея и Сам благодатию Своею вложил еси в бедное сердце мое еще в отрочестве избрати житие иноческое».

Среди многих пожеланий и распоряжений в заветании были проникновенные строки, обращенные к монахам лавры: «Возлюбленной мне братии святыя Киево-Печерския лавры Пресвятыя Богородицы завещаю и молю соблюдать иноческие обеты: целомудрия, послушания, смирения, воздержания и нестяжательности в чистоте совести пред Всевидящими очами Божиими, да не лишатся наследия Царства Небесного, но да сподобятся получить вечную жизнь и спасение с преподобными отцами Антонием и Феодосием и всеми преподобными Печерскими, ихже молитвам и Матернему заступлению Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы вручаю святую обитель сию, воистину чудотворную». Похоронен был владыка в пещерной

Крестовоздвиженской церкви, как и просил в своем завещании.

Здесь мы и завершим повествование о святой и воистину поучительной жизни великого подвижника духа митрополита Филарета, в схимонасах Феодосия.

Конец и Богу слава!

Вместо послесловия

Накануне Рождества Пресвятой Богородицы, 20 (7) сентября 1994 года, в кабинете настоятельских покоев архимандрита Свято-Успенской Киево-Печерской лавры Павла (Лебеда) неожиданно сорвался со стены портрет Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова). Вскоре отец Павел сподобился увидеть во сне владыку, который произнес: «Мне пора наверх». О происшедшем было рассказано Киевскому митрополиту Владимиру, на что последовал ответ: «Нужно обретать мощи, сам святитель благословляет».

С обретением мощей решили не затягивать, так как погребен был архипастырь под полом Крестовоздвиженской церкви, в которой тогда как раз шел ремонт. Обретение начали 23 октября 1994 года, в 19 часов. Помолившись, вскрыли часть пола возле стены, на которой находилась медная табличка, указывающая, что здесь покоятся останки митрополита Филарета.

Оказалось, что ниша погребения находится в полутора метрах от этого места. Когда углубились в подполье, обнаружили эту нишу и в ней два гроба. На стенках обоих – перламутровые иконы. На левом из них – сухая и не утратившая зеленого цвета пальмовая ветвь. Помолившись, отец Павел и игумен Дамиан приподняли крышку стоящего справа красивого кипарисового гроба и не ошиблись: в нем находились мощи облеченного в схиму митрополита Филарета (в схиме Феодосия).

Мощи подняли наверх, в церковь, где все это время духовник лавры отец Авраамий молился с братией. В три часа ночи мощи святителя обмывались на престоле храма Воздвижения Креста Господня. Кости желто-белого цвета издавали благоухание. Остатки облачения вложили в гроб, оставленный в нише под полом. Извлечены были из гроба серебряный крест, параманный деревянный и нательный крестик с многочисленными частицами мощей и святынь – частицами риз Спасителя и Божией Матери, тканей от облачений преподобных Печерских, святого Симеона Столпника и преподобного Нила, мощей великомученицы Варвары, святителя Иоанна Златоуста. Кроме того – панagia, подаренная владыке митрополитом Филаретом (Дроздовым) еще во время инспекции Московской академии.

В июне 2007 года митрополит Филарет был прославлен Украинской Православной Церковью как местночтимый святой. По решению Архиерейского Собора Русской Церкви от 3 февраля 2016 года было

установлено общецерковное почитание святителя Филарета.

Память его совершается в день его преставления – 3 января (21 декабря), а также трижды в год, в дни памяти соборов святых: Ростово-Ярославских – 5 июня (23 мая), Сибирских и Рязанских – 23 (10) июня и преподобных отцов Киево-Печерских, в Дальних пещерах почивающих, – 10 сентября (28 августа).

В роду Амфитеатровых преимущественно были служители Церкви. Среди них архиепископ Казанский Антоний (племянник и воспитанник святителя); известный праведник и чудотворец, протоиерей Архангельского собора в Кремле, любимый москвичами отец Валентин Амфитеатров, множество монашествующих и священников. Кроме того – профессор Московской духовной академии Егор Васильевич Амфитеатров, профессор Киевской духовной академии Яков Космич Амфитеатров. В роду Амфитеатровых и младший брат владыки Филарета Семен Егорович Раич (семинарская фамилия) – поэт, педагог, журналист, переводчик. На протяжении нескольких столетий род Амфитеатровых достойно послужил Богу, царю и Отечеству.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. ТРУДЫ И ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (АМФИТЕАТРОВА)

1. *Филарет (Амфитеатров), архиеп.* Беседы на пятую, шестую и седьмую главы святого евангелиста Матфея, говоренные Филаретом, архиепископом Рязанским и Зарайским. СПб., 1827.

2. *Филарет (Амфитеатров), митр.* Беседы на Евангелие, говоренные Святейшего Правительствующего Синода членом Филаретом, митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской лавры священноархимандритом и разных орденов кавалером : [в 2 т.]. Т. 1–2. Киев, 1849.
3. *Филарет (Амфитеатров), митр.* Беседы, говоренные Святейшего Правительствующего Синода членом Филаретом, митрополитом Киевским и Галицким... Киев, 1847; 2-е изд. Киев, 1883.
4. *Филарет (Амфитеатров), митр.* [Письма к разным лицам] // Полтавские епархиальные ведомости, 1865. Неофиц. часть. № 5–24; 1866. № 9–24.
5. Материалы для Истории Русской Церкви. Письма высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского и Галицкого к Кириллу, архиепископу Подольскому. Казань, 1876.
6. Слова и речи, говоренные в разные времена Синодальным членом Филаретом, митрополитом Киевским и Галицким и священноархимандритом Киево-Печерския лавры. Т. 1–3. Киев, 1857.

II. ТРУДЫ О МИТРОПОЛИТЕ ФИЛАРЕТЕ

1. *Алатырцева И.* Тихая пристань Голосеево. [Киев], 1999.
2. Высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский // Калужские епархиальные ведомости : Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям. 1884, № 6–19; 1885, № 4–19.
3. *Горячева А.А.* Ректорское попечение об условиях воспитания в духовной семинарии (на примере служения святителя Филарета (Амфитеатрова)) // Вестник ПСТГУ IV : Педагогика. Психология, 2009. Вып. 3 (14). С. 43–54.
4. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Декабрь. Ч. 2. Изд. Введенской Оптиной пустыни. 1995.
5. Заметки о жизни высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского : Первая половина // Православный собеседник. Казань, 1879. Кн. I. С. 83–110; (Отд. изд. : Казань, 1879).
6. *Знаменский Филимон, прот.* Высокопреосвященный Филарет, в схимонасах Феодосий, митрополит Киевский и Галицкий // Церковные ведомости : Прибавления к Церковным ведомостям. 1904. № 38. С. 1454–1462; № 40. С. 1550–1556.

7. *Климкова М.А.* Письма архимандрита Иннокентия (Соколова) святителю Филарету (Амфитеатрову) // Вестник церковной истории. 2011. № 1–2. С. 117–134.
8. *Корсунский И.* Филарет, митрополит Киевский и Галицкий // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1901. Т. 21. С. 77–80.
9. *Л.С.М.* Памяти высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского // Труды Киевской духовной академии. 1908. Январь. С. 104–116.
10. *Лесков Н.С.* Мелочи архиерейской жизни // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 6. М., 1957. С. 398–538.
11. Митрополит Киевский святитель Филарет. Нью-Йорк : Издание Новой Коренной пустыни, 1965. (Библиотека благочестивого читателя).
12. *Орлов Г.Н.* Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский, как проповедник : (Опыт ист.-гомилет. исслед.). М., 1898.
13. *Покровский И.М.* Филарет (Амфитеатров), архиепископ Казанский (1828–1836), впоследствии митрополит Киевский (1837–1857), и его деятельность до вступления на митрополию : (К пятидесятилетию со дня его кончины 21 дек. 1857 г.). Казань, 1908.
14. *Попов Н.* Высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский : (К 100-летию со дня кончины) // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 2. С 52–56.
15. Последние дни жизни почившего в Бозе высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского, с прибавлением некролога, духовного его завещания, слова и речей, произнесенных при погребении его. Киев, 1858.
16. Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь : в 12 т. / под ред. А.П. Лопухина и Н.Н. Глубоковского. СПб., 1900–1911. Т. 7. СПб., 1906. С. 716–717.
17. *Сергий (Василевский), архим.* Высокопреосвященный Филарет, в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время : в 3 т. Казань, 1888.
18. *Скаткин Ю.Н.* Митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров) как проповедник // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 12. С. 64–67.

19. *Сушков Н.В.* Об увольнении Киевского и Московского митрополитов (из Синода) в епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1869. Октябрь – декабрь. Кн. 4. М., 1869.
 20. Филарет (Амфитеатров) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1902. Т. XXXVa. С. 737–738.
 21. Черты из жизни и архипастырской деятельности Филарета, митрополита Киевского : [Из. соч. : *Сергий, архим.* Высокопреосвященный Филарет, в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время. Казань, 1888.] // Воскресное чтение. Киев, 1891. № 45. С. 737–743; № 47–48. С. 782–792; № 49–50. С. 815–823; № 52. С. 859–863.
 22. *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894.
 23. *Яблоков А., прот.* Из административной деятельности высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского, во время святительства его в Казани : [Его резолюции и предписания]. Казань, 1908.
-

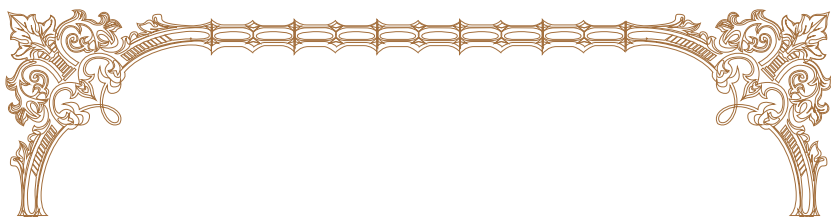
*Архимандрит Леонид
(Кавелин)*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СКИТА
ВО ЦМЯ СВЯТОГО
Иоанна Предтечи Господня,
находящегося
при Козельской Введенской
Оптиной пустыни

*Коль возлюбленна селе-
ния Твоя, Господи сил.
Желает и скончивает-
ся душа моя во дворы Гос-
подни. Блажени живу-
щие в доме Твоем: в веки
веков восхвалят Тя.*

Пс. 83, 2; 3; 5

I. Основание скита

Даст ти Господь по сердцу твоему, и весь совет твой исполнит.

Пс. 19, 5

Начало благочестивому пустынножительству на месте, занимаемом ныне скитом Оптиной пустыни, положил схимонах Иоанникий¹, смиренный и подвижный старец, живший в начале XIX столетия. Возлюбя совершенное безмолвие, он, с благословения настоятеля, поселился в глубине монастырского леса, на малой пасеке, с двумя монахами – Мисаилом² и Феофаном³. Там в уединенной келлии благочестивый отшельник, скрывая себя от людей, подвизался подвигом добрым, угождая Богу постом, молитвою и слезами. Но, как тщательно ни бегал старец мирской молвы и славы человеческой, деятельная жизнь его, по воле Божией, не была тайною для окрестных жителей: граждане Козельска знали смиренного старца и славили за него Господа Бога, Которого он прославлял своею жизнью.

По единогласному свидетельству мирян, знавших схимонаха Иоанникия, и иноков обители, старец сей был украшен всеми монашескими добродетелями: его кротость, смирение, братолюбие и беспрекословное послушание настоятелю были образцом спасительной жизни для братства Оптиной пустыни; он тем более достоин ее памяти, что подвизался в эпоху возрождения и обновления сей обители, когда бывает так необходим пример для новоначальных иноков и прибывающих на искус трудников.

Богоугодная жизнь старца увенчалась и блаженною кончиною: мирно преставился он в небесный покой в 1815 году апреля 30 дня и погребен в северной колоннаде соборного храма (ныне место это вошло внутрь придела преподобного Пафнутия)*. На плите, покрывающей его могилу, вырезана следующая надпись: «На сем месте, под сею чугунною доскою, погребено тело схимонаха Иоанникия. А оной родом Калужской епархии Жиздринского уезда, из пономарей, который по своему доброму желанию, определен указом в сию Оптину пустыню, в число братства 1802 года сентября 12 дня; пострижен в монашество в 1806 году сентября 19 дня, а в схиму 1810 года в апреле месяце: и находился в жизни своей целомудренно, в не малых монастырских трудах и послушаниях не леностно: также и церковной всей службы никогда не оставлял; и вхождение имел в церковь, с великим успехом, Божию службу продолжал слушанием, ревностно и кротко, и во всем

* В настоящее время – Амвросиевский придел Введенского собора.

поведении крайне был тих и незлобив, и притом имел не малую и нелицемерную любовь ко всем, настоятелю и братии, – и в таковой добродетельной жизни, во всем по долгу христианскому и схимонашеского сана, с принадлежащим духовным исправлением, блаженно и скончался 1815 года апреля 30 дня, в пяток, по полудни, в исходе 4 часа; а погребено тело его мая 2 числа в воскресный (недельный) день. Аминь.

Духовные мои отцы, братия и спостницы! егда молитесь, не забудьте мя во святых ваших молитвах, ко Владыце Господу Богу, да учинит дух мой с праведными в вечном блаженстве!»

Просительное завещание старца волею Божиею исполнено: память его и доныне уважается как от братии пустыни, так и от граждан города Козельска, которые нередко по усердию служат на могиле его панихиды.

Недолго оставалась одинокою келлия подвижника, как бы указывая ревнителям пустынножительства место, удобное для прохождения духовных подвигов: спустя шесть лет после кончины старца, Божиим изволением, переселилась сюда из глубины рославльских лесов семья отшельников; они-то основали скит, который, состоя в духовной связи с Оптиной обителью, процветает и доныне: и ветхая келлия схимонаха Иоанникия тщательно сохраняется скитянами как памятник начального основания уединенного жительства на сем месте.

Приступим теперь к повествованию об основании скита: едва исполнилось 25-летие со времени возрождения Оптиной пустыни приснопамятным Платоном,

митрополитом Московским, как вступил в управление Калужскою епархией преосвященный епископ Филарет (бывший Киевский митрополит), и Оптиная обитель нашла в нем нового, навеки для нее незабвенного благодетеля.

Преосвященный, любя, по собственному его выражению, от самой юности всею душою монашеское житие, часто посещал монастыри вверенной ему епархии и обратил особенное внимание на пустынную обитель Оптину; в то время уже не было в живых приснопамятного ее настоятеля отца Авраамия⁴, но помощь Божия не оскудевала над возобновленную им обителью, ибо память сего добродетельного мужа не переставала и по кончине его поощрять честное братство к подвигам иноческим. Оптина пустынь по-прежнему отличалась внутренним устройством и благолепием. Видя это, боголюбивый архипастырь с удовольствием посещал ее и неизменно сохранял доверенность и расположение к бывшему при нем игумену ее, отцу Даниилу⁵.

Подобно митрополиту Платону, преосвященный Филарет особенно пленялся красотою места, занимаемого пустынею, и удобством, которое представляли ее лесистые окрестности к продолжению уединенного пустынного жития, по примеру древних святых отцов. В сердце святителя родилась благочестивая мысль основать при Оптиной пустыне скит, как для того, чтобы доставить желающим средство к безмолвнейшему житию, так равно и для того, чтобы укрепить навсегда в духовном отношении любимую им обитель.

Но кому поручить устройство и управление скита? В Смоленской губернии, в 40 верстах от города Рославля, среди глубоких лесов, издавна подвизалась семья безмолвнолюбивых отшельников, прославленная именами знаменитых старцев: Варнавы, Никиты, Иакова, Василиска, Зосимы, Адриана, Афанасия и других.

В то время, к которому относится наше повествование, то есть в 1820 году, братство это состояло из следующих лиц: старцы – иеросхимонах Афанасий⁶ и Досифей⁷, последний родом из Карачева; иноки – отец Моисей⁸ с родным братом отцом Антонием⁹ – из московских купцов Путиловых; отец Савватий¹⁰, Иван Федоров Дранкин¹¹ – из карачевских граждан.

К ним-то обратилось опытное внимание преосвященного; он уже знал отчасти эту семью: нередко то тот, то другой из монашествующих его епархии просил у него благословения побывать «пользы ради и совета» у отшельников рославльских; не раз он слышал о их достойнопохвальной жизни и от схимонаха Оптиной пустыни отца Вассиана¹², который пользовался благосклонностью владыки.

Этих-то пустыннолюбцев вознамерился призвать преосвященный Филарет для устройства предполагаемого им при Оптиной пустыни скита и для постоянного в нем водворения.

Бог вспомоществовал благому намерению архипастыря: оно исполнилось ранее, чем он мог предполагать. В конце 1820 года один из числа рославльских отшельников, инок Моисей, имея необходимую надобность быть в Москве, вздумал по пути туда

побывать и в Оптиной пустыни, о которой много был наслышан от приходившего к ним оттуда, пользы ради и совета, подвижного монаха Феофана. (Этот достойный ученик старца Иоанникия представился с миром на руках рославльских отшельников.) До той поры инок Моисей вовсе не помышлял переменить своего убогого жилища, но в Оптиной пустыни, по выражению из одного его письма, «при свидании с честнейшим отцом Вассианом, его любовью и достойною жизнью, от основания своего несколько был поколеблен».

Настоятель Оптиной пустыни игумен Даниил, зная о благом намерении преосвященного, представил ему отца Моисея. Отчески милостиво принял его монахолюбивый владыка и советовал переместиться с братиею в его епархию, дабы принять на свое попечение заведение и устройство скита в любом месте леса, принадлежащего к Оптиной пустыни.

Отец Моисей, по его собственным словам, будучи привлекаем благосклонностью архипастыря, вниманием отца игумена Оптиной пустыни Даниила и вниманием старца оной отца Вассиана, хотя и соглашался сердечно на исполнение их общего совета, но не мог совершенно решаться последовать ему без свидания и совета с своими старцами и сожительствующею братиею; почему и отправился в обратный путь, получив от преосвященного Филарета письмо к начальному их старцу, иеросхимонаху Афанасию, следующего содержания:

Преподобный отец Афанасий,
Возлюбленный о Господе брате!

Брат ваш, а мой сын по духу, схимонах Вассиан, возвестил мне, что вы имеете желание, для удобнейшего прохождения подвигов монашеской жизни избрать себе, и с единомышленными вам братьями, уединенное место при Введенской Оптиной пустыни. То же самое подтвердил и отец Моисей, бывший у меня проездом в Москву. Таковое желание ваше считая особенною милостию Божиею к моему недостойнству, я готов принять вас и других пустынножителей, которых вы с собою взять заблагорассудите, со всею моею любовью. Я вам позволяю в монастырских дачах избрать для себя место, какое вам угодно будет, для безмолвного и отшельнического жития, по примеру древних святых отцов-пустынников. Келлии для вас будут изготовлены, как скоро вы изъявите свое на то согласие. От монастырских послушаний вы совершенно будете свободны; уверяю вас пастырским словом, что я употреблю все мое попечение, чтоб вас упокоить. Любя от юности моей от всей моей души монашеское житие, я буду находить истинную радость в духовном с вами собеседовании.

Призывая на вас благословение Божие и моля Господа Иисуса Христа, да совершит Он благое желание ваше, с моим истинным к вам почитанием и братскою любовью имею радость быть Вашего преподобия усерднейший слуга и богомолец

*Филарет, епископ Калужский.
1820 года, декабря 15 дня.
Оптинская обитель*

Р. S . И настоятель теперешний, отец игумен Даниил, очень рад будет пришествию вашему. Он человек весьма добрый, благоразумный и монахолюбивый. Вы его полюбите¹³.

Возвратясь в свое уединение, инок Моисей вручил старцу Афанасию письмо преосвященного и подробно объяснил единомысленной с ним братии те удобства и духовную пользу, которые представляют возможность проходить уединенное житие при благоустроенной Оптиной пустыни и под покровительством такого боголюбивого архипастыря, каков преосвященный Филарет. Предложение отца Моисея было принято с радостью, и на общем совете согласились последовать сему званию, признав его за звание Божие, особенно в том внимании, что в это же время, попусшением Господним, мирное их безмолвие начало несколько подрываться притязаниями окружного земского начальства. Вследствие этого решения отец Моисей немедленно отнесся как к самому преосвященному Филарету, так и к оптинскому игумену отцу Даниилу письмами следующего содержания:

Преосвященнейший Владыко,
милостивый отец и архипастырь.

Я, недостойный, имевши счастье пользоваться вашею архипастырскою милостию в проезд мой до Москвы и обратно, хотя не полагал никакого намерения переменять свое убогое жилище, кроме таких вин, которые разве невольным бы образом принудили к тому; но при свидании с честнейшим отцом Василианом, его любовью и достоподрожательною жизнью,

от основания моего несколько был поколебан. Когда же сподобился видеть Вашего Преосвященства ко мне, ничтожному, снисходительность и слышать пастырский глас, советующий, к моей и прочих выгоде, переместиться в уединение при Оптиной Введенской пустыни, на скитскую жизнь, совершенно сделался убежден и без сомнения принял сердцем архипастырский совет Ваш за звание Божие, которому я с радостью расположен следовать, уповая на Ваши святительские молитвы и отеческое о всех нас попечение. Также, соответственно Вашей архипастырской кротости и любви, чувствовал с уверенностью и пречестнейшаго отца игумена Даниила добродушие, что все весьма привлекает. По возвращении моем до своего жилища, когда письмо Вашего Преосвященства вручил я отцу Афанасию и братьям, сожительствующим со мною, все подробно объяснил, какие можно иметь выгоды душевные и безопасность в уединенной жизни при обители, под покровительством Вашего Преосвященства, они все то приняли с радостью и объявили себя со мною совершенно согласными. Итак, когда воля Вашего Преосвященства о принятии нас на уединенную жизнь есть такова же, как благоволили объявить, то я, низайший, с братьями моими теперь, единомысленно возложившись на волю и Промысл Отца Небесного, осмеливаюсь решительно припасть к святительским стопам Вашим и всеусерднейше просить, с истинною преданностью, благоволите, Преосвященнейший Владыко, принять нас в Ваше архипастырское милостивое покровительство и на назначенном месте

дозволить заняться благодетелю нашему Димитрию Васильевичу Брюзгину нужным приуготовлением для скита. Мы располагаемся отсюда выбраться по про-сухе, как только удобно будет ехать; между тем желатель-но осведомиться о воле Вашего Преосвященства в разсуждении решимости нашей; о чем соблаговоли-те, милостивейший архипастырь, приказать уведомить нас. Предая себя навсегда Вашей архипастырской воле и святейшим молитвам, имею счастье быть, Преосвя-щеннойший Владыко, милостивейший отец и архипас-тырь, Ваш всенижайший и покорнейший послушник

недостойный инок Моисей, вкупе с братьями.

1 апреля 1821 года.

Пустынь

Ваше Высокопреподобие,
Всепречестнейший батюшка,
отец игумен Даниил!
Благословите!

Пользовавшись отеческим приятием Ва-шим, побужден изъявить Вашему Высокопреподобию мою чувствительнейшую благодарность, а притом до-нести о себе, что, привлекаем будучи архипастырскою благосклонностию и Вашею и отца Вассиана любо-вию, сердечно соглашался на перемещение, под по-кровительство Его Преосвященства и Ваше, в назна-чаемый при обители вашей скиток; но, не выдавшись со старцами здешними и с сожительствующими со мною братьями, не мог совершенно решиться, те-перь же, по свидании моем с ними, находя их со мною согласными, решаюсь совершенно оставить здешнее

место и, возложившись на Божий Промысл, поступить по воле Его Преосвященства в назначенный скит; о чем я, низжайший, и имел дерзновение на сей же почте отнестися к архипастырю письмом, на которое ежели последует Его Преосвященства благоволение, то должен по просухе отправиться отсюда; между тем, предавая себя навсегда Вашим святым молитвам и отеческой хриstopодражательной любви, о которой предварительно Ваше Высокопреподобие всеусерднейше прошу, и с истинною моею к Вам преданностию и высокопочитанием имею счастье остаться

Вашего Высокопреподобия
всенижайший послушник,
недостойный инок Моисей с братьями

На выш еприведенное же письмо преосвященного Филарета к иеросхимонаху Афанасию, доставленное ему отцом Моисеем, старец отправил следующий смиренный ответ:

Преосвященней ший Владыко,
милостивый отец и архипастырь!

Я, низжайший и недостойный, сподобившись получить от Вашего Преосвященства писание, исполненное архипастырской кротости и особенно к иноческому чину любви, чувствительно тем был тронут, и по малодушию моему и недостойнству никак не осмелился бы дерзнуть своим до Вашего святительского лица ответом; но взирая на великую Вашего Преосвященства благосклонность ко всем, принял и я дерзновение написать о себе. Из письма Вашего

Преосвященства видевши благонамеренное желание устроить при Оптиной Введенской пустыни скит, для расположенных к отшельнической, безмолвной жизни, по примеру древних святых отец пустынножителей, на положение которого благоволите приглашать меня, непотребнейшего, и других своих свойственных к тому пустынножителей, я, скудоумный, познавая, от свидетельств святых мужей и собственного в мале бывшего искуса, пользу безмолвия в небольшой и единоклюжной дружине, расположен с душевною радостью предать себя Вашей архипастырской воле. Но при сем дерзаю объяснить Вашему Преосвященству, что, когда благоволит Бог положить начало основанию скита и привести оный в совершенство, желательно, чтобы сие положение жизни могло быть формальным и всегдашним, притом ничем бы не причиняло неудовольствия обители, наипаче же само от оной не колебалось, но обоим бы жилищ взаимная была поддержка и духовный соблюдался союз любви, что все, без сомнения, зависит от мудрого по Бозе Вашего архипастырского учреждения и покровительства. С нашей же стороны мы мним быть благонадежными к общей мирности два главных средства: во-первых, чтоб скит, ежели только возможно, имел бы особое содержание, посредством боголюбивых душ, не нанося стужения обители о потребностях, и самим, что в силах будем, поделывать, как то: огородный овощ сажать и рукодельем, каким кто может, по временам от уныния заниматься, уповая наипаче на Промысл Божий, что он не лишит нужного продовольствия. Когда же случится избыток

в чем, отдавать в обитель, а недостаток, сколько можно, понести терпением. Второе: нужно к общей тишине не допускать входить в скит мирских лиц, любопытством побуждаемых, иначе не можно иметь безмолвия; из обители же братьям по нужде приходиться с благословения начальника в субботу или воскресенье, а прочие бы пять дней пребывать в совершенном от всех безмолвии.

На таковом учреждении, паче же на Вашем архипастырском, уповаем пользоваться отшельнической жизнью, на которую, когда решительно поступит собрат наш отец Моисей с присными своими братьями и со старцем, то с любовью и я последую за ними; только признаюсь Вашему Преосвященству в немощи моей, что я не могу вместиť иеромонашеской должности и начальнической, а согласен быть наравне с монашествующими.

Впрочем, повергая себя к святительским стопам Вашим, с совершенною преданностью испрашиваю архипастырского благословения и молитв, на которые сердечно уповаю, Преосвященный Владыко, милостивый отец и архипастырь!

*Ваш всенижайший послушник
недостойный схииеромонах Афанасий.
1 апреля 1821 года*

Преосвященный Филарет немедленно почтил письмо старца Афанасия ответом следующего содержания:

Преподобный отец,
схиеромонах Афанасий,
любезный о Господе брате!

Душевно я порадовался, что Господь Иисус Христос вложил в сердце ваше благую мысль о водворении вас с братиею в Оптиной обители. По желанию вашему я порекомендовал отцу игумену Даниилу отвести приличное и весьма удобное для скитской жизни место на монастырской пасеке и позволить усердному благодетелю, купцу Брюзгину строить келлии.

Когда вы с братиею прибудете к нам, тогда формальным образом учредить и правила для скитского жития по мыслям вашим и по духу святых пустынножителей. Безмолвие ваше ограждено будет как со стороны братии монастырской, так и со стороны мирских людей.

По получении известия о прибытии вашем, я сам поспешу видеться с вами, чтоб взаимным советом совершить сие святое и богоугодное дело.

Призывая на вас и на боголюбезную братию вашу благословение Божие, с искреннею моею к вам любовью навсегда имею пребыть

Вашего Преподобия
усерднейший слуга и брат,
Филарет, епископ Калужский.

Отцу Моисею прошу свидетельствовать мою любовь. Я очень благодарен за его ко мне писание. Особенно к нему не пишу, ибо уверен, что у вас едино сердце.

24 апреля 1821 года¹⁴

Это письмо служит ясным доказательством, какое живое участие принимал преосвященный Филарет в устройстве скита и, вообще, как он много ревновал к пользам душеспасительной иноческой жизни.

Несмотря на все по-видимому столь благоприятные обстоятельства, рославльские старцы – иеросхимонах Афанасий и отец Досифей – не решились оставить тотчас свое безмолвное пребывание, предоставляя это дальнейшему усмотрению, по совершенном устройстве предполагаемого скита. Тогда, исполняя волю боголюбивого архипастыря, дружина отшельников, под предводительством инок Моисея, оставила рославльские леса и отправилась в возделенный путь, сопровождаемая благословениями своих старцев; 6 июня 1821 года прибыли они в Оптину пустынь и водворены были до времени на монастырской пасеке.

Отдохнувши и оправившись от утомительного пути, они поспешили явиться в Калугу пред лицо преосвященного Филарета: отечески милостиво принял их владыка, обрадованный искренно тем, что благое желание его начинает приводиться в исполнение. После духовной беседы о правилах для скитской жизни, по духу святых пустынножителей, отшельники получили от преосвященного пастырское наставление и благословение на избрание по произволу места в лесу близ Оптиной пустыни.

Посоветовавшись взаимно, они заняли место, уже предызбранное для безмолвной жизни блаженным старцем Иоанникием, – среди леса на восточной

стороне монастырских владений, в 170 саженьях от обители, близ пасеки.

Тогда отец Моисей с игуменом Даниилом составили план к строению скита и представили его к преосвященному Филарету, который немедленно утвердил его следующей резолюцией: «1821 года июня 17 дня, по сему начертанию строить скит да благословит Господь Бог и благодатию Своею да поможет совершить». При чем преосвященный Филарет почтил оптинского игумена Даниила собственноручным письмом от 18 июня того же года*.

II. Построение и устройство скита

*Коль возлюбленна селения Твоя,
Господи сил.*

Пс. 83, 2

«Да будет на месте сем благословение святых пустыни Иордановы и всех тамо безмолствовавших!»

Молебное воззвание при заложении скитской церкви

— 1821–1825 —

Имея благословение архипастыря, призвав в поспешение имя Господне, отец Моисей с братиею своею

* Последующие письма святителя Филарета (Амфитеатрова) к игумену Даниилу и другим лицам, связанным с Оптиной пустыню, помещены в отдельной части.

и схимонахом Вассианом приступили к делу, будучи обеспечены в начальных издержках помощью благодетеля своего козельского гражданина Дмитрия Васильевича Брюзгина, который пожертвовал на постройку скита 1500 рублей серебром.

Главный труд состоял в том, чтоб очистить избранное место от вековых сосновых деревьев. Ревностно занялись этим отшельники, помогая собственноручно небольшому числу наемных людей то в рубке толстых сосен, то в выкапывании их глубоких и ветвистых пней.

Бог не оставлял подкреплять тружеников и невидимым утешением, и видимую Своею помощью: так, во время этой расчистки места (следовательно, когда еще не было положено основание скитской церкви) приходит туда отставной инвалидный солдат, болящий ногами, и просит отслужить молебен образу Знамения Пресвятыя Богородицы, подкрепляя свою просьбу рассказом, что он имел видение во сне о сем образе, якобы находящемся в скиту Оптиной пустыни. Отец Моисей отвечал ему, что здесь такого образа не имеется, как равно нет и иеромонаха, который мог бы отслужить ему молебен; получа этот ответ, служивый, по наставлению отца Моисея, отправился для исполнения своего желания в обитель.

Скитяне сложили в сердце своем рассказ сего простого человека о бывшем ему видении, и оно не замедлило оправдаться в самом непродолжительном времени: козельский купец Феодор Тимофеевич Третьяков, жертвуя на постройку скита 1000 рублей денег и на нанесенный наводнением на монастырскую землю лес,

вместе с тем принес в дар скиту и родовой свой образ Знамения Пресвятой Богородицы, ознаменованный многими чудотворными событиями*.

Скитяне выстроили себе на первый раз из срубленного на месте леса небольшую келлию на юго-восточной стороне и жили в ней все пятеро вкупе, общежительно.

Потом обнесли все расчищенное место дощатым забором и, наконец, приступили, с благословения пресвященного, к построению скитской церкви во имя Собора святого Иоанна Предтечи Господня. По воле архипастыря ей присваивалось название «домовой церкви – для архиерейского приезда», на каковой конец и предположено устроить западную часть ее по домовому расположению.

Заложение церкви происходило следующим образом: 16 числа августа 1821 года, после ранней обедни, игумен Даниил, пришедши на назначенное для закладки место и положа со всеми три земных поклона на восток, произнес: «Да будет на месте сем благословение святых пустыни Иордановы и всех там безмолвствовавших». После сих приснопамятных

* Например, когда икона находилась уже на своем месте в скитской церкви, козельский почетный гражданин Дмитрий Васильевич Брюзгин отчаянно заболел и, пожелав принять сию икону к себе в дом, просил отслужить пред нею молебен с водоосвящением; по окроплении святою водою он получил тотчас же облегчение, а в скором времени и совершенно выздоровел. Было довольно и других примеров чудесных исцелений, которые продолжают-ся и ныне. Некоторые больные даже письменно, издали, просят по усердию отслужить о здравии их молебен пред сею иконою и по вере их получают скорое исцеление. – *Примеч. авт.*

слов отец игумен взял в руки лопатку и первый начал рыть окоп для церковного фундамента. Того же месяца, 18-го числа, после обедни, был из обители в скит малый крестный ход без звона; в нем, кроме скитской братии, участвовал сам игумен Даниил, иеромонахи Феодосий¹⁵ и Иларий¹⁶, иеродиакон Афанасий¹⁷. По пропетии молебна с водоосвящением заложена в скиту церковь во имя Собора великого и славного Пророка, Предтечи и Крестителя Христова Иоанна, первого новоблагодатного пустынножителя; в основании церкви положена под престолом часть мощей сего святого, и день оный проведен в духовной радости и веселии. Недостаток средств принудил отца Моисея в январе 1822 года поехать за сбором на свою родину – в Москву; плодом этой поездки было то, что чрез шесть месяцев после закладки скитская церковь была совершенно окончена и снабжена приличною утварью церковною. 1 февраля 1822 года получен из Калужской духовной консистории указ, с следующею резолюциею преосвященного: «Домовую для архиерейского приезда церковь освятить по чиноположению Оптиной Введенской пустыни игумену Даниилу, которому и выдать для сего святой антиминс». Освящение происходило 5 февраля, торжественно, с крестным ходом из обители.

В том же году недалекий сосед по жительству, козельский помещик Иван Петрович Анисимов, возымел желание пожертвовать в скитскую церковь образ святого Иоанна Предтечи Господня, преемственно переходивший в их роде от отца к сыну как благословение.

Образ этот был неокладной, от древности совершенно потемневший, и по краям краска местами облупилась. Как ни дорого ценил господин Анисимов сию святыню, но по ненадежному поведению единственного сына решился отдать ее на хранение святому месту. Скитяне приняли икону с подобающим благоговением. Но отчасти потому, что она была несколько попорчена и требовала исправления, а отчасти и потому, что для нее на ту пору не находилось в их церкви приличного места (ибо новосозданная церковь тогда еще не была внутри оштукатурена и стены ее оставались в своем натуральном виде без всякого украшения) до времени оставили ее в ризнице вместе с другими церковными вещами. Не прошло и полугода, как пожертвовавший сей образ господин (И.П. Анисимов) приходит в скит и говорит братии, что нынешнюю ночь явился ему в сонном видении святой Иоанн Креститель и сказал настоятельно, чтобы он позаботился об его образе, который находится теперь в темном месте. После этих слов братия взяли из ризницы образ Предтечи и поставили в церкви на особом аналогии. В 1831 году усердием одного из посетителей скита (из купеческого сословия) была пожертвована достаточная сумма на устройство для сей иконы сребропозлащенной ризы и венца, которыми она и была украшена тогда же. В настоящее время икона эта помещается над царскими дверьми, рядом с вышеописанным образом Знамения Пресвятой Богородицы.

Но возвратимся к истории постепенного устройства скита.

Боголюбивый архипастырь, бдительным оком надзирая за успешным устроением скита, ободрял труждающихся словом и делом: по освящении церкви, в 1822 году июня 3 дня, с разрешения Святейшего Правительствующего Синода, он постриг отца Моисея в монашество*; 24 декабря того же года рукоположил в иеродиаконы, 25 числа – в иеромонахи и в то же время определил общим духовником Оптиной пустыни. Не оскудевала и паче возрастала и ревность отца Моисея в порученном ему деле устройства скита: постепенно, в течение 4 лет, возникали видимые ныне по сторонам церкви отдельные флигели братских келлий. Между же келлий и вокруг церкви, по всему скиту, насажены плодовые деревья, перемежающиеся ягодными кустарниками; на восточной стороне скита, на малом протоке, запружены два пруда... словом, устроены все видимые ныне принадлежности скитского общежития.

Продолжавшееся строение вовлекло отца Моисея в долги, и потому с надеждою на Бога, посылающего помощь во благовремени рабам Своим, он вторично отправился в Москву, в 1825 году, за сбором подаяния. Но едва успел прибыть туда, как получил из обители от игумена Даниила письмо с извещением о избрании его в настоятели Оптиной пустыни и с просьбою, оставя все дела, немедленно поспешить для получения прощального благословения от отъезжающего

* Монашеский постриг открыт игуменом Даниилом (Кушневым) 3 июня 1822 года в новоустроенном храме скита.

архипастыря*, а равно и для принятия, по воле владыки, в свое управление обители.

Это назначение надолго укрепило духовный союз братств скитского и монастырского; имея в игумене Моисее общего начальника, они представляли одну духовную семью, соблюдающую, по слову Писания, «единение духа в союзе мира» (Еф. 4, 3).

— 1825–1839 —

В 1825 году, по воле преосвященного Филарета, был облечен званием скитона начальника иеродиакон Антоний, родной брат отца Моисея по плоти и по духу: вместе пребывали они в безмолвном уединении среди лесов рославльских, вместе прибыли в обитель Оптину и в одном году облечены в монашеский образ, а именно: отец Моисей 3 июня, а отец Антоний 23 декабря 1822 года**; 1823 года апреля 4-го дня преосвященный Филарет рукоположил Антония во иеродиаконы, и с тех пор он вместе с братом, уже тогда иеромонахом, исправлял священнодействие в скитской церкви. В 1827 году августа 5-го дня отец Антоний посвящен в иеромонахи в Орле***, преосвященным Гавриилом, епископом Орловским и Севским.

* Преосвященный Филарет был тогда переведен на Рязанскую епархию. — *Примеч. авт.*

** Здесь имеется в виду открытие пострига. Сам монашеский постриг совершен 2 февраля 1820 года иеросхимонахом Афанасием (Степановым).

*** С 4 января 1826 г. по 20 мая 1828 г. епископом Калужским и Боровским был будущий митрополит Григорий (Постников; 1784–1860), но он летние месяцы проводил в Санкт-Петербурге для присутствия в Святей-

Начальствуя 14 лет в ските, отец Антоний ревностно помогал своему брату возвращать и укреплять его духовное насаждение до тех пор, пока, по воле всеустроющего Промысла, полезная деятельность его получила иное, высшее назначение: 30 ноября 1839 года преосвященный Николай, бывший епископ Калужский и Боровский, неожиданно потребовал его в Калугу, а 3 декабря того же года поставил его игуменом в Малоярославецкий Черноострожский монастырь, с начала текущего столетия получавший настоятелей от Оптиной пустыни. По рассказам очевидцев, трогательно было прощание отца Антония с его духовною семьею, среди которой он прожил немалое время, сперва как смиренный брат, а потом как чадолюбивый отец; нелегко было болезненному старцу расстаться со спасительным уединением скита, где он чаял скончать дни свои в молитвенном покое: но, памятуя завет отеческий, что послушание паче поста и молитвы, он беспрекословно отправился к месту своего назначения, напутствуемый благословениями и искренним изъявлением духовной любви обоих братств, скитского и монастырского. Во время управления скитом отцом Антонием, а именно в 1829 году, преосвященный Гавриил, бывший епископ Калужский и Боровский, посетив Оптину пустынь в храмовой скитской праздник (то есть 29 августа), служил в скитской церкви обедню полным архиерейским собором и сказал приличное празднеству слово.

шем Синоде, поэтому хиротонию совершил ближайший, Орловский, архиерей.

В 1837 году июня 17-го дня посетил Оптину пустынь проездом из Санкт-Петербурга в Киев высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский и Галицкий. На утро следующего дня высокий гость прибыл в устроенный по его благословению скит; отслужив литургию, изволил обходить весь скит и, останавливаясь против церкви, поучал братию от отеческих словес со смиренномудрием, которое он трогательно показал пришедшему к нему пред обеднею с поздравлением козельскому градскому главе Карлину и прочим гражданам: «Митрополит – в монастыре, а здесь, в ските, он просто инок», – кротко молвил архипастырь и уклонился от принятия почетного поздравления, показуя собою пример смирения; в заключение всего высокопреосвященный владыка посетил келлию скитоначальника отца Антония и некоторых из скитских старцев. С ним находился и сопровождал его преосвященный Николай, епископ Калужский и Боровский. В 12-м часу, после праздничной обедни, высокопреосвященный Филарет отправился из Оптиной пустыни, чрез город Козельск, в дальний путь, оставив как в обители, так и в ските неизгладимую память своего милостивого внимания.

— 1839–1860 —

Место отца Антония заступил скитский же иеромонах отец Макарий, скончавшийся о Господе 7 сентября 1860 года.

Отец Макарий первоначально поступил в Площанскую пустынь (Орловской епархии), 1810 года октября 6-го числа (из дворян, по фамилии Иванов), пострижен в монашество 1815 года марта 7-го преосвященным Досифеем, епископом Орловским и Севским; 12 марта того ж года рукоположен во иеродиаконы, а 27 мая 1817 года – в иеромонахи тем же преосвященным Досифеем; 1819 года июня 8-го награжден набедренником от преосвященного Ионы, епископа Орловского и Севского. Из Площанской пустыни прибыл в сей скит для купножития с известным старцем Леонидом, а в декабре 1833 года, согласно его прошению, отец Макарий уволен вовсе из Орловской епархии; 18 января 1834 года определен указом в Оптину пустынь.

При отце Макарии скит вторично удостоился видеть в своей ограде незабвенного виновника его существования: 1842 года 20 мая высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский и Галицкий, снова посетил Оптину пустынь, и так же проездом из Санкт-Петербурга в Киев. От монастырского перевоза на реке Жиздре он изволил идти пешком и был встречен игуменом и братиею соборне в облачении у врат входной башни (что разделяет на две половины корпус каменной гостиницы). Отсюда, по лестнице, ведущей на гору, взошел во святые врата и вступил ими в соборную церковь при пении стихир: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра». После ектении и многолетия изволил благословлять по ряду всю братию. Причем, без сомнения, – видя, с каким благоговением

и любовью собор иноческий стремился принять его архипастырское благословение, высокопреосвященный владыка, обратясь к предстоящему игумену, сказал ему: «Отец Моисей! Веди всех их в Царство Небесное, ни одного не оставляй».

Эти незабвенные слова глубоко напечатлелись на сердцах оптинских иноков и, без сомнения, долго будут передаваться от одного другому как завет милостивого внимания и отеческой любви высокопреосвященного Филарета к их обители и вообще к монашескому сану... Многие из окрестных дворян, узнав о прибытии их бывшего архипастыря, поспешили в Оптину пустынь получать его благословение. С благоговением заметили они, что чрез час с небольшим по прибытии высокопреосвященного Филарета в обитель, во время молебствия в церкви, ниспослана благодать Божия на их пределы, именно: после засухи, продолжавшейся почти месяц, пролился на землю благотворный дождь и оросил почерневшие поля, «а на земле сердец наших (прибавляют к сему замечанию оптинские иноки) благословением сего высокого посетителя излился дождь духовного утешения и радости».

По выходе из церкви митрополит посетил настоятельские келлии; пред всенощною, по просьбе козельского почетного гражданина Александра Дмитриевича Брюзгина и братьев его, служил панихиду по их родителям, погребенным в здешней обители, а после панихиды почтил литиею на гробе память блаженного старца иеросхимонаха Леонида (Льва).

После того всенощную сначала слушал в монастырском храме, а во время чтения кафизм посетил скит и слушал продолжавшееся в то время в скитской церкви бдение, до величания; потом, приложась к святой иконе Владимирской Божией Матери, возвратился в монастырь для отдохновения, будучи утружден путешествием. В ските был вместе с владыкою генерал-майор Я.И. Отрощенко, нарочно приехавший, подобно другим, из своего имения для принятия архипастырского благословения.

На другой день, то есть 21 числа в 6 часов утра, в сопровождении генерала Отрощенко, архипастырь пожаловал в скит пешком, слушал здесь литургию, а после оной удостоил своим посещением келлию скитона начальника отца Макария, где было поднесено его высокопреосвященству рукоделие скитской братии: деревянные ложки и токарная ваза, которые благоволил принять с пастырскою благосклонностью. Отческую беседу свою при этом случае высокопреосвященный Филарет заключил печальным известием, что он, вероятно, уже последний раз посещает скит. Затем благоволил входить в келлии некоторых старцев и милостиво беседовал с ними; прошелся еще раз по скиту, как бы желая напечатлеть в памяти его расположение; вкусил скитского хлеба и отправился в монастырь. Пришедши в настоятельские келлии, потребовал к себе скитона начальника и пожаловал 47 аршинов фиолетового бархата, приказав сделать из него в скитскую церковь одежду на святой престол.

Вообще изъявлением отеческой любви в обители и благосклонным обхождением со всеми высокопреосвященный Филарет оставил неизгладимое впечатление в сердцах оптинских иноков, которые, при должном почтении и уважении к его высокому сану, питают к нему искреннюю сыновнюю любовь и признательность; рассказ о последнем посещении их обители Киевским владыкою они обыкновенно оканчивают печальным воспоминанием прощальных слов его скитянам: «Я уже последний раз посещаю ваш скит»*.

Из Оптиной пустыни архипастырь отправился в 11-м часу утра в город Козельск; там в соборе был встречен градским духовенством, посетил протоиерея Лебедева; потом был угощаем почетным гражданином А.Д. Брюзгиным обеденным столом, в их доме, с истинно русским радушием и усердием; к столу были приглашены из обители отец игумен Моисей и скитоначальник иеромонах Макарий. По обеде, в 2 часа пополудни, митрополит изволил отправиться на Белев по тракту в Киев.

В 1843 году, июня 23-го дня, скитская церковь вторично удостоилась архиерейского служения: в этот день всенощное бдение в скиту совершал сам преосвященный Николай, бывший епископ Калужский и Боровский, скончавшийся в 1851 году.

* Действительно, с мая 1842 года скит не имел более утешения видеть в скромном уединении своем любимого владыки до самой его блаженной кончины, последовавшей 27 декабря 1857 года. — *Примеч. авт.*

В июне месяце (4-го числа) 1852 года посетил обитель и скит в первый раз после своего назначения на Калужскую кафедру преосвященный Григорий, епископ Калужский и Боровский. На другой день изволил совершить соборно (с отцом игуменом Моисеем и иеромонахом отцом Пафнутием¹⁸) служение в скитской церкви и произнес прилагаемое здесь назидательное слово на текст из Апостола: «Бог всякия благодати, призвав вас в вечную славу о Христе Иисусе, мало пострадавший, Той да совершит все; да утвердит, да укрепит, да оснует» (см.: 1 Петр. 5, 10). По выходе из церкви владыка подробно осматривал скит, почтил посещением келлию старца отца Макария, бывшего тогда на богомолье в Киеве; в скитском хозяйстве особенно его внимания удостоились пасека и кедровая роща.

Таким образом, со времени своего основания скитская церковь три раза удостоилась архиерейского служения: 1) 29 августа 1829 года, в день Усекновения честной главы святого Иоанна Предтечи, священнодействовал преосвященный епископ Гавриил; 2) 23 июня 1843 года – преосвященный Николай; 3) 4 июня 1852 года – преосвященный Григорий, нынешний епископ Калужский и Боровский.

После 1852 года скит еще двукратно удостоился принимать в своих стенах своего архипастыря, а именно: 18 июня 1855 года он изволил служить в скитской церкви литургию, после которой почтил старца отца Макария посещением и кушал у него чай; и наконец, в бытность свою в обители по случаю освящения

храма, устроенного в здании бывшей братской трапезы, 8 июня 1858 года.

В 1857 году обветшавшие древние святые врата были заменены новыми каменными с колокольною над ними; построены усердием благотворителей, под личным наблюдением старца отца Макария, и все наружные украшения их (состоящие в описанных ниже святых изображениях), сделанные по его мысли, и окончены лишь в последние дни его предсмертной болезни – осенью 1860 года.

Святые врата эти двухэтажные: внизу, по обеим сторонам входной арки, два покая: в одном – ход на колокольню, а в другом – келлия для привратника. Колокольня оканчивается со всех четырех сторон кокошниками, или подкаморами, под железною крышею; глава на трибуне обита английскою жестию и увенчана шестиконечным золоченым крестом. По окончании колокольни на нее перенесены были с южного церковного крыльца колокола и к ним еще был повешен новый – в 30 пудов, пожертвованный в то время. В 1857 же году два деревянных корпуса по обе стороны святых врат и один на южной стороне скита обложены кирпичом, оштукатурены, выбелены и покрыты железом. В 1858 году усердием одного из благотворителей скита вместо обветшавшей братской трапезы построена новая по подобию прежней; в низу ее выход для хранения запасов; правая половина занята трапезою и кухнею, а левая – прихожею, двумя келлиями поваров и кладовою. Трапеза, содержащаяся в большой чистоте, освещается шестью окнами и кроме икон убрана

разными изображениями святых, портретами замечательных лиц и видами монастырей. Для чтения во время трапезы устроена особая подвижная кафедра.

Еще в 1853 году начальник скита и духовник обоих братств, скитского и монастырского, старец иеромонах Макарий, после 14-летнего управления скитом, по болезни, для большей свободы в делах духовных пожелал устраниваться от лежавших на нем забот по части хозяйственной, а потому, с соизволения настоятеля обители, 30 ноября того же года (то есть ровно через 14 лет со вступления в управление скитом), сдал эту должность старшему по себе иеромонаху отцу Пафнутию. Перемена эта была не слишком чувствительна для скитян лишь потому, что старец, хотя и сложил с себя официальное звание начальника скита, но оставался по праву старчества единственным духовным главою братства, собравшегося в скитскую ограду для ближайшего руководства его опытными советами и надежным окормлением*. И до самой кончины боголюбивый старец неутомимо заботился как о внешнем устройстве и украшении скита, так и, в особенности, о внутреннем его направлении поддержанием среди братства смирения и взаимной любви, о которых ежедневно напоминал всем и каждому словами Спасителя: «...научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11, 29) и: «...о сем познают, яко Мои ученицы есте, аще любовь

* Окормлять – от слова «корма» – значит, в переносном смысле, управлять или направлять духовно одного или многих. – *Примеч. авт.*

имате между собою» (см.: Ин. 13, 35). А главное – уча словом, был сам и живым образцом этих обдержительных* добродетелей: управляя скитским братством, он вел себя среди них – не «яко власть имеяй, но яко служай»; так что в течение его 14-летнего начальства скитом никто из скитских братьев не слышал от него слова «начальник», а, напротив, все видели в нем чадодоброго и попечительного отца, называя его не иначе как «наш батюшка». В 1854 году, по ходатайству преосвященного Григория, основанному на представлении настоятеля обители, старец отец Макарий был награжден от Святейшего Синода за пастырские труды свои в звании духовника обители и начальника скита наперсным крестом, а 7 сентября 1860 года он почил о Господе, оставив по себе поистине вечную память в сердцах духовных чад своих и всех пользовавшихся его духовными советами. По распоряжению настоятеля обители, усопший погребен на монастыре, близ своего старца, духовного друга и спостника отца Леонида. Говоря об этих приснопамятных старцах, нельзя не применить к их духовной деятельности (особенно относительно скита) смысла апостольских слов: что отец Леонид духовно насадил, то отец Макарий напоил: но и тот и другой, водимые смирением, глубоко сознавали сердцем и проявляли всяким делом спасительное убеждение, «яко ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возвращай – Бог» (1 Кор. 3, 7). Мы же как очевидные свидетели трудов их не усумнимся

* Всеобъемлющих. – *Примеч. авт.*

приложить к ним и дальнейшее слово апостола: «насаждаяй же и напаяяй едино суть: кийждо же свою мзду примет по своему труду» (см.: 1 Кор. 3, 8).

В дополнение сего очерка внешней истории и основания скита остается обратить внимание читателя на видимые плоды сего духовного вертограда. По назначению преосвященного Николая, бывшего епископа Калужского и Боровского, скит в короткое время наделил настоятелями три обители Калужской епархии для заведения в них порядка общежития по чиноположению Оптиной пустыни.

1) 5 сентября 1829 года скитский иеромонах Геронтий, в мире Георгий, родом из московских купеческих детей, по прозванию Васильев, прибыл в скит вместе с приснопамятным старцем Леонидом; в 1833 году пострижен в мантию – с наименованием Геронтием; в 1834 году рукоположен во иеродиаконы, а в 1836 году во иеромонахи; скончался же в сане игумена в 1857 году в Тихоновой пустыни, устроив вверенную ему обитель.

2) 3 декабря 1839 года начальник скита иеромонах Антоний поставлен во игумены Малоярославецкому Николаевскому Черноострожскому монастырю, который с начала XIX столетия постоянно получал настоятелей из братства Оптиной пустыни. В 1853 году он отказался от управления монастырем по болезни и уволен на покой в Оптину пустынь.

3) 15 августа 1842 года скитский иеромонах Никодим определен строителем в Мещовский Георгиевский монастырь; с ним выбыл из скита послушник

отец Никодим, в мире Николай Петрович Демутье, из дворян; первоначально служил во флоте; по оставлении мира пробыл года два в Площанской пустыни; потом перешел в первоклассную Сергиевскую пустынь, что близ Петербурга, где и пострижен в малый образ монашества, без перемены имени; отсюда уже прибыл в скит Оптиной пустыни в 1836 году; в 1840-м посвящен во иеродиакон, а в 1842 году – во иеромонахи. В конце 1853 года заменил отца игумена Антония в управлении Малоярославецким Черноострожским монастырем, управляя им и поныне в сане архимандрита, коим награжден в 1857 году.

В конце 1857 года посетил обитель и скит преосвященный Поликарп, в то время бывший епископ Херсонский (ныне Орловский), коего предполагалось тогда назначить в начальники новоучреждаемой Иерусалимской духовной миссии. Цель посещения его состояла в том, чтоб пригласить для содействия в предлагаемых трудах по устройству новой миссии скитских иноков, отцов Ювеналия¹⁹ и Леонида²⁰, известных ему по особой рекомендации, и других – кого Бог пошлет. Означенные иноки, удостоверившись, что смиренно-мудрый архипастырь, по своему духовному устройению, сердечно сочувствует тем началам, на которых было основано их иноческое воспитание в обители, и что по его летам и духовной опытности они могут иметь в нем не только начальника, но и отца, – по совету старцев решились посвятить себя в отдаленной стране на служение Церкви. По представлению преосвященного Поликарпа, утвержденному высшим

духовным начальством, скитские иноки отец Ювеналий и отец Леонид в ноябре того же года, по посвящении во иеромонахи, отправились из обители к месту своего назначения, поступив в звание членов миссии под начальство назначенного тогда же начальника Иерусалимской духовной миссии архимандрита Кирилла (возведенного по сему случаю в сан епископа). Один из них, отец Леонид, пробыв в миссии около двух лет; согласно его прошению, по болезни, уволен обратно в скит Оптиной пустыни; и, посетив на пути святую Афонскую Гору, благополучно возвратился в свою обитель в августе 1859 года с награждением от Святейшего Синода за службу в миссии набедренником. Иеромонах отец Ювеналий, прослужив три с половиной года членом Иерусалимской духовной миссии, также, согласно его прошению, уволен из оной в текущем 1861 году, награжден от Святейшего Синода за службу в миссии наперсным крестом и назначен игуменом Глинской Богородицкой пустыни (Курской епархии)*.

Примечание. Мы уже видели, что при начальном устройении скита братство его состояло только из пяти** человек: иноки – начальник скита отец Моисей, брат его отец Антоний,

* Вместе со скитскими иеромонахами отцом Ювеналием и отцом Леонидом был приглашен в ту же миссию и послушник Оптиной пустыни А.С. Яновский. Он и поныне находится там же в чине иеромонаха и члена Иерусалимской духовной миссии. – *Примеч. авт.*

** Пишется о четырех братиях, пришедших из лесов, и о «присоединившемся» схимонахе Вассиане, а потом уже монахе Иларионе, поэтому здесь и упоминается, что в начале было пять человек братства.

отец Савватий, послушник Иоанн Дранкин – все четверо прибыли из рославльских лесов; к ним немедленно, по прибытии в Оптину пустынь, присоединился уже знакомый читателю схимонах Вассиан и монах Иларион.

По времени число это умножалось – то братиею, переходившею, по благословению настоятеля, из обители, то приходившими со стороны любителями безмолвия; так что в 1823 году скитское братство уже состояло из полного положенного числа – 12 человек: иеромонахи: Моисей и Гавриил, иеродиакон Антоний, схимонах Вассиан; монахи: Савватий, Мануил, Иоанн, Иларион, Израиль; послушники: Иоанн и Петр.

В последний год жизни приснопамятного старца иеросхимонаха Макария из числа живущих в скиту мантийных монахов (считая в том числе иеромонахов и иеродиаконов) было 11 человек, принятых собственно им при пострижении от Святого Евангелия.

По Высочайше утвержденному в 9-й день февраля 1857 года определению Святейшего Синода, вследствие представления и ходатайства преосвященного Григория, епископа Калужского и Боровского, разрешено к монастырскому штату прибавить 12 мантийных (монашеских) и 12 послушнических вакансий, с тем (как выражено в указе), «чтоб сим добавочным числом пополнялся недостаток братии в существующем при сей пустыни Предтеческом ските, с отнесением содержания их на счет собственных способов этого скита, без всякого пособия от казны». Согласно сему положению, в настоящее время проживают в ските около 30 человек монахов и послушников.

А в 1859 году один из благотворителей скита, Н.И. Полугарский, по духовному завещанию своему оставил достаточную сумму денег с тем, чтобы на оные был куплен в окрестностях обители поземельный участок, доход с которого был бы употребляем, собственно, на поддержание скита. На эти

деньги тогда же куплено в окрестностях обители 245 десятин строевого и дровяного леса, доход с которого, при хозяйственном распоряжении, со временем может обеспечить главные потребности скита.

III. Вид скита и обозрение скитской церкви

«В этой простоте построек, в этом глухом затишье, столь приличном месту молитвы, есть нечто такое, что делает вполне понятным восклицание пророка: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея!*» (Пс. 25, 8).

Из частного письма

Оптинский скит святого Иоанна Предтечи Господня находится на восточной стороне обители, в глубине монастырского леса. От монастыря ведет к нему небольшая усыпанная песком тропинка, извиваясь на расстоянии 170 сажен под природным навесом вечно зеленеющих сосен и елей; она приводит прямо к благолепным скитским святым вратам; еще издали виднеется позлащенный крест устроенной над ними колокольни. Здесь благоговейное внимание посетителя невольно останавливается на святых изображениях, которыми украшены святые врата извне и изнутри. И точно, эти изображения как плод благодетивой мысли блаженного старца иеросхимонаха Макария стоят того, чтоб подолее заняться ими.

Выше карниза, в подкаморах (по три на каждой стороне квадратной колокольни), изображены поясные лики 12 апостолов с золочеными сияниями. На западной (глухой) стене колокольни, обращенной ко входу, – деисус (то есть Спаситель с Божиею Материю и святым Иоанном Предтечею) во весь рост.

Ниже, на фронтоне, в особом месте (киоте) изображена икона Печерской Божией Матери, сидящей на троне с Предвечным Младенцем на коленях, а обе руки Пречистой положены на плечи коленопреклоненных у ног Ее преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских. Подстав киота поддерживают два ангела; в низу иконы золотыми буквами начертана надпись: «Образ Печерския Божия Матери»; ниже киота: «Милосердия двери отверзи нам, Благословенная Богородице!»

Над аркою ворот дугообразно начертана надпись: «Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему». Под карнизом святых врат, по обеим сторонам входной арки, в восьми настенных киотцах, обрамленных столбиками, поясные изображения восточных святых отцов-подвижников – по правую сторону: авва Дорофей, Виссарион, Феодор Студит и Максим Исповедник; по левую сторону входа: Макарий Александрийский, Исихий, Досифей и Харитон Исповедник.

Входная арка разделена посредине створчатыми деревянными воротами; по сию и по ту сторону ворот, внутри арки, поставлены с правой и с левой сторон от входа святые изображения во весь рост, писанные на холсте масляными красками. По сию сторону ворот,

на правой стороне, изображены 11 преподобных отцов Российской Церкви: 1) Савва Звенигородский; 2) Лаврентий Калужский; 3) Тихон Калужский; 4) Никон Радонежский; 5) Варлаам Хутынский; 6) Елеазар Анзерский; 7) Макарий Калязинский; у него на хартии, держимой в руках, эпитафия: «От всякаго пути лукаваго возбраних ногам моим, яко да сохранию слова Твоя»; 8) Пафнутий Боровский – на хартии написано: «Светильник ногам моим – закон Твой, и свет стезям моим»; 9) Сергей Радонежский – на хартии надпись: «Не скорбите, братие, и не унывайте: аз отхожду от вас душою, но духом с вами пребуду; обитель моя во веки не оскудеет»; 10) Кирилл Белоезерский – на хартии написано: «Во веки не забуду оправданий Твоих, яко в них оживил мя еси»; 11) Нил Сорский – на хартии надпись: «И свою немощь подобает исповедати; и Слово Божие не скрывать от желающих послушание».

По левую – 11 преподобных отцов Православной Восточной Церкви: 1) Иоанн Лествичник – у него на хартии надпись: «Деятельную часть добродетели составляют послушание и смирение»; 2) Антоний Великий – на хартии надпись: «Труд же и терпение, и убожество с благодарением, и умерщвление тела живот есть и сладость вечная души»; 3) Савва Освященный – на хартии надпись: «Терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою»; 4) Макарий Египетский – на хартии надпись: «Отрицатися себе не иное что быти думай, как готова себе представить братству на все, воли своей вовсе ни в чем

не повиноватися»; 5) Пахомий Великий – на хартии надпись: «Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе»; 6) Исаак Сирин – на хартии надпись: «Страх Божий начало есть добродетели; глаголется же быти рождение веры»; 7) Евфимий Великий – на хартии надпись: «Исчезает во спасение Твое душа моя, на словеса Твоя уповах»; 8) Варсануфий Великий – на хартии надпись: «Добро есть еже выну глаголати сие: Господи Иисусе Христе, помилуй мя»; 9) преподобный Иоанн (пророк) – на хартии надпись: «Имей смирение, и поможет ти Бог вскоре»; 10) Ефрем Сирин – на хартии надпись: «Боли болезнь болезненне, да мимотечеши суетных болезней болезни»; 11) Арсений Великий – на хартии надпись: «Бегай, молчи, пребывай в безмолвии: ибо это корни безгрешия».

С внутренней стороны арки: на правой стороне – изображение святого Иоанна Предтечи Господня, в пустыни; на левой – святого пророка Илии, сидящего возле пещеры на горе Кармильской. С той же стороны, на фронте второго этажа, колокольня, в особом месте (диаметрально противоположном изображенной на наружной стороне иконе Печерской Божией Матери) (в киоте) изображен образ Знамения Пресвятой Богородицы; подстав киота поддерживают два ангела (как и с наружной стороны); в низу иконы начертана золотыми буквами подпись: «Образ Знамения Божией Матери», а еще ниже: «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим».

Внизу, под аркою ворот, дугообразная начертана надпись: «Коль возлюблена селения Твоя, Господи».

Под карнизом святых врат, по обеим сторонам входной арки в восьми настенных киотцах, обрамленных столбиками, поясные изображения подвижников Православной Российской Церкви, преподобных отцов: с правой стороны – Варлаама Хутынского, Феодосия Тотемского, Димитрия Прилуцкого и Корнилия Комельского; с левой – Кирилла Новоезерского, Зосимы и Савватия Соловецких и Саввы Вишерского.

Если посетите скит летом, то, едва вступите в святые врата, взоры ваши, утомленные однообразным видом леса, будут приятно изумлены новым для них зрелищем: среди плодового сада, украшающего пребывание отрекшихся от красот наземных, возвышается смиренный по наружности Божий храм, куда в установленное время стекаются делатели духовного вертограда на славословие. Но прежде нежели войдем во внутренность храма поклониться его святыне, обозрим расположение скита.

Площадь его вместе с примыкающею с севера пасекою составляет почти правильный четверугольник в 75 сажен длины, а около 105 сажен (с пасекою) ширины (75 кубических саженей собственно скит и 30 – пасека). Площадь ровная, имеет в направлении от юга к северу небольшую покатость.

Средину собственно скитской площади, как мы сказали, занимает деревянная церковь во имя Собора святого Иоанна Предтечи Господня, построенная в 1821 году из леса, срубленного на этом самом месте честными руками основателей скита. Ближе к стенам ограды, со всех четырех сторон построены

братские келлии, состоящие из небольших деревянных флигелей, каждый для троих или четверых братьев, расстоянием один от другого на каменное вержение, по древнему обыкновению святых отцов-пустынников. Всех корпусов (включая и здание братской трапезы) десять*. (Из них два на западной, один на восточной, четыре на северной и три на южной стороне.) Все корпуса деревянные, на каменных фундаментах. Из них корпус, находящийся на восточной стороне (и выстроенный только в 1860 году), с мезонином, в котором помещается скитская библиотека, и четыре на западной покрыты железом (из них три обложены в 1849 году кирпичом), два крыты тесом, а остальные – черепицею.

Кроме сего, в северо-западном углу скита, позади трапезы, устроены: ледники, хлебный амбар, дровяной и конюшенный дворы. При всех жилых корпусах сзади устроены навесы для дров, на каменных столбах, крытые черепицею (за исключением двух, прилежащих к святым вратам, крытых железом). Между церковью и новым корпусом – святой колодезь под куполообразною крышею, на столбах.

За сим все остальное пространство, которое – более трех обыкновенных десятин – обращено в один прекрасный сад: там и сям насажены яблони, груши, чернослив и другие плодовые деревья, перемешанные с ягодными кустарниками; в приличных местах расположены овощные гряды, парники и цветочные

* В это число не включен один ветхий, на восточной стороне скита, предназначенный к сломке. – *Примеч. авт.*

куртины; сад перерезан в разных направлениях (от келлий к церкви и между келлиями) дорожками, всегда усыпанными песком; на восточной стороне скита, в северо-западном углу, пруд, в котором есть небольшое количество саженной рыбы; впрочем, покрытое железистой ржавчиной дно его не благоприятствует разведению хорошей рыбы, и потому главное назначение пруда – служить для поливки садовых растений, овощей, парников и цветов, грядами которых окаймлены все скитские дорожки; по сию сторону пруда (находящегося, как мы сказали, на восточной стороне скита), на небольшом пространстве между двух корпусов разведена рощица, состоящая из сибирских кедров, лиственницы и пихты, из них до 30 деревьев, посаженные назад тому лет 20, достигли уже средней величины; а три кедра, посаженных еще при основании скита (в 1821 году), уже несколько лет приносят плоды. За прудом, вдоль восточной стены, проведена уединенная дорожка, где любящий во время прогулок безмолвствовать и уединяться в самого себя найдет самое удобное к тому место: со внутренней стороны дорожка эта прикрыта частью кедровою рощицею, а частью купою деревьев (дубов, сосен и берез), из которых одни сохранены от посечения, а другие насажены вновь уединявшимся в виднеющейся из-за них келлии схимонахом Вассианом.

Наконец, в юго-восточном углу скита высятся одиноко три вековые сосны, сбереженные при очистке сего места от леса под сад (в 1857 году) от посечения настоятельною просьбою покойного старца отца

Макария, из которых одна, носившая посему его имя, в самое короткое время засохла, пред его кончиною (весною 1860 года), а две другие, растущие на одном корне, еще зеленеют. Такое соединение в небольшом пространстве плодового сада, лесных деревьев и небольшого пруда делает особенно привлекательным для глаз местоположение скита.

На южной стороне его обращает внимание усыпальница почивших о Господе скитян, также обсаженная деревцами и кустарниками (о ней будет сказано подробно в своем месте).

На северной стороне сохраняется как достопримечательность малая ветхая келлия упомянутого выше схимонаха Иоанникия, преставившегося в 1815 году. Основатель скита иеромонах отец Моисей, почитая память старца, сохранил эту келлию, а в 1845 году, чтоб она не разрушилась от чрезвычайной ветхости, опрavit и поддержал ее: под нее подвели вновь каменный фундамент, обили снаружи тесом и покрыли черепицею: в этом виде она служит памятником начального основания уединенного жительства на сем месте. Первоначально она стояла возле скитских святых врат, а в 1833 году перенесена на нынешнее место – к пруду. Вместо первоначального ветхого забора сделана в 1840-х годах вокруг скита новая ограда – дощатый забор на каменном фундаменте между каменными же столбами, с навесом, покрытым черепицею; на трех углах возвышаются каменные башни; в юго-восточной устроена келлия для любителей безмолвия.

Скитская церковь, как мы уже знаем, построенная в 1822 году трудами основателя скита, отца Моисея, с помощью козельских граждан Д.В. Брюзгина и Ф.Т. Третьякова, на каменном фундаменте из соснового леса, срубленного на этом же самом месте. Освящена 5 февраля 1822 года бывшим игуменом Оптиной пустыни Даниилом во имя Собора святого Иоанна Предтечи Господня и названа по воле (покойного) преосвященного Филарета домовою церковью для архиерейского приезда.

С этою-то целью западная часть храма построена по домовому расположению, что в то же время доставляет старцам удобность к более безмолвному стоянию на церковных службах. Эта пристройка при входе имеет крыльцо на столбах под навесом с фронтоном и освещена с двух сторон – северной и южной – восемью окнами – по четыре с каждой стороны: окна высокие и широкие с прямыми перемычками, дубовые рамы с медным прибором, окна со ставнями. Квадрат настоящей церкви имеет с южной и северной сторон по одной входной двери, в которые вход устроен в виде рундука* на столбах под крышею с фронтоном, а прирубленный полукружием (семигранным) алтарь освещен двумя (такими же, как выше) окнами. Крыша как над самою церковью, так и на прочей ее пристройке – железная на четыре ската, над нею возвышается квадратный выступ с карнизом, на коем утверждён

* Рундук – в русском деревянном зодчестве – площадка крыльца, пристроенного к дому; мощное возвышение, а также сень, навес над таким крыльцом.

глухой купол, оканчивающийся конусообразным шпилем: на шпиле золоченая глава, а в нее водружен золоченый же восьмиконечный крест.

Теперь войдем внутрь скитской церкви с западного крыльца: из холодных сеней с устроенными по обеим сторонам кладовыми мы вступим в узкую комнату, это прихожая. В ней останавливает внимание большая картина, изображающая великих пустынных – преподобных Онуфрия и Петра Афонского; налево дверь, ведущая в келлию пономаря; вправо – довольно обширный покой, на восточной стороне которого устроен иконостас, составленный из трех рядов икон: в верхнем ряду ризы окладные, а два нижние без окладов, живописные, большею частию плод усердия к церкви братий, занимающихся иконописанием, а частью жертвованные посторонними лицами из усердия к покойному старцу. На южной стене в большом киоте красного дерева, состоящем из четырех частей, – иконы старого письма: три в окладах – по полям с венцами, а одна в ризе – пожертвованы по завещанию бывшего козельского купца И.М. Кастюрина в 1850 году. Северная стена, отделяющая эту комнату от боковой комнатки, украшена портретами троих российских иерархов, равно чтимых скитянами по воспоминаниям, которые соединены с их именами: 1) митрополит Московский Платон, скончавшийся в 1812 году, попечением которого Оптиная пустынь обязана своим возрождением в начале текущего столетия; 2) рядом с ним портрет одного из преемников его кафедры и пастырских доблестей – высокопреосвященный Филарет,

митрополит Московский и Коломенский, которому скит обязан вечною признательностью за милостивое и просвещенное покровительство его в издании душеполезных святоотеческих книг перевода блаженного старца Паисия (Величковского) (о чем подробно изъяснено в биографии потрудившегося в этом деле старца иеросхимонаха Макария). Портрет старца-митрополита, писанный акварелью, – чрезвычайно похожий – пожертвован в пользу скита иеромонахом одного отцом Леонидом, а им получен в подарок от покойного князя Д.Н. Урусова; наконец, 3) портрет в Бозе почившего высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского и Галицкого, благословением и отеческим участием коего создан сей скит, о чем рассказано было нами в начале книги. На западной стене – также весьма похожий портрет известного столько же своею ученостью, сколько и благочестием преосвященного Никифора (Феотоки), бывшего архиепископа Астраханского* и местночтимого святителя Иоасафа (Горленки), нетленно почивающего в Белгороде.

Из описываемого нами покоя (зала) дверь ведет налево, в так называемую архиерейскую опочивальню: кровать и простой шкаф для книг с комодом внизу составляют все ее убранство. Опочивальня эта оставлена в том самом виде, в котором она служила местом

* Он памятен также своею любовью к святоотеческим писаниям, свидетельством чему служит издание им (просто греческого) перевода духовно-подвижнических Слов преподобного Исаака Сирина. – *Примеч. авт.*

краткого упокоения от дневных трудов незабвенного Калужского архипастыря преосвященного Филарета (блаженного митрополита Киевского); он, после основания скита в 1821 году, почти ежегодно проводил здесь сырную седмицу или первую седмицу Великого поста, для чего приезжал запросто, без всякой свиты, удивляя и утешая всех скитян своею примерною простотою, доступностью и усерднейшим молитвенным подвигом. Настоятель обители, тогда настоятель скита, отец Моисей заменял ему келейника, считая за честь послужить своему архипастырю в его невзыскательных и несложных нуждах. В шкапу хранится круг богослужебных книг, присланных покойным митрополитом в дар оптинскому скиту, некоторые с собственной его надписью, в 1857 году – за два месяца до своей кончины. Итак, это последний видимый знак его отеческого внимания к оптинскому скиту, о котором он, и вдали от него, часто вспоминал, называя в беседах «мой скит».

Пройдя домовую часть церкви, вы входите как бы в поперечный коридор, в коем на левой стороне устроена кладовая комната для ризницы, а правая составляет так называемый молитвенный покоец, где в 1833 году усердием московского купца Алексея Ивановича Лобкова сделан иконостас: здесь прежде стаивал во время службы преосвященный Филарет, часто по целым неделям проживавший в Оптиной обители; теперь же денно и нощно читается здесь Псалтирь в те дни, когда не бывает церковной службы.

Самая церковь невелика, но достаточна для помещения скитского братства; в нее есть три входа: или через архиерейские келлии, с западной стороны, или непосредственно извне – через боковые двери: южные и северные. Обдуманной теплою набожностью и искусно исполненный храм внутреннего расположения церкви придает ей особую священную лепоту, что вообще замечают все ее посетители. Стенная живопись представляет для посетителя образец искусства простых русских (художников) иконописцев: исполнение весьма правильное и приличное положение и скромность, свойственная святым изображениям, с первого взгляда дают заметить, что иконописцы в своем искусстве строго руководствовались изучением Священного Писания и образцов греческой живописи.

На храмовом образе святого Предтечи Иоанн изображен с крыльями, как во исполнение пророчества (Мал. 3, 1), так и в означение его равноангельской жизни и во всегдашнее воспоминание тамошним насельникам о подражании бывшему, подобно им, человеком, а пожившему по-ангельски. В верхнем поясе иконостаса, по частям, изображен лик апостолов, идущих на проповедь евангельскую. Иконостас сей устроен иждивением тульского помещика Павла Николаевича Хрущева; иконы, его составляющие, писаны в Твери на сумму, пожертвованную почетным гражданином Д.В. Брюзгиным. Первоначальный же иконостас скитской церкви был пожертвован преосвященным епископом Филаретом, тот самый, который он устраивал для своей домово́й архиерейской церкви

в Калужском Лаврентьевом монастыре. Настоящий иконостас, кроме золоченой по белому полю резьбы, украшен во всю свою вышину колоннами Коринфского ордена, позолоченными при последнем обновлении церкви в 1860 году, когда также были частью исправлены по прежним очеркам, а частью написаны вновь святые изображения, украшающие плоский потолок и стены лепообразной церкви.

На потолке изображена Святая Троица, окруженная ликом херувимов, серафимов и ангелов, из которых два держат знамение нашего спасения – Животворящий Крест; один изображен с кадильницею, другие – держащими в руках орудия достопоклоняемых Страстей Христовых. Под карнизом, с южной стороны, в пяти красиво обрамленных местах изображены: 1) Воскресение Христово; 2) Осызание Фомы; 3) Явление ангела мироносицам; 4) Исцеление расслабленного при купели Силоамской; 5) Усекновение главы святого Иоанна Предтечи; под ними, возле южных дверей, изображен святой пророк Илия.

С северной стороны, под карнизом (в симметрии с южною): 1) Беседа Спасителя с самарянкою при колодезе; 2) Исцеление брением слепорожденного, 3) Рождество Предтечи Господня; 4) Явление ангела Захарии в алтаре кадильном и 5) Воскрешение Лазаря; под ними, возле северных дверей, изображена святая равноапостольная Мария Магдалина.

На западной стене, над входной дверью, Собор преподобных отцов: Исаия Отшельник, Феодор Студит, Марк Подвижник, Симеон Новый Богослов,

(в середине) Иоанн Лествичник, Сергей Радонежский, Елеазар Анзерский, Пафнутий Боровский и Нил Сорский; возле них – к северной стороне: святые Исаак Сирий и Макарий Египетский; ниже их: Варсануфий Великий, преподобный Иоанн (пророк) и, спереди их, авва Дорофей. По другую сторону двери на той же стене: копия с знаменитой картины Иванова – Явление миру Христа Спасителя – несколько измененная (изменение состоит главным образом в прикрытии приличною одеждою фигур, представленных на картине Иванова обнаженными, – для живописного эффекта). А на южной стене, в том же юго-западном углу, во всю стену изображен так называемый Собор святого Иоанна Предтечи Господня, то есть крещение им во Иордане приходивших к нему.

Все эти обновления скитского храма суть последние плоды постоянной о нем заботливости старца иеросхимонаха Макария, совершенные под его непосредственным наблюдением в 1860 году.

Местные иконы Спасителя и Божией Матери в 1861 году, в декабре месяце, усердием покойного скитского иеромонаха Иннокентия (в схиме Иова) обложены серебряными позлащенными окладами искусной работы известного московского мастера Андреева; в каждой весу по 10½ фунтов, ценою 400 рублей серебром каждая.

На перемену местной храмовой иконы святого Иоанна Предтечи Господня в 1860 году прислана от госпожи В.Н. Соколовой другая – иконного же писания с сребропозлащенным венцом. У храмового

образа, на особом фигурном аналогии, помещено за стеклом скульптурное изображение лежащей на блюде святой главы Иоанна Предтечи Господня, <глава> иссечена вместе с блюдом из одного цельного куска мрамора художником Богдановым. Пожертвовано скиту графом Валерианом Петровичем Толстым в 1849 году.

Над царскими воротами (сделанными вновь в 1860 году, хорошей резьбы) помещена в первом ряду: икона, изображающая усекновенную главу святого Иоанна Предтечи Господня, лежащую на блюде, на дубовой доске, в высоту $8\frac{3}{4}$, ширину $10\frac{1}{2}$ вершков. Копия с подлинника итальянской школы. Венец и оклад на иконе серебропозлащенные. Пожертвована в скит в 1856 году (от управляющего именем княгини Юсуповой) господином И.М. Дудышкиным с тем, чтобы пред этой иконой горела неугасимая лампада, для поддержания которой он жертвовал ежегодно по 25 рублей серебром.

Во втором ряду помещены три иконы:

а) местночтимая чудотворная икона Знамения Божией Матери. Икона эта, как было сказано выше, пожертвована в скит в 1822 году козельским купцом Федором Тимофеевичем Третьяковым. Первая мысль об отдаче в скитский храм этого образа, дорогого для него по семейным воспоминаниям и, между прочим, чудесному избавлению его самого от неизбежного потопления, пришла ему (как он сам засвидетельствовал) на 5-й неделе Великого поста, в субботу акафиста, во время бывшего здесь крестного хода с водоосвящением. Как при самом основании скита, так и доселе

многие приходящие усердствуют служить у сего образа Матери Божией молебны и, по вере своей, получают исцеление. В 1840 году на сей образ сделана вновь риза, с задней доскою в виде ящика, серебропозлащенная; венец убран камушками тщанием бывшего начальника скита игумена Антония и скитского монаха Иоанникия с помощью благотворительницы, санкт-петербургской почетной гражданки Е.Т. Лесниковой и детей ее;

б) в том же ряду, на правой стороне, икона святого Иоанна Предтечи Господня (о которой было говорено выше), древнего письма, в серебропозлащенной ризе; подана одним козельским помещиком при основании скита;

в) на левой стороне – образ Преображения Господня, в серебропозлащенной ризе; подан от Павла Тамбовцева, скитского послушника из белгородских купцов.

Оба клироса закрыты большими окладными иконами: за левым: г) икона Успения Божией Матери, большего размера, в серебряной прекрасной отделки ризе с позлащенными венцами; поусердствована тульскою помещицею Анною Алексеевною Казаковою; за правым: д) икона Крещения Господа нашего Иисуса Христа, одинакового размера с вышеупомянутою, в серебряной же высокой работы ризе, с позлащенными венцами. Поусердствована коллежским советником Алексеем Ивановичем Гуляевым.

Перед последнею из сих икон поперек церкви помещена плащаница, устроенная в 1839 году усердием

иеромонаха московского Данилова монастыря Вассиана²¹ и московского купца Ивана Пименовича Тюляева. Замечательно, что Спаситель изображен не по нагу, но до персей обвитый в плащаницу, что и вид представляет особенный, и являет более сходства со смыслом вышитого при сем (на кайме золотом по пунцовому бархату) тропаря. Гробница украшена резьбою, и подножие сделано легко и красиво. Глава Спасителя обращена на север. Возле, напротив нее, в ряд с клиросом в особенном отделе помещен образ Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, лежащей на блюде; на нем венец и оклад сребропозлащенный; эта икона заслуживает особого внимания по древности и достоинству письма.

Выше устроено место, в которое вставляются попеременно лики святых, икона Воскресения Христова и двенадесятых, и Богородичных, и храмовых праздников. А над сим местом помещено изображение Усекновения главы святого Иоанна Предтечи Господня – резное из слоновой кости архангельской работы; резьба наложена на синем атласе.

На столбе киота, в коем помещается икона Крещения Господня, висит икона святого Иоанна Предтечи Господня, древнего греческого письма. Предтеча изображен с хартиєю в руке, на которой написано по-гречески: «Покайтесь, приближи бо ся Царствие Небесное!» А перст правой руки сложен в именословное благословение. Из надписи видно, что икона эта подана в скит иеромонахом одного отцом Леонидом, а им привезена со святой Афонской Горы,

из греческого монастыря Костаманиты, где стояла в параклисе во имя святого Иоанна Предтечи Господня. Лик Предтечи был в неизвестное время искажен фанатизмом турок – выколоты глаза.

В простенке на южной стороне помещена составная икона: она имеет форму ромба (математической фигуры), площадь коего занята золотою, с просветом, резьбою; между нею, в самой середине, укреплен овальный сребропозлащенный киот с мощами святых угодников Божиих: святого Иоанна Предтечи, святого Василия Великого, Иоанна Златоустого, Григория Богослова и святого апостола Варнавы, Андрея Первозванного и апостола Варфоломея; против святых мощей сделаны прорезы. Эта драгоценность пожертвована в скит отставным штабс-ротмистром С.К. Нарышкиным, проживавшим временно в сей обители в 1854 году. Киот был первоначально вставлен в драгоценном кресте, принадлежавшем семье Нарышкиных, обладавших, как известно, в XVII столетии многими святынями, по родству с царским семейством чрез Наталью Кирилловну, супругу благочестивого царя Алексея Михайловича. По сторонам киота размещены крестообразно финифтевые изображения тех святых, мощи которых хранятся в киоте. Все это помещено на доске, обтянутой малиновым бархатом, и заключено за стеклом в золоченой раме.

Над сею святынею – образ Феодоровской Божией Матери в серебряной позлащенной ризе. Сия икона обретаена в пепле сгоревшего дома мологского купца Мальцева: задняя часть доски немного повредилась

от огня, передняя же сторона и все краски сохранились совершенно.

На северной стене, против этих икон, помещаются: внизу икона, формою совершенно сходная с выше-описанною составною иконою, с тою только разницей, что в середине ее вделан четвероконечный сребропозлащенный черневой работы крест со святыми мощами, означенными в надписи, сделанной на обороте, а именно: часть мощей избивенных младенцев, Арсения Новгородского, Моисея, чудотворца Печерского, преподобного Илии Муромского, Иоанна Многострадального, преподобного Ипатия, преподобного Нестора. Пожертвован в скитскую церковь от полковницы Анастасии Степановны Кульневой в 1845 году. А над этой святыней образ святителя Митрофана, епископа Воронежского, в сребропозлащенном окладе; пожертвован в 1845 году от мценской купеческой дочери Александры Барыковой.

В размещении же икон вообще заметна не простая случайность, а благоговейная мысль человека, привыкшего направлять мысли других к назиданию и пользе душевной.

В середине церкви повешена спускная бронзовая люстра с хрустальным прибором, освещающая храм в большие праздничные дни, по палестинскому обычаю, то есть не свечами, а лампадами с елеем, утвержденными на ней в два ряда. Эта люстра, так же как и спускное хрустальное паникадило пред царскими воротами, поусердствованы в скитскую церковь Санкт-петербургским купцом И.А. Андреевым.

Перед местными иконами кроме лампадок висят паникадила с поставными свечами, а пред другими – медные, посеребренные подсвечники с поставными же свечами – в бисерных чехлах; пред некоторыми иконами серебропозлащенные лампадки.

После осмотра настоящей церкви войдем в ее алтарь. Полукруглый алтарь, семигранной формы, освещен двумя окнами с северной и южной сторон, а бывшее на горнем месте заложено; здесь помещается величественно икона Тихвинской Божией Матери, русского иконного письма, на доске мерою: длина – 1 аршин 3 вершка, ширина – 15 вершков; сей образ дан в скит приснопамятным скитским же старцем иеросхимонахом Леонидом (в схиме Лев) января 30-го дня 1831 года. А серебропозлащенная риза, в киоте красного дерева, сделана по усердию бывшего скитского монаха Александра (Мальцева) в поминовение родителей своих в 1836 году. Перед иконою повешена серебропозлащенная лампада – неугасимая. За стеклом киота на нижнем отливе рамы помещен серебряный, внутри позлащенный, ковчежец; в нем, как видно из внутренней надписи, хранятся части мощей новоявленных преподобномучеников Афонских: святых Игнатия, Евфимия и Акакия, принесенные в дар скитской церкви со святой Афонской Горы, из Иверского Предтеченского скита, скитским иеромонахом отцом Леонидом в 1859 году; серебряный ковчежец для хранения мощей сделан усердием санкт-петербургского купца И.А. Андреева. Над запрестольным образом вверху – живописное изображение

Господа Саваофа, а по сторонам помещены так называемые штилистовые* иконы – по три на стороне, из коих пять окладные, а в шестой в середину вставлен сребропозлащенный четверугольный киот с частями святых мощей: 1) святого евангелиста Матфея; 2) апостола Андрея Первозванного; 3) святой великомученицы Варвары; 4) преподобного Сергия Радонежского, чудотворца; 5) святого мученика Прокопия; 6) часть камня от Гроба Господня; 7) часть камня от места, обогрванного кровию архидиакона Стефана, а по сторонам киота – изображения тех святых, часть мощей которых хранятся в оном. В привесе у сей иконы четвероконечный сребропозлащенный крест с округленными концами; позади надпись: «М<ощи> Никиты епискупа, м<ощи> Моисея архиепискупа, м<ощи> Ефрема Новоторжского, чудотворца, м<ощи> Иоанна архиепискупа, м<ощи> Иакова Боровицкого, чудотворца». Пожертвован в скитскую церковь от торопецких помещиков господ Болотниковых. На иконе Спасителя в привесе крест четвероконечный, сребропозлащенный с округленными концами; на обороте его вырезана следующая надпись, показывающая, каких святых части мощей хранятся в оном: «п<реподобного> Дамиана врача, п<реподобного> Феофана Постника, п<реподобного> Еразма, п<реподобного> Сергия Посетителя святых мест, п<реподобного> Иереи Прозорливого, п<реподобного> Евфросина

* Штилистовая (шестилистовая) икона имеет площадь, на которой помещается 6 листов сусального золота (применявшегося для покрытия фона).

Затворника, Захария Постника, п<реподобного> Луки Економа, п<реподобного> Мартирия диакона, п<реподобного> князя Николая Святоши, п<реподобного> Феофила Чудотворца, п<реподобного> Меладия (Мелетия), п<реподобного> Моисея Утрина, п<реподобного> Григория Блаженного, п<реподобного> Тита Воина, п<реподобного> Нестора Послушника, п<реподобного> Афанасия Затворника, п<реподобного> Никиты Затворника, п<реподобного> Исаакия Затворника, священномученика Тита, п<реподобного> Евстафия, мученика Василия, мученицы Варвары, п<реподобного> Илии Муромца, князя Феодора Островского. Положены в крест мощи святых лета 7200 (1692) году октября 16 числа. Моление, гвардии Семеновского полка капитан Дмитрий Васильев Мишаков». С ним же, как видно из надписи на обороте, помещена «часть Животворящего Древа».

Над царскими дверьми, в алтаре же, помещено несколько икон, между которыми одна состоит из доски, в которую врезан сребропозлащенный четвероконечный крест; в нем (как видно из надписи на обороте) хранятся частицы: а) Древа Креста Господня, камень Гроба Господня, камень гроба Пресвятой Богородицы, камень от места Неопалимой Купины; б) мощей святых: Иоанна Предтечи; евангелистов: Матфея, Марка и Луки; апостолов: Андрея Первозванного, Варфоломея; архидиакона Стефана, Филиппа; святителей: Николая Чудотворца, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого; Московских: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа; священномучеников:

Киприана, Вавилы, Лукиана, Анфима, Елевферия, Спиридона, Антипия и Власия; чудотворцев: Климента Анкирского, Тихона Чудотворца-святителя, Иоанна Милостивого; преподобных отцов: Ефрема Сирина, Пимена Великого, Пафнутия Боровского, Сергия Чудотворца, Василия Амасийского; великомучеников: Меркурия, Георгия Победоносца, Евстафия Плакиды, Димитрия Солунского, Иоанна Воина, Феодора Тирона, Иакова Перского и Феодора Стратилата; мучеников: Никиты, Космы, Дамиана (бессребреников), Кира, Иоанна, Флора и Лавра; святой Анны, матери Пресвятой Богородицы; первомученицы Феклы; великомучениц: Екатерины, Варвары, Параскевы Пятницы, Христины, Феодосии, Ирины, девицы Марины, Татианы, Анастасии; Алексия, Божия человека; царя Константина; князей: Владимира Киевского, Александра Невского; Георгия, Платона, Петра, Хионии и Февронии Муромских.

Крест мерою: длина – $3\frac{1}{4}$ вершка, в поперечнике – $2\frac{1}{2}$ вершка; ниже креста в той же доске утверждён малый овальный серебряный ковчежец, в серебряной же – сканной работы – оправе; в середине открытого ковчежца утверждена на шелковой материи драгоценная святыня – небольшая частица мощей святой равноапостольной Марии Магдалины; над нею и под нею, на бумажных полосках, надпись латинскими буквами: «Ex ossibus Mar. Magd. Pan.» – крест этот найден в Москве, после большого Московского пожара 1812 года, в доме госпожи Кекловской (купленным господином Половцовым), а частица мощей

святой Марии Магдалины перешла в семейство господ Половцовых от вдовы русского адмирала Гетцена, которому была поднесена в 1819 году в Далмации жителями местечка Браццо в знак признательности. Обе эти святыни пожертвованы в скитскую церковь отставным подпоручиком артиллерии Иваном Андреевичем Половцовым* в 1849 году при поступлении его в сей скит.

Алтарь, так же как и церковь, вновь расписан в 1860 году, усердием старца иеросхимонаха Макария: на потолке, над престолом – изображение Святой Троицы; на стенах: 1) Моление о Чаше (при жертвеннике); 2) Распятие Христово; 3) Снятие со Креста; 4) Положение во Гроб.

Над южным окном икона святого Иоанна Предтечи Господня, древнего письма, в серебропозлащенном окладе. Поусердствована курскою купеческою дочерью Анною Шматовою в 1845 году.

Над северным окном икона Ахтырской Божией Матери, также в серебропозлащенной ризе. Поусердствована от мценского купца О.М. Соплякова в 1845 году.

На престоле старинная дароносица в виде церкви, серебряная, сохраняется от пыли под стеклянным овальным колпаком. С правой стороны ее водруженный в особую подставку и также под стеклянным колпаком на престольный осьмиконечный серебропозлащенный крест; поверхность его гладкая, на ней

* Ныне иеромонах Ювеналий, бывший член Иерусалимской духовной миссии. – *Примеч. авт.*

укреплено серебряное литое распятие; весь крест, по верхней доске и краям, убран разноцветными камушками в серебряных гнездах; мерою крест: длина – 5, а ширина – 3 вершка; внутри его, как видно из надписи, вырезанной на обороте, хранятся: вверху – часть Древа Креста Господня, внизу – часть мантии преподобного Сергия, в середине – часть мощей Анастасии Узорешительницы; в боковых концах перекрестия – часть мощей преподобного Сергия Радонежского и часть мощей святителя Митрофана Воронежского. Этот крест пожертвован в скитскую церковь наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры отцом архимандритом Антонием в 1849 году. По левой стороне дароносицы, в симметрию с крестом, поставлено малое четвертное окладное Евангелие с искусными финифтовыми изображениями. Кроме означенного креста на престоле лежат еще три напрестольные креста, и в том же числе один перламутровый, весьма искусной работы, принесенный в дар скитской церкви из Иерусалима иеромонахом Леонидом в 1859 году.

Примечание. Пред иконами Тихвинской и Знаменской Божией Матери и храмовым образом святого Иоанна Предтечи Господня от усердия покойного старца иеросхимонаха Макария горит с 1840 года неугасимая лампада; также и пред образом Усекновения главы святого Иоанна Предтечи Господня усердием пожертвовавших сей образ господ Дудышкиных.

Скитская ризница. Скитская церковь вначале была снабжена церковною утварью и книгами в достаточном количестве московскими гражданами:

Н.А. Самгиным, Г.Ф. Марковым и К.И. Путиловым (братом отца архимандрита Моисея). В ризницу скитскую как облачения для служителей Божиих, так и на престольные и жертвенные одежды в течение всего времени поступали от разных благотворителей; из них особенно замечательны подаяния козельских граждан: Д.В. Брюзгина и супруги его Марфы Семеновны, А.П. Карлина, мологского купца А.П. Мальцова и московских – Н.А. Самгина и Г.Ф. Маркова. Покойный старец иеросхимонах Макарий во все свое пребывание в скиту усердно заботился об украшении скитской церкви и поддержании ее ризницы. Искусство хранения священных облачений передано старцем (который сам несколько лет проходил послушание ризничего в Богородицкой Площанской пустыни) и вполне усвоено усердием одного из присных учеников его, иеродиаконом отцом Флавианом²².

Из утвари заслуживают особенного замечания:

1) Евангелие на престольное полулистовое московской печати 1634 года; обложено зеленым бархатом; с лицевой стороны – средник – Распятие Христово с предстоящими; в наугольниках – евангелисты серебropозлащенные, черневой работы; застежки серебropозлащенные же чеканной работы. Надпись по листам внизу: 146 (1636) года июля в 25 день, Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея России пожаловал сию книгу – Евангелие на престольное на Чугуево Городище. Сие Евангелие пожертвовано в скитскую церковь старцем иеромонахом Макарием (Ивановым) в 1852 году;

2) Евангелие напрестольное московской печати 1850 года, печатано на веленовой* бумаге с цветными бордюрами, обложено тонким зеленым бархатом. Средник – Воскресение Христово, и наугольники – евангелисты сребропозлащенные. Пожертвовано в скитскую церковь бывшим послушником оного скита, отставным полковником артиллерии Н.И. Голохвастовым в 1857 году;

3) сосуды служебные позолоченные, черновой работы, весом 4 фунта 36 золотников. Пожертвованы в скитскую церковь от иеромонаха Московского Данилова монастыря, а впоследствии сего скита – Вассиана, в 1851 году.

Из напрестольных одежд с благоговением укажут вам сделанную из темно-фиолетового бархата, пожертвованного в 1842 году высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Киевским и Галицким, во время последнего посещения им скита; одежда эта может служить образцом нашего швейного искусства, процветающего в девичьих монастырях: она вышита золотом и серебром в виде колосьев и виноградных кистей с бордюрами.

Из пелен к напрестольному образу Тихвинской Божией Матери лучшая, шитая по малиновому бархату золотом и серебром, есть дар графини А.А. Орловой-Чесменской. Она же в 1846 году, на праздник Светлого Христова Воскресения, прислала в скитскую

* Веленовая бумага (от франц. *vélin* – пергамент) – высокосортная плотная бумага.

церковь на престольный крест, украшенный золотом и камнями.

Из риз лучшие: 1) белого фрезета, по оплечью шитая золотом и серебром виноградными лозами с гроздьями. Пожертвована от курского почетного гражданина Н.В. Антимонova в 1859 году; 2) коричневая, по серебряной земле золотные цветы; оплечье малинового бархата, по коему вышит златом и серебром образ Воскресения Христова. Она риза сделана в скитскую церковь из погребального покрыва козельской помещицы Е.И. Былим-Колосовской в 1847 году, а оплечье к оным ризам поусердствовал бывший скитоначальник, а потом настоятель Малоярославецкого монастыря, отец игумен Антоний в 1851 году; 3) риза темно-зеленого бархата, оплечье глазета золотного; оплечье и подольник обложены широким золотным газом и, кроме того, золотными кружевами. Поступила в скитскую церковь от действительной тайной советницы и кавалерственной дамы ордена Святой Екатерины II степени Марьи Яковлевны Нарышкиной, урожденной княжны Лобановой-Ростовской, в 1853 году.

Из воздухов лучшие: 1) малинового бархата; на нем крест, коймы и херувимы шиты золотом и серебром; поусердствован московским купцом И.М. Михайловым в 1846 году; 2) пунцового бархата: крест и коймы шиты золотом и серебром; поусердствован от курской купчихи Ф.И. Гнучевой в 1837 году.

Окончив обозрение церкви, зайдем в скитскую библиотеку, помещающуюся в мезонине нового корпуса, стоящем на восточной стороне скита, за церковью,

в роскошной зелени развесистых дубов и елей. Комната, занятая библиотекою, убрана портретами известных старцев, украшавшими некогда келлию почившего в Бозе скитского старца иеросхимонаха отца Макария.

На основание скитской библиотеки поступила келейная библиотека старца, согласно его желанию; она заключает в себе до 1000 номеров рукописей и книг разных названий, разделенных на 8 отделений:

I. Рукописей	133
II. Книг Священных Писаний и толкований на оные	37
III. Книг богослужебных	96
IV. Писаний святых отцов	94
V. Духовно-нравственных	347
VI. Исторических	219
VII. Духовных журналов (каждый год имеет свой номер)	85
VIII. Книг разного содержания (медицинских, хозяйственных, учебных и т. п.), не вошедших в число первых 7 отделов по своему содержанию	55
<i>Итого</i>	1066

А поскольку несколько экземпляров книг одного наименования обозначены одним номером, например, в VII отделении каждое из изданий обители имеется в 12 экземплярах, то число томов библиотеки доходит, таким образом, до 1500.

IV. Замечательные рукописи и книги

В I ОТДЕЛЕНИИ (РУКОПИСИ)

Из отделения рукописей заслуживают внимания по своей древности:

1. 80 постнических Слов святого Исаака Сирина, в $\frac{1}{4}$ долю листа, болгарского перевода, писана полууставом. На обороте последнего листа надпись: «Сия книга медоточная, иже во святых отца нашего Исаака; написана в святей Горе Афонстей, в святей и велицей лавре преподобного и богоносного отца нашего Афанасия, желанием и трудом и ексодом* грешного Гавриила, в лето 6897», то есть в 1389 году.

Известно, что древнейшие из написанных на бумаге списков греческого перевода (с сирского) книги святого Исаака Сирина сделаны Авраамием и Патрикием, «философами и молчальниками» обители святого Саввы Освященного; каков, например, хранящийся в Московской Патриаршей библиотеке, относящийся (как видно из описания на с. 81) к XIV столетию, а именно к 1355 году (№ 308). Из нашей рукописи видно, что славянский перевод сих Слов сделан первоначально на Афоне (и именно в одном столетии с греческим, по замечанию изыскателя афонских древностей архимандрита Порфирия), для болгар,

* Эксод (ἐξόδος – греч.) – выход, исход, конец. Фразу «желанием и трудом и ексодом грешного Гавриила», возможно, следует понимать так: «желанием и трудом и окончанием (выходом) <перевода> грешного Гавриила».

в лавре святого Афанасия неким старцем Иоанном. Рукопись эта привезена из Палестины скитским иеромонахом отцом Леонидом в 1859 году, в дар старцу иеросхимонаху Макарию, а по кончине его сделалась собственностью скитской библиотеки.

При этой рукописи имеется современное ее написанию изображение святого Исаака Сирина, в схимнической одежде, в особого вида головной повязке (вроде тех, какие и ныне носят в Сирии православные арабские священники); правая рука поднята вверх, персты сложены в именословное благословение, а в левой, опущенной вниз, руке держит хартию с выражением, коим начинается первое из его Слов: «Страх Божий начало есть добродетели, глаголется же быти рождение веры».

Здесь не излишне будет заметить, что изображение сего святого во весь рост, в монашеском одеянии, находится в числе фресок знаменитого Панселина, украшающих Карейский собор на Афоне, а именно на южной стене у правого клироса.

2. Рукописный сборник XVI века, писанный полууставом в лист, состоящий из: а) скитского Патерика; б) известного Хождения (по Святой Земле) мниха Даниила; список полный и – по сличению в Археографической комиссии – оказавшийся сходным с лучшим из древних списков, заключающимся в Макарьевских Четь-Минях, и в) Прения архиепископа Григория Омиритского с жидовином о вере.

3. Книга Дионисия Ареопагита в лист, писана полууставом XVII века. По всей вероятности, перевода

монаха Евфимия, сотрудника Епифания Славенецкого, совершенного им в 1675 году.

4. Сборник: 124 Слова Феодора Студита, коим предшествует описание жития и подвигов его. Писан скорописью, XVII столетия, «иждивением иеродиакона Дамаскина, рукою книгописца Флора Герасимова, в Чудове монастыре в 1697 году».

Затем следует собрание рукописей святоотеческих писаний, большею частью перевода блаженного старца Паисия (Величковского), архимандрита Молдово-Влахийского монастыря. Писаны руками учеников сего старца, иноками Молдавского Нямецкого монастыря, и их учениками – иноками русских пустынных обителей:

5. Книга преподобного Иоанна Лествичника с надписью по листам: «Сия книга принадлежит Площанской пустыни иеромонаху Макарию, получена на благословение от старца схимонаха Афанасия 1825 года октября 6 дня». Писана полууставом в $\frac{1}{4}$ долю листа, в корешковом переплете.

6. Сборник святоотеческих писаний, а именно: а) преподобного Нила Сорского; б) преподобного Григория Синаита; в) преподобного Исихия Иерусалимского; г) преподобного Феодора Едесского. Писан полууставом в $\frac{1}{4}$ долю листа. Надпись на заглавном листе: «написа (сию книгу) монах Ираклий, ученик аввы Иоасафа, в лето 1757 году и даровася мною, монахом Ираклием, игумену (Площанской Богородицкой пустыни) Серапиону обители сей, сам был (в ней) 1786 года декабря 8 дня».

В числе этих рукописей есть несколько писанных рукою настоятеля Оптиной пустыни отца архимандрита Моисея и его брата по плоти и духу отца игумена Антония, писанные ими во время их пустынного жительства в рославльских лесах в начале текущего столетия, и рукою покойного старца иеросхимонаха Макария.

Известно, что большая часть переводов старца Паисия издана в свете тщанием скитских братий, под непосредственным руководством самого старца иеросхимонаха Макария. Мы ограничимся здесь лишь простым перечислением этих изданий (о коих подробное описание сделано в биографии покойного старца, Москва, 1861 года):

1) Житие и писание старца Паисия (Величковского) «О ошаянии брашен, возбраненных монахом»: а) Предисловие; б) Исследование старца Поляно-Мерульской обители Василия. Жизнь отца архимандрита Арзамасского Александра и его духовная переписка. Письма старца Паисия к Марье Петровне Протасьевой, бывшей игумении Арзамасской Алексеевской общины, 1847 года. Два издания;

2) Четыре Слова огласительных к монахине, составленных и говоренных 1766 года иеромонахом Никифором Феотокием, бывшим впоследствии архиепископом Астраханским, переведенных с греческого старца же Паисия, 1848 года;

3) Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском, 1849 года;

4) Восторгнутые класы в пищу души, то есть несколько переводов из святых отцов, старца Паисия (Величковского), 1852 года;

5) Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников; перевод с греческого. Издание на славянском наречии русскими буквами, 1852 года;

6) Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена и пресвитера, бывшего от ограды святого Маманта, «слова зело полезная», 1852 года;

7) Оглашения преподобного Феодора Студита, 1853 года;

8) Преподобного Максима Исповедника толкование на молитву «Отче наш» и его «слово постническое» по вопросу и ответу, 1853 года;

9) Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневии, Слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием (Величковским). Напечатаны на славянском наречии гражданскими буквами, 1854 года;

10) Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в русском переводе, 1855 года;

11) Преподобного отца нашего аввы Фессалия главы о любви, воздержании и духовной жизни; перевод с греческого Паисия (Величковского). На славянском и русском наречии, 1855 года;

12) Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением его вопросов и на оные ответов, данных его

старцами – святыми отцами Варсануфием Великим и Иоанном, в русском переводе, 1856 года;

13) Житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова. На славянском наречии, 1856 года;

14) Преподобного и Богоносного отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижнические Слова, в русском переводе, 1859 года;

15) Преподобного отца нашего аввы Орсия Тавеннисийского учение об устройении монашеского жительства, в русском переводе, 1859 года;

16) Слова преподобного отца нашего аввы Исаии, отшельника Египетского, духовно-нравственные Слова, в русском переводе, 1860 года.

Все эти издания печатаны были в Москве.

Но некоторые из переводов блаженного старца Паисия остаются еще неизданными. Скитской библиотеке принадлежит честь благоговейного хранения полного собрания трудов сего приснопамятного трудолюбца.

Из печатных книг замечательны старопечатные (считая пределом 1725 год) и редкие.

Во II отделении (книги Священного Писания)

1. Новый Завет, в ½ долю листа, московской печати, 1702 года.

2. Библия, в лист, московской печати, 1757 года.

3. Рассуждение о книге Соломоновой «Песнь Песней», московской печати, 1784 года, сочинения Феофана (Прокоповича), направленное, как известно, против В.И. Татищева. Издание второе.

В III ОТДЕЛЕНИИ (БОГОСЛУЖЕБНЫЕ)

1. Трефологион, сиречь словопитание, киевской печати, 1734 года, в лист большего формата. В этой книге замечательна литография, изображающая взятие на небеса Божией Матери, – резал на дереве Аверкий Козачковский, 1734 года.

2. Полуустав, изданный повелением и благословением ясне-преосвященного, в Бозе его милости господина отца кир Петра Могилы милостию Божию архиепископ митрополит Киевской Галицкой в Киево-Печерской типографии, первое издана року 1643.

На обороте выходного листа герб панов Брововских и далее следует посвящение от митрополита Петра Могилы сей книге: «Его милости пану Максимилиану Брововскому – Подстолему* Воеводства Киевского».

В IV ОТДЕЛЕНИИ (ПИСАНИЯ СВЯТЫХ ОЦОВ)

Кроме вышеозначенных изданий сей пустыни замечательны:

1. Лествица с толкованием, в лист, славянской печати. На выходном листе значится: «Сия святая и богодухновенная книга, глаголемая Лествица, типом издана в Варшаве в типографии е<го> к<оролевского> в<еличества> короля Польского, великого князя Литовского и в лето от создания мира 7293. С переводу, печатана в Москве в лето 7155».

* Подстолий – некогда придворная должность, связанная с выполнением определенных обязанностей за королевским столом, позже – почетное звание.

2. Слова святого Исаака Сирина, в лист, на славянском наречии, напечатано в Молдавском Нямецком монастыре в 1812 году.

3. Книга святого аввы Дорофея, в $\frac{1}{4}$ долю листа малого формата, славянской печати в 7275 (1767) «в граде Вильне в обители Святыя Живоначальныя Троицы чина святого Василия Великого». По листам надпись: «сия богодухновенная книга города Семенова жителя крестьянина Гаврила Иванова сына Иванова, цена дана рубль пятьдесят копеек. 1793 года июня, в 23 день».

В V ОТДЕЛЕНИИ (ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ)

1. Зерцало Богословия, в $\frac{1}{4}$ долю листа, иеромонаха Кирилла Транквиллиона, «напечатано в типографии архимандрита кир Варлаама Шептицкого, типом изображена в сей же типографии святой православной обители Упевской, року 1697, сентября 1-го». Надпись на заглавном листе в 7202 (1694) году: «Мая в 15 день сию книгу купил столник и полковник Иван Клементьев Ушаков, будучи в Киеве».

2. То же сочинение в $\frac{1}{4}$ долю листа, печатано в типографии Почаевской лавры, вторым изданием, в 1790 году, с первого издания, напечатано там же, в 1618 году.

3. Камень веры, Стефана Яворского. Москва. Издание 1749 года.

4. Книга Никона Черной горы, в лист, славянской печати, написана, как значится в выходном листе, «в святей обители Густине в монастыре общежительном Прилуцком Святыя Живоначальныя Троицы, при отцу Авксентию игумену Густынском, в лето 7178,

а от Рождества Христова 1670, месяца июня 14 дня. А напечатана в Почаевском монастыре в лето от создания мира 7303 (1795)».

5. Известие решительное о бедственных и недоуменных случаях и како иерею и диакону и прочим в том исправлятися. С первого издания, 1705 года, напечатана вторым изданием в 1739 году в типографии Киево-Печерской лавры в $\frac{1}{4}$ долю листа.

6. «Царский путь Креста Господня» – сочинение Иоанна (Максимовича), архиепископа Черниговского, напечатана в типографии Черниговского Троицко-Ильинского монастыря в 1709 году, с рисунками.

7. «Феатрон, или Позор всенародным царем, князям, владыкам, всем чином угодный», без выходного листа.

8. «Диоптра, или Зерцало мирозрительное» московской типографии корректором Г.С. Ивановым-Тредьяковским. Московской печати 1781 года, в $\frac{1}{4}$ долю листа, в кожаном переплете.

К этому же разряду отнесем довольно полное собрание полемических и исторических сочинений против раскольников, писанных в прошлом и нынешнем столетиях, между коими есть и уважаемые ими самими старопечатные (то есть печатанные до патриарха Никона) книги:

9. Апостол 7161 (1653) года, московского издания.

10. Кормчая 1650 года, московского издания.

11. Катехизис большой; с московского издания 1627 года, печатан в Гродненской типографии в 1783 году.

12. Катехизис малый, в $\frac{1}{4}$ долю листа, с московского издания 7153 (1645) года, печатано в Почаевской типографии в 7290 (1782) году.

13. Потребник. 7147 (1639) года. Московского издания.

14. Книга о вере, с московского издания 7156 (1648) года, печатана в Гродне 1785 года.

15. Книга Кириллова. С московского издания 7152 (1644) года, печатана в Гродне в 7299 (1791) году.

Все эти книги как необходимые для состязания с раскольниками при обращении их к истинной вере служат украшением всякой монастырской библиотеки.

Поводом к собранию этих книг послужило то обстоятельство, что в скиту Оптиной пустыни, со времени приснопамятного старца Иоанна († 1849), заслужившего известность своими обличительными против раскольников сочинениями, не прекращаются занятия по этому предмету. Примеру отца Иоанна последовал келейный и ближайший ученик старца иеросхимонаха Макария иеромонах Иларион²³, из саратовских граждан, принимавший до поступления в монастырь деятельное участие в обращении раскольников при незабвенном по своей ревности в деле раскола архипастыре преосвященном Иакове. По поручению настоятеля отец игумен постоянно занимался увещанием присылаемых епархиальным начальством в обитель раскольников и, при помощи Божией, одною силою убеждений и доказательств, основанных на уважаемых ими же упомянутых выше книгах (без чего тщетны останутся

все убеждения), успел обратиться к Православной Церкви не одного из закоснелых приверженцев мнимой старины.

В ОТДЕЛЕНИИ VI (ИСТОРИЧЕСКОМ)

1) Лимонарь, в $\frac{1}{4}$ долю листа, напечатан «во дворе Иова Борецкого, митрополита в граде Киеве, Спиридоном Сободем типографом, в року от Рождества Христова 1628 года».

С этой книгой вместе переплетен акафист; тоже, судя по печати, изданный в XVII столетии, в одной из типографий западного края, без выходного листа.

2) Алфавитный патерик, напечатанный (как значится в выходном листе) в Супрасльской типографии в 7299 (1791) году, в $\frac{1}{4}$ долю листа, в кожаном переплете.

В этом отделении есть – особенно заслуживающие внимание – собрание жизнеописаний замечательных русских подвижников, описания путешествий к святым местам и описание многих известных монастырей.

В VII ОТДЕЛЕНИИ собраны почти все известные духовные журналы прошлого и настоящего времени.

В VIII ОТДЕЛЕНИИ: словари греческие и латинские, собрание месяцесловов, между коими замечателен любопытный месяцеслов 1776 года, изданный Рубаном, и несколько учебных руководств по разным предметам.

К северной стороне скита примыкает старинная монастырская пасека (пчельник); она обнесена вокруг

дощатым забором и соединяется со скитом небольшими калитками. На пасеке, так же как и в скиту, разведен плодовый сад и вырыт пруд, а между деревьями расставлены ульи с пчелами. Пчел до 100 колодок. Пчеловодство ведется по системе Прокоповича.

В середине пространства, занимаемого пасекою и садом, стоит четверокелейный деревянный корпус, в котором во все пребывание свое в скиту жил славный старец иеросхимонах Леонид (Лев) и там принимал приходящий к нему пользы ради и советов духовных народ. Этот корпус, по месту своему, был самый удобный к тому, чтоб приемом мирского народа не нарушить покоя и безмолвного жительства насельников скитских. Впоследствии в том же корпусе жил, до самой кончины, любитель безмолвия, бывший валаамский игумен Варлаам²⁴ († 1849). Памятником его подвижнической здесь жизни служит небольшая деревянная келейка, сколоченная им самим из досок в самой отдаленной части пасеки, над прудом у забора, под сенью развесистой ели. В эту безмолвницу (отделенную от дремучего леса только дощатою стеною) притруженный старец уединялся на молитву, проводя в ней бессонные ночи как понудитель своего естества Царствия ради Божия, которое, по слову Спасителя, *нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Кроме четверокелейного корпуса, в котором живут ходящие за пчелами братия, на северной стороне пасеки под одною кровлею помещаются: сарай для дров и пустых ульев, а по сторонам его омшаник для уборки

на зиму пчел и светелка, где помещаются разные принадлежности пасечного хозяйства. Меду в год получается от 25 до 50 пудов, воску – 3–4 пуда.

У. Скитское кладбище

Блажени мертвии, умирающих о Господе... Ей, глаголет Дух, да починут от трудов своих.

Откр. 14, 13

Из библиотеки пройдемте на скитское кладбище. Оно расположено на южной стороне, между двух корпусов, и обсажено плодовыми деревьями и кустарником. На восточной стороне его, на чугунном пьедестале, стоит массивный чугунный крест, к которому пригвождено литое изображение Господа нашего Иисуса Христа: пред ним теплится неугасимая лампада, возжженная усердием покойного старца – скитоначальника иеросхимонаха Макария.

На пьедестале креста с передней стороны написаны имена погребенных на кладбище братьев; на задней стороне надпись: «Скит сей устроен при Оптиной пустыни в 1821 году, по благословению бывшего в то время преосвященного Филарета Калужского и Боровского. А крест сей сооружен на скитском кладбище в 1854 году».

В настоящее время число усопших о Господе с основания скита (с 1821 года) уже сравнялось с числом

живущих в нем и состоит из 32 человек. Остановимся у могилы каждого и прочтем надписи, начертанные на плитах и дощечках, покрывающих место почивших о Господе:

1. Первый получивший упокоение на сей ниве Божией был: монах Нифонт, скончался 1826 года мая 14 дня, 47 лет, родом из карачевских мещан.

2. Послушник Михаил, скончался 1826 года июня 18 дня, 26 лет, родом из орловских мещан.

3. Монах Иосиф, скончался 1827 года апреля 30 дня, 25 лет, родом из калужских мещан.

4. Монах Досифей, скончался 1828 года декабря 22 дня, более 75 лет, родом из однодворцев города Карачева.

5. Монах Сергей, скончался 1830 года сентября 1 дня, 65 лет, из духовного звания.

6. Монах Стефан, скончался 1831 года июля 14 дня, 67 лет, из экономических крестьян.

7. Под сею дскою погребено тело раба Божия монаха Макария, бывшего московского 2 гильдии купца Марка Евдокимова Дехтерева; скончался 1832 года июня 8 дня в 6 часов пополудни; жития его было от роду 78 лет.

8. Монах Савватий, скончался 1833 года декабря 24 дня, 52 лет, из дворовых людей.

9. Послушник Георгий, скончался 1833 года декабря 24, 24 лет, родом из московских мещан.

10. Под сею дскою погребено тело рясофорного монаха Павла Петровича Тамбовцева, скончавшагося 1835 года, августа 4 дня, на 26 году от рождения

с напутствованием всех таинств Церкви. В скит сей поступил в 1829 году; неся тяжкий крест, возложенный Промыслом, чрез несчастную кончину родителя своего, белгородскаго 2 гильдии купца. «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Это любимый стих покойного.

11. Монах Стефан; скончался 1836 года, февраля 29 дня, более 80 лет, из карачевских мещан.

12. Послушник Иоанн, скончался 1834 года, ноября 18 дня, 50 лет, родом из крестьян.

13. Под сею дскою погребено тело монаха Илариона, из московских купцов (Иван Козмин Козлов), поступил в сей скит 1836 года, в январе, скончался 1850 года, марта 5 дня, от роду имел около 100 лет.

14. Монах Макарий, утопший 1841 года, июня 28 дня, 70 лет, из экономических крестьян.

15. Иеромонах Иов, скончался 1843 года, января 14 дня, 81 года, из тульских оружейников.

16. Послушник Алексей, скончался 1845 года, февраля 4 дня, 73 года, отставной коллежский советник.

17. Послушник Василий, скончался 1845 года, мая 2 дня, 57 лет, вольноотпущенный господина Рахманова.

18. Монах Петр, скончался 1848 года, июня 8 дня, 28 лет, родом из новосильских мещан.

19. Монах Диомид, скончался 1849 года мая 1 дня, 68 лет, из вольноотпущенных г<оспожи> Салтыковой.

20. Под сею дскою погребено тело в Бозе почившаго иеросхимонаха Иоанна, ревностнаго поборника Православной Церкви против раскольников: он издал 6 книг и удостоверял оными о их заблуждении

и о чистоте учения Православной Церкви. Всего жителства его было 87 лет. Скончался 4 сентября 1849 года мирною кончиною в Козельской Оптиной пустыни в находящемся при оной ските, где прожил 15 лет. Вечная ему память!

21. Валаамский игумен Варлаам, скончался 1849 года, декабря 26 дня, 73 лет, родом из московских купцов.

22. Монах Нифонт, скончался 1849 года, декабря 28 дня, 76 лет, родом из саратовских купцов.

23. На сем месте погребено тело иеромонаха Никона, скончался 1850 года, октября 2, пополудни, на 45 году от роду. Происходил из дворян города Глухова; прежнее имя: Николай Иванов Огиевский, коллежский секретарь. Поступил в скит сей 1832 года в ноябре месяце, пострижен 1839 года. Отличительные черты жизни его: трудолюбие, кротость и уединение.

24. На сем месте погребено тело монаха Феодосия. Поступил в монашество в 1837 году, а скончался 1851 года, августа 22 дня, на 63 году, из вольноотпущенных.

25. Рясофорный монах Геннадий, скончался 2 сентября 1851 года, на 79 году от рождения, из мещан города Путивля.

26. Под сею дскою погребено тело схимонаха Леонида, мирно почившаго о Господе 4 декабря 1853 года, на 71 году от рождения, родом из карачевских граждан, по фамилии Бочаров. Поступил в Чолнский монастырь в 1804 году, пострижен в монашество в 1807 году в Белобережской пустыни. Жил на Валааме и в Александро-Невской лавре, отколе перешел в сию обитель в 1834 году. Схиму принял в 1851 году.

27. Послушник Владимир, скончался 6 марта 1855 года мирною кончиною на 24 году от рождения, из дворян Козельского уезда, по фамилии Кавелин.

28. Послушник Пармен, 22 лет, скончался 1856 года, июля 18, родом из граждан города Епифани, жил в обители 3 года.

29. Монах Андрей, 63 лет, скончался 10 октября 1856 года, из тамбовских чиновников, коллежский асессор, по фамилии Сланский, в обитель поступил в декабре 1848 года.

30. Схимонах Вассиан, скончался 10 сентября 1857 года, 97 лет, из крестьян Мосальского уезда, жил в ските с самого его основания – с 1821 года. (Плиты на его могиле еще не положено; предполагаемую надпись смотри ниже.)

31. Надпись на чугунной плите: «Здесь погребен иеромонах Вассиан, скончался 28 мая 1859 года, пострижен в Сергиевской лавре в 1826 году, а начало полагал в Пешношской обители; жил в ските почти 5 лет с половиною, от роду ему 53 года, родом из селения, находящегося близ Пешношского монастыря».

32. Иеросхимонах Иов.

На могиле иеросхимонаха Иова и схимонаха Вассиана предположено положить плиты с приличными надписями, из коих для последней составленная отцом архимандритом Моисеем будет следующего содержания:

а) Под сим памятником погребено тело скитского старца – схимонаха отца Вассиана, скончавшагося,

со упованием на Божие милосердие, сентября 7 дня 1857 года, 97-ми лет от рождения своего;

б) Сей блаженный старец – схимонах Вассиан – родом был Жиздринского уезда из крестьян; в монастырь вступил 1812 года, в монашество пострижен 1818 года; а потом в 1820 году в схиму был пострижен он преосвященным Филаретом Калужским. И с самого вступления своего в монашество проводил жизнь более подвижническую: носил на теле своем вериги, пищу всегда употреблял он постную, не вкушая молочного и рыбы, кроме самых великих праздников – святой Пасхи и Рождества Христова, а вина и чаю во всю иноческую жизнь свою не употреблял никогда. К церковному богослужению был весьма усерден, притом и келейным правилом занимался почти непрерывно – прочитывая ежедневно Псалтирь и акафисты, со многими земными поклонами. Каждую неделю приобщался Святых Таин Христовых. В Великий пост – первую и последнюю седмицу проводил без пищи; а в 1818 году, будучи в силах, поревновал древним отцам испытать себя в чрезвычайном посте Бога ради, не вкушая пищи во весь Рождественский пост, также и во всю Четыредесятницу Великого поста. Притом выдерживал многия искушения козней бесовских силою веры и любви ко Господу. Был неутомимо трудолюбив; любил крайнюю нищету – не имея в келлии ничего, кроме икон святых, и по кончине его ничего не осталось, кроме изношенной и ни к чему не годной одежды – и тем подал для всей братии весьма назидательный пример подвижнической зело жизни.

За все таковые подвиги да упокоит Господь Бог душу раба Своего со святыми в Небесном Царствии Своем.

VI. Устав скитский

Сподобившись увести себе лучший есть сподобльшегося увидеть ангелов.

Исаак Сирин. Сл. 4

Относительно Устава скитского, по внутреннему содержанию, можно сказать, что он имеет целью свою: при единомушном жительстве глубочайшее безмолвие, необходимое к очищению внутреннего человека, соединенное притом со внимательным рассматриванием самого себя и постоянною молитвою, которая созидает сердечный мир и возводит дух человеческий, по благодати Божией, выше видимого мира, – сообразно с учением и опытами святых отцов, прославленных в христианской Церкви.

Во внешнем же отношении живущие в скиту братья руководствуются правилами устава Коневской обители, введенного в Оптиной пустыни грамотою преосвященного Филарета в 1824 году. Согласно с сим уставом, церковная служба в скиту бывает еженедельно – в субботу и воскресенье. Во все двенадцатые и в два храмовые праздника обители: 1 мая – преподобного Пафнутия, Боровского чудотворца, и 22 октября – день Казанской иконы Пресвятой

Богородицы – скитская братия по заведенному порядку ходят ко всенощному бдению и к литургии в монастырь и после литургии, в знак духовной любви и единения, разделяют с монастырскою братиею их трапезу. Сверх еженедельной субботней и воскресной служб в скитской церкви бывает служба в нижеследующие дни: на праздник Пасхи, начиная со второго дня (в первый, как сказано, скитяне бывают в монастыре), – всю неделю; в праздник Рождества Христова – на второй день; в Троицын день; Великого поста первую и последнюю неделю во все дни, а в остальные седмицы оно, сверх суббот и воскресений, бывает еще одна в неделю литургия преждеосвященная; в праздники храмовые: Собор святого Иоанна Предтечи Господня (7 января), Рождества Предтечи (24 июня), Усекновение главы (29 августа). Во все эти дни бывает служба соборная; а во дни Обретения главы Предтечевы (первое и второе – 24 февраля и третье – 25 мая) и Зачатие Предтечи (23 сентября) – полиелей.

Примечание. В три первые храмовые праздники и на второй день Пасхи служение обедни в скиту совершает настоятель обители соборно со скитскими иеромонахами. Сверх того бывает служба в скитской церкви в следующие дни: в январе 1 числа, на Новый год, – в память святого Василия Великого; 17 – память преподобного Антония Великого; 19 – преподобного Макария Великого; 25 – святого Григория Богослова; 30 – Собор трех святителей; февраля: 3 – святого праведного Симеона Богоприимца с Анною пророчицею; марта: 9 – Сорок мучеников; 14 – празднование иконы – чудотворной Феодоровской Божией Матери; мая: 8 – апостола и евангелиста Иоанна Богослова; 9 – перенесения мощей

святителя Николая; июня: 26 – явления Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы; июля: 5 – обретения мощей преподобного Сергия Радонежского; 20 – святого пророка Илии; августа: 1 – происхождения Древа Креста Господня; 16 – перенесения Нерукотворенного образа; 28 – преподобного Моисея Мурина; сентября: 7-го*; 26 – преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова; октября: 1 – Покрова Пресвятой Богородицы; 11-го**; ноября: 8 – Собор Архистратига Михаила, 13 – святого Иоанна Златоустого; 27 – Знамения Пресвятой Богородицы; декабря: 1 – в память основателя скита, почившего о Господе высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского и Галицкого; день тезоименитства благодетеля скита, высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского и Коломенского. После литургии бывает молебен о здравии и благоденствии второго, а потом совершается панихида о упокоении души первого; 6-го – святого Николая Чудотворца Мирликийского.

Ко бдениям, бывающим в навечерия царских дней и по другим случаям, а также к литургии и молебнам скитяне ходят в монастырь.

Во все же те дни, когда не бывает в скиту церковной службы (исключая помянутых выше дней, в которые все скитяне бывают на бдении, у литургии и в трапезе в монастыре), начиная с вечера воскресенья, продолжается в скитской церкви чтение Псалтири, с поминовением, во-первых: о здравии и спасении живых и о упокоении усопших братий скита, их родителей и ближайших сродников (то есть братский

* День кончины приснопамятного старца иеросхимонаха Макария. – *Примеч. авт.*

** День кончины приснопамятного старца иеросхимонаха Леониды (Льва). – *Примеч. авт.*

синодик); во-вторых: о здравии и спасении живых и о упокоении в вечном блаженстве преставившихся душ – благочестивых вкладчиков и благотворителей обители и скита, их сродников (синодик благотворителей). Чтение это производится попеременно чрез два часа, во дни и ночи, непрерывно до субботы, то есть до вечера пятка (или до начала службы, положенной в один из упомянутых дней): тогда прекращается псалтирное чтение и начинается вечерня; потом в свое время утренняя, и после начатия в обители ранней обедни и здесь совершается литургия (в 7-м часу утра). В субботу же вечера бывает малая вечерня и бдение в свое время; в неделю (воскресенье) литургия.

Прочие же дни скитская братия кроме чтения псалтирного в церкви молитвенное правило совершают в келлиях своих, каждый отдельно или по согласию – по два и по три вкупе, по преданию Святой Церкви и по данному наставлению от настоятеля и отца духовного. Свободное время в келлиях препровождают в чтении Священного Писания и отеческих книг; «в чем, по наставлению первоначальника скитской жизни в России, преподобного Нила Сорского, скитяне должны полагать свою жизнь и дыхание». Также занимаются разными рукоделиями, особенно в зимнее время, а именно: переплетным, футлярным, токарным, ложечным и краснописанием (писанием по уставу)*.

* Покойный скитоначальник, старец отец Макарий, сам знавший отчетливо два из сих рукоделий (переплетное и токарное), особенно поощрял все упомянутые келейные рукоделия в своих

В летнее время скитские братья занимаются возделыванием огородов, уходом за садом*, поливкой деревьев и растений и пчеловодством, а осенью уборкою овощей и садовых плодов; кроме того, бывают на общих монастырских послушаниях: при уборке сена, а осенью овощей. Частные послушания в скиту: по церкви (кроме уставщика и певчих) – ризничий и пономарь (он же звонарь и будильщик); по части хозяйственной – библиотекарь, повар и его помощник, трапезный, хлебопекарь и его помощник.

Пищу скитяне имеют во весь год постную, кроме Рождества Христова, Пасхи и тех недель, в кои определено Святой Церковью и монашествующим вкушать во все дни молоко, сыр и яйца (называемые сплошные недели); разрешение вина как в монастыре, так и в скиту вообще никогда не благословляется.

Каждый из живущих в скиту поверяет успехи свои на духовном поприще открытием всех своих помыслов своему старцу или очищает совесть свою повседневною исповедью в самых тончайших помыслах и умственных приражениях.

Поступающие в скит от благотворителей денежные подаяния, за употреблением на церковные расходы

учениках: обеспечивая в необходимых келейных нуждах трудящихся, он доставлял им и потребные для рукоделия материалы, а приносимые ему от усердия тружеников изделия раздавал на благословение посетителям. – *Примеч. авт.*

* Скитский сад, по неблагоприятному для плодовых деревьев грунту, как при первом разведении требовал больших трудов, так и в поддержке оного требуется постоянный за оным уход. – *Примеч. авт.*

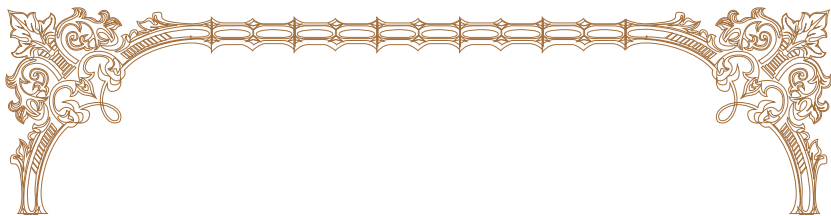
и на содержание скитской братии, отдаются настоятелю обители на общие расходы. Подаяния эти состоят преимущественно из денег, жертвуемых разными лицами на поминовение о здравии живых и выздоровлении болящих, о упокоении преставившихся. Подаяния эти состоят: 1) одни (на поминовение) жертвуют более или менее значительные суммы, внося их на вечное время в кредитные установления с тем, чтоб проценты с капитала поступали в пользу скита; 2) другие жертвуют единовременно небольшие суммы, прося помянуть о здравии или за упокой в течение года, шести недель или другого определенного срока.

Благотворители первого рода вносятся в вечный синодик и таблицы и поминаются постоянно и неопустительно при чтении неусыпаемого Псалтиря (имена поминаются на каждой славе, то есть по трижды на каждой кафизме), во время церковных служб, на проскомидиях, в субботу на ектении, причем служащие, как диакон, так и священник, гласно прочитывают всю таблицу с именами жертвователей. Жертвователи второго рода (то есть пожертвовавшие единовременно какую-либо сумму) также поминаются в течение просимого ими срока во время чтения неусыпаемого Псалтиря, на проскомидиях, литургии, на заздравных и заупокойных ектениях. Сверх того, раз в неделю служатся в скитской церкви одна общая панихида о упокоении преставившихся и один общий молебен о здравии и спасении всех находящихся в живых благотворителей скита, их рода и сродников.

A decorative border in a light brown or gold color, featuring ornate scrollwork at the corners and a repeating geometric pattern along the sides.

ПИСЬМА

Письма святителя Филарета (Амфитеатрова)

СТРОИТЕЛЮ
КАЛУЖСКОЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
ИГУМЕНУ ДАНИИЛУ (КУШНЕВУ)

ПИСЬМО 1 ²⁵

Преподобнейший отец игумен,
любезный о Господе брат!

Прилагаю при сем полученные мной от старцев-пустынножителей письма. Вы из них увидите желание их водвориться при вашей обители. Увидите и правила, на каких они хотят учредить скитскую жизнь. Я почитаю сие весьма полезным для обители, что такие старцы будут при ней жить по Бозе. Они в содержании себя не сделают монастырю никакой тягости; а польза будет от них самая существенная. Пожалуйста и вы примите сие яко благоволение Божие и постарайтесь с усердием дело сие совершить. Место отведите на пчельнике, то самое, которое отец Вассиан и они

изберут. А Димитрию Алексеевичу Брюзгину скажите, чтобы он без отлагательства исполнил свое усердие. Что нужно будет и что можно – помогите и от монастыря. Писем до времени никому не показывайте и ко мне обратно их или перешлите, или с собою привезите, когда будете у меня.

Не поскорбите, что я взял вашу лошадь, а к вам отправляю свою. У меня одна совсем отказалась, по старости лет, возить карету. А потому и ездить не на чем. Я перед вами не останусь в долгу, к буланой придам что следует, когда разживусь. А она у вас поправится.

Призывая на вас благословение Божие, с моим к вам искренним почитанием и любовью всегда есмь вашего преподобия усерднейший слуга,

Филарет, епископ Калужский.

За рыбу покорно благодарю вас. Учредите годовое поминовение покойного преосвященного Михаила, митрополита Петербургского. Он, к огорчению нашему, скончался 24 числа прошедшего марта. Неизвестно еще, кто будет на его месте.

24 апреля 1821 года

Письмо 2²⁶

Преподобный отец игумен Даниил!
Любезный о Господе брат!

Для строения скита представили мне пустынножители план, который я подписанием своим утвердил. Прошу покорно отвезть им по их и вашему избранию

место. Господь да благословит начать им доброе и угодное Ему дело! Пусть они трудятся в очистке места. Ежели готовы материалы, то я благословляю обеими руками начать строить прежде келлии, а потом и прочее нужное. Я буду к вам в начале Успенского поста на целую неделю говеть. Приятно бы для меня было, ежели бы до того времени они пристроились.

До решительного положения полных правил жития их прошу вас теперь же сделать:

1. Братиям воспретить к ним вход без вашего дозволения и не в назначенное время. 2. Женскому полу совершенно возбранить туда вход. 3. И другим мирским людям не иначе позволять, как с согласия их старца. 4. На первый раз пусть будет у них начальником отец Вассиан, которого увольте из обители туда к ним в келлии, а с ним отпустить мальчика, из Курска к нему присланного²⁷. 5. Во всем, где можно им помочь в строении, без отягощения монастыря, не откажите. 6. Запретите строго рубить всякий лес около сего скита, дабы навсегда он был закрыт. Довольно пока, – что еще откроется нужным, я полагаюсь на известное мне благоразумие и усердие ваше.

Призывая на вас и вверенную вам обитель благословение Божие, с пастырской моею к вам любовью навсегда имею быть вашего преподобия усердный богомолец,

*Филарет, епископ Калужский.
18 июня 1821 года*

Письмо 3²⁸

Преподобный отец игумен Даниил!
Любезный о Господе брат!

За братское принятие вами пустынножителей усердно благодарю вас. И Бог сего странноприятия не забудет. Иоасафа²⁹ посвятить в иеромонаха не можно; как сами вы увидите из приложенной при сем справки. Пусть оканчивает остаток дней своих в покаянии о своих грехах. Иеродиакон Филарет³⁰, кажется, уже довольно наказан. Не пора ли его утешить чем знаете?

По моему мнению, не худо бы перевести его в келлию к отцу Иларию, на место схимника отца Вассиана, и дать ему все, что и другим иеродиаконам. Впрочем, – как вы знаете, только надолго не следует держать под гневом брата. Сие я пишу к вам не потому, чтобы он мне жаловался, а в наставление вам. Из пустыни же я его не отпускаю – ибо не на пользу будет его душе и братии.

Призывая на вас благословение Божие, с моею к вам искреннею любовью имею быть навсегда

*Филарет, епископ Калужский.
28 июня 1821 года*

Письмо 4³¹

Преподобный отец игумен Даниил!
Любезный о Господе брат!

Вы меня благодарите за посещение мое, а я вас усердно благодарю за порядок и устройство, с удовольствием душевным найденное мною в обители. Будем молить Господа и Отца светов, да наставит и братию

нашу тещи путь заповедей Его беспретенно, истинным по Бозе житием. Податель сего желает посвятить себя уединенной жизни. Он у меня провел неделю; по замечанию моему, кажется, в нем будет путь. Прошу вас принять его братски и как следует человека хотя юного, но довольно образованного. Попросить от меня отца Вассиана и отца Моисея, чтобы они дозволили ему ходить к ним для пользы душевной. Впрочем, как еще Господь управит путь его.

Пашпорты, кажется, к вам посланы, а отец Афанасий, не дождавшись меня, отправился к вам; и хорошо, что не охотник долго оставаться вне обители.

Батищевский священник пусть явится ко мне в Калугу, ибо я его что-то не вспомню. Хорошо награждать по внутреннему убеждению достоинства.

Призывая на вас и обитель благословение Божие, с искреннею к вам любовью есмь навсегда Ваш усердный

*Филарет, епископ Калужский.
13 сентября 1822 года*

ПИСЬМО 5³²

Преподобный отец игумен Даниил!

Любезный о Господе брат!

Сего ноября 11 числа получил я печальное для сердца моего известие о кончине любезно-почтенного родителя моего семидесятисемилетнего старца иерея Георгия. Исполняя долг сына, не престану проливать теплые молитвы у престола милосердия Господа нашего Иисуса Христа о упокоении души преставившегося

в селениях праведных. Покорнейше прошу и ваше преподобие и всех боголюбезных братий вверенной вам обители помолиться о покойном родителе моем. Усердно молю вас отслужить соборне панихиду и литургию и отправлять годовое поминовение по приложенной при сем записке родных моих. Родитель мой скончался, напутствованный всеми христианскими таинствами, 12 октября сего года.

Податель сего валаамский иеромонах Гавриил³³, земляк наш, человек примерно добрый и искренний монах. Он открыл мне желание, ежели Богу угодно будет, остаться в вашей обители, а также отец Леонид³⁴, бывший белобережский строитель, и еще иеросхимонах Антиох³⁵, по его словам, желают к вам же. Я с любовью их приму, ибо знаю их по Бозе житие; пожалуйте и вы примите странника сего с свойственною вам любовью. Дай Бог, чтобы обитель ваша наполнилась истинными монахами.

О пострижении всех вами представленных получен вчера указ. С любезными пустынножителями посоветуюсь, кого им произвести в иеромонаха: Моисея ли или Антония. Как вы, помолившись Богу, положите, так я и сделаю. Сих отцов боголюбивых попросите от меня о поминовении в молитвах покойного родителя моего и родных.

Призывая на всех вас благословение Божие, с пастырскою к вам любовью имею навсегда пребыть Вашего преподобия усердный богомолец,

*Филарет, епископ Калужский.
1822 года, ноября 15 дня*

ПИСЬМО 6³⁶

Преподобный отец игумен!
Любезный о Господе брат!

Благодарю вас за приятное для меня известие о благоуспешном строении во вверенной вам обители. Господь Бог поможет вам окончить к общему удовольствию и во славу святого имени Своего. Подрядчика я рекомендовал уже в Мядинь, где хотят строить новую церковь. Ему всегда будет работа за его честность и старательность.

Писал ко мне новый брат обители Аполлон Помаков, что он решился вступить на подвиг скитской жизни. Объявить ему, что я благословляю его путь и молю Господа Иисуса, да поможет ему совершить оный истинным по Бозе монашеским житием.

Вы, думаю, уже получили указ из консистории насчет освидетельствования строений в Добром монастыре. Пожалуйста не помедля отправьтесь туда и, ежели согласится, возьмите с собой Якова Сергеева, чтоб он сделал вам смету, сколько нужно денег для окончания церкви, колокольни, настоятельских келий и других необходимых принадлежностей.

Сделавши сие, с бумагами приезжайте ко мне, чтобы вместе рассмотреть и поскорее сделать в Синод представление. Не должно назначать много суммы, чтобы не отказали совсем, а надобно довольствоваться малым. Хорошо бы и с долгами назначить 15 тысяч.

Призывая на вас благословение Божие и на обитель святую, с искреннею к вам любовью пребыть имею ваш усердный слуга,

*Филарет, епископ Калужский.
13 октября 1822 года.
Калуга*

ПИСЬМО 7³⁷

Преподобный отец игумен Даниил!

Услышав, что вы были очень больны, хотел было послать к вам эконома, навеститься. Но письмо ваше к Агнии Кирилловне³⁸ остановило меня. Ежели вы, поправившись в здоровье, расположитесь приехать в Калугу до праздника для исповеди, то пожалуйста привезите с собой того келейника, которого я у вас просил. Мне нужно его посмотреть – и крайне нужно иметь хорошего. А мне к вам приехать до праздника совсем нет времени и досуга. Скоро начнутся испытания в семинарии и продолжатся до самого праздника. Когда Богу угодно будет, видно, опять у вас придется начать преддверие святого поста.

Будьте здоровы. Благословение Господне на вас.
Ваш усердный

*Филарет, епископ Калужский.
13 декабря 1822 года*

ПИСЬМО 8³⁹

Преподобный отец игумен Даниил!
Любезный о Господе брат!

Рукоположив отца Моисея во иеромонаха в самый праздник Рождества Христова, препровождаю его к вам. Он для обители будет очень полезен по духовной жизни. Я с ним говорил о сем и поручил ему принимать желающих на исповедь. Хороший и искусный духовник может всего более помочь настоятелю в устройении братии. Благословение Господне да будет с вами! Ваш усердный

*Филарет, епископ Калужский.
26 декабря 1822 года.
Калуга*

ПИСЬМО 9⁴⁰

Преподобный отец игумен,
любезный о Господе брат!

Отца Илария рекомендовал я в Москве всем известным мне по их приверженности к обители лицам. В это время Бог послал ко мне Екатерину Александровну Чичерину, проездом из деревни в Москву. Она со всею радостью обещалась помогать ему. А сегодня был у меня Михаил Львович Ртищев, также проездом в Москву. Просил его убедительнейшим образом, чтоб и он, и сестры покойной вкладчицы помогли вам. Он обещался и уверил, что не откажутся прибавить свое пожертвование на создание храма в память покойной. Помолитесь с братиею, да богатеют они верою и житием истинно монашеским по Бозе – а сия

вся приложатся вам. Полякова оставил у себя в доме впредь до времени, по известным мне обстоятельствам.

Благословение Господне да будет с вами. Скажите мою любовь старцам любезного мне скита. Не дождусь сырной недели, чтоб успокоиться среди вас. Ваш усердный

*Филарет, епископ Калужский.
26 декабря 1822 года.
Калуга*

ПИСЬМО 10⁴¹

Преподобный отец игумен!

Податель сего имеет желание в пустыни вашей провоздаты отшельническую жизнь. У него еще два единомышленных. Я ему дозволил посмотреть место, найдет ли он для избираемого пути жизни удобство. Он вам скажет, что намерение его есть от себя построить уединенную келлию, своими руками питаться и в безмолвии работать Господу, а только в церковь ходить и приобщаться Святых Таин. Отец Павел, мой казначей, знает его и рекомендует с хорошей стороны. Посмотрите и посоветуйтесь с старцами: можно ли их принять, — и ко мне с ним же напишите.

Ваш усердный богомолец,

*Филарет, епископ Калужский.
26 мая 1823 года*

P.S. Мне кажется, можно позволить иметь пристанище сим птицам, бегающим сетей мира.

ПИСЬМО 11⁴²

Преподобнейший отец игумен Даниил!

Податель сего располагает поступить в ваш монастырь. Он жил долго с Леонидом и от них предпослан уготовить им место. Он человек расторопный. Кажется, может с пользою употреблен быть по экономической части со временем. Я советую принять его братски. Видимым образом обитель ваша Промыслом Божиим благословляется; да почует на вас благословение Божие.

*Филарет, епископ Калужский.
28 мая 1823 года*

Есть у меня желание неделю пред Сошествием Святого Духа препроводить в безмолвном ските; только не знаю, как Бог устроит по моим делам. Впрочем, вы о сем не разглашайте и никаких приготовлений не делайте.

ПИСЬМО 12⁴³

Преподобнейший отец игумен!

Смиренный и кроткий инок Гавриил с любовью принят мною в вашу обитель. Дай Бог, чтоб епархиальное начальство его уволило к нам. Весьма бы желательно видеть у вас отца Леонида. Аще Богу угодно не лишит нас и сего утешения. Мне не можно было посетить вас на сей неделе и по делам, и по причине жаров. Видно, опять не прежде августа получу досуг.

Благословение Господне да будет с вами. Ваш усердный богомолец,

*Филарет, епископ Калужский.
4 июня 1823 года.
Калуга*

ПИСЬМО 13⁴⁴

Преподобный отец игумен Даниил!
Любезный о Господе брат!

И вас взаимно со всею братиею поздравляю с новым летом благодати. Молю Господа Иисуса Христа, да обновит силы ваши на служение Ему и спасение вверенного вам послушания. Не скорби, брате, что силы твоя слабы; сила Господня в немощах совершается. Что касается до крамольников, — это действие врага спасения человеческого, который завидует доброму устройению обители в христианской трезвенной и воздержной жизни по Бозе, должно слабых, неисправляемых отделить, как гнилых членов, дабы они других не заражали.

Почему Ферапонта⁴⁵ назначил я перевести в Малоярославский монастырь под строгий присмотр настоятеля, о чем, думаю, и указ вы получили. Впрочем, ежели он истинно раскается и будет со смирением просить прощения и даст пред алтарем и всею братиею обещание оставить свою злую привычку, то я на волю вашу оставляю причислить его опять к братству обители вашей. Отцу Феофилакту⁴⁶ требую от вас совета, что с ним делать? Испытайте его попристальнее и пришлите ко мне; есть ли надежда исправить его в обители

вашей посредством штрафа за его непослушание или нужно исключить, дабы он и другим не был вреден? – до получения от вас письма я поудержусь.

Почтенный отец архимандрит Мельхиседек⁴⁷, которого я сердечно полюбил, благо творит, что располагается успокоить себя в обители вашей. Мне бы очень приятно было видеть исполнение его намерения. Он охотно соглашается за лес и постройку келлии заплатить свои деньги; а тес, и кровлю, и доски на полы и потолки, без всякого сомнения, с любовью и можно и должно дать из монастырского леса. Вы о сем сделайте по форме представление, и я дам резолюцию: то и никто не может прекословить. Ибо келлии после его останутся в пользу монастыря. Можно бы было и совсем выстроить на счет монастыря, ежели бы была сумма; и справедливость сего требует. Но жаль, что нет сил. Даже можно так сделать по форме, с моей резолюции, чтоб заплатить отцу архимандриту все издержки, когда монастырь будет в состоянии, это очень законно.

Помолитесь Господу, чтоб Бог дал мне силы приехать к вам на сырную неделю, тогда о всем поговорим и посоветуем. Всему о Христе братству и со скитяны предпосылаю благословение Божие. Ваш усердный богомолец,

*Филарет, епископ Калужский.
9 января 1824 года*

ПИСЬМО 14⁴⁸

Преподобный отец игумен Даниил,
любезный о Господе брат!

Необходимость заставила меня вверенной управлению вашему пустыни иеромонаха Афанасия определить казначеем в Троицкий Лютиков монастырь на место Феодосия, которого взял в дом мой эконо́м. Отправьте его ко мне для препоручения возложенной на него должности. Скажите ему, чтобы он принял сие послушание с монашеским смиренномудрием и покорностью. Виталий по желанию его помещен в Мещовский.

Призывая на вас благословение Божие, с пастырскою к вам любовью пребываю,

Филарет, епископ Калужский.

Почтенно-любезному брату отцу архимандриту Мелхиседеку предпосылаю благословение Божие. Не нужно ли для него архимандричье облачение, чтоб когда-нибудь отслужить? Ежели он согласится, пусть ко мне напишет: и я прикажу из архиерейской ризницы отправить митру и палицу.

*1 марта 1824 года.
Калуга*

ПИСЬМО 15⁴⁹

Преподобный отец игумен,
любезный о Господе брат!

Благодарение Господу, благодатию Своею устрояющему добродетельное монашеское житие в обители Вашей.

Я совершенно верю, что труды ваши и общие наши желания не останутся тщетны. А что случилось нам искушение, это очень добрый знак. Ибо никогда доброе дело без искушения не бывает. А ненавистник добра – враг спасения душ человеческих посрамлен, и еще посрамится. Слабым и немощным братьям простим вся Воскресением. Что касается до вашей невинности, нет никакой надобности сомневаться, чтоб она потерпела.

С Пименом⁵⁰ пришлю к вам копию с отношения моего к м<илостивейшему> к<нязю> Г<олицину> – вы увидите, как вы правы и оправданы*. Предпосылаю благословение Божие любезному и почтеннейшему отцу архимандриту Мелхиседеку – и к нему особенно напишу, а теперь нет времени. Ваш усердный богомолец,

*Филарет, епископ Калужский.
24 марта 1824 года*

Письмо 16⁵¹

Преподобнейший отец игумен Даниил,
возлюбленный о Господе брат!

Примите от пастырского сердца моего искреннее поздравление с светлым праздником Воскресения Христа Спасителя нашего со всею обителью. Господь весть, сколько я желаю и молю Его благость, да послет Он Духа Своего Святого и воскресит в братьях и во всех вас свою истинную по Бозе жизнь – как начало

* Черновик письма к обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голицыну см. на с. 000.

и семя вечной жизни в светлых обителях Отца Небесного.

Но воскресение сие сообщается нам, грешным, тогда, когда мы с Ним, Спасителем нашим, подвигаемся умертвить в себе все то, что святые очи Его видят в сердцах наших противное Его духу, когда мы с Ним страждем и умираем греху, плоти и миру. Тогда только можем ожить духом нашим и вечно с Ним блаженствовать.

Руководствуйте Господа ради вверенную вам братию к таковой жизни, не на немощь свою смотря, но на Него, Господа сил, уповая. Сила бо Его в немощах совершается. Не дивитесь, что они слабы и противоречат истинному их исправлению – таково есть растленное грехом естество наше. Ежели кто из нас имеет что-либо доброе, это не наше, а дар Его милосердия.

А ежели Он отнимет Свою руку, помогающую нам, то мы тотчас сделаемся хуже всех. А всемогущая любовь Его может самого жестокого грешника смягчить огнем Своим Божественным. Потому не унывайте и не отчаивайтесь никогда, хотя бы вы видели труды ваши бесполезными во многих. Божие дело есть возвращать, а наше трудиться, насаждать и напаять виноград Его пред всевидящими милосердыми Его очами. Строгость вашу всегда растворяйте отеческою любовью, или паче всякая строгость должна происходить из единого источника любви искренней и равной ко всем, всегда постоянной. Господь видит все и никогда работающих Ему истинно не оставит.

Прилагаю при сем копию с отношения моего к князю. Спишите для себя, подлинное возвратите ко мне. Я никого из братьев не выставил наветником, а предоставил сие суду Божию. При том же мы должны делать добро и врагам, ежели хощем истинно благоугождать Господу и пользоваться Его милостию — Он един паче всех защитит верно.

Пимен ваш добрый не только получил священство в Великий Четверток, но и ноги его омыты, что редко случается. Знак очень хороший чистоты его сердца.

Призываю на всех вас благословение Божие.

Филарет, епископ Калужский.

4 апреля 1824 года

Р.С. Ежели Ферапонт истинно раскаялся и показал плоды исправления своей жизни, то к светлому празднику я разрешаю ему священнодействие. Да и ради Христа Спасителя объявите ему, что я решительно его прощаю и разрешаю, в надежде, что он, возчувствуя милость Божию, будет себя хранить от наветов диавола и искушений плоти. А ко мне пришлите рапорт, что он по моему письменному приказанию разрешен. Простим вся Воскресением.

ПИСЬМО 17⁵²

Преподобный отец игумен Даниил!

Любезный о Господе брат!

Благодарю тебя за письмо, которое доставило мне утешение. Слава Богу, что у вас все смирно, и согласно, и благочинно. Теперь и слухи все о перемещении меня кончились. Будем вместе работать Господу и по

силе назидать братию кротким, и смиренным, и тихим указанием им пути спасения в любви Господа нашего Иисуса Христа, друг друга тяготы носяще. Иконописцу нечего у нас делать, ибо и работа малая, и калужане хотят сами написать иконы. Боголюбезному отцу архимандриту Мелхиседеку и добрым старцам обители и скита препосылаю Божие благословение и прошу у всех молитв ко Господу. Ваш усердный слуга,

*Филарет, епископ Калужский.
9 июля 1824 года.
Калуга*

**СХИМОНАХУ ВАССИАНУ
(ГАВРИЛОВУ)**

Письмо 1⁵³

Преподобный отец схимонах Вассиан!
Любезный о Господе брат!

Посланные вами ко мне письма от боголюбезных пустынножителей получил я с сердечною радостью. Я совершенно готов водворить при Оптинской обители их на пчельнике – в том самом месте, которое вы изберете. О сем пишу я к отцу игумену, чтобы он отвел для келлий место. А благодетеля господина Брюзгина попросите вы, чтобы он, не отлагая далее, приступил к делу. Как скоро придут к вам отец Афанасий с братиею, уведомьте меня. Я поспешу видеться с ними. Прошу вас, возлюбленне, помолиться Господу и постараться о приведении сего дела богоугодного к концу. Прилагаемое при сем письмо отправьте как знаете к отцу Афанасию⁵⁴.

Призывая на вас благословение Божие, с сердечною к вам любовью, навсегда имею пребыть вашего преподобия усерднейший слуга,

*Филарет, епископ Калужский.
24 апреля 1821 года*

ПИСЬМО 2⁵⁵

Преподобный отец схимонах Вассиан!
Возлюбленный о Господе брат!

Писание твое получил я от подателя сего. Радуюсь и благодарю Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, что он хранит еще жизнь твою в глубокой старости. Благодарю Господа, хранящего святой скит наш в добром монашеском житии, в мире и братолюбии иночествующих. А тебе, брате, и паки завещаю и заповедую именем Господним о своем спасении пеших и внимать молитве и подвигам, свойственным великому ангельскому образу, а в начальственные дела отнюдь не мешаться. Настоятель отвечает в своих делах Богу и поставленной над ним власти. А схимонаху должно хранить безмолвие, всех любить любовью Христовою и о всех непрестанно молиться Господу Богу⁵⁶.

Призываю на тебя и на твои постнические и молитвенные подвиги благословение Божие.

*Филарет, митрополит Киевский.
1 апреля 1852 года.
Киев*

ОБЕР-ПРОКУРОРУ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА
КНЯЗЮ А.Н. ГОЛИЦЫНУ⁵⁷

Сиятельнейший князь!
Милостивый государь!⁵⁸

Почтеннейшее отношение Вашего Сиятельства от 24 генваря сего года № 4 я имел честь получить. Дабы точнее вникнуть во все обстоятельства Козельской Введенской пустыни, дошедшие до сведения Вашего, нужным почел я отправиться туда самолично на сырную неделю, где обыкновенно каждый год провожу в сие преддверие Святой Четырдесятницы в тишине и уединении. Обращая всегда особенное внимание на сию пустынь, пастырскою властью моею уверяю Ваше Сиятельство, что никаких неурядиц в оной я не нашел. Да и прежде сего ни от кого из братий ни письменных, ни словесных ко мне жалоб не поступало, каковые всегда они мне могли бы ежегодно приносить, особенно во время каждогодного моего посещения. Что принадлежит до настоятеля той пустыни, не имея никакой посторонней причины защищать его, яко мне ни родственника, ни свойственника, смею рекомендовать Вашему Сиятельству, что он человек воздержный, трезвый и честных правил и довольно образованный, в чем все посещающие сию пустынь разных сословий особы и самой братии отдают ему справедливость.

Извещая о сем Ваше Сиятельство, с совершенным почитанием и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства, милостивого государя...⁵⁹

**АРХИМАНДРИТУ МЕЛХИСЕДЕКУ
(КОРОТКОМУ)⁶⁰**

Высокопреподобнейший
отец архимандрит Мелхиседек!
Возлюбленный в Господе брат!

Мне очень приятно от сердца поздравить вас с наступающим пресветлым праздником Воскресения Христа Спасителя нашего. По любви вашей к Господу вы, верно, в сладостном восторге сердца удостоитесь воспеть всерадостное: Христос воскрес! Чего вам от всего сердца желаю, и всегда молю Господа Иисуса, единого источника и подателя жизни и радости, да излиет в доброе и благочестивое сердце ваше Свою жизнь, Свое утешение и неотъемлемую радость. Ах, брате, как с Ним,любообильным Отцем, Наставником, Другом хорошо везде и жить, и умереть, и воскреснуть в вечную жизнь! Да благословит Он новое жилище Своею благодатью! Да водворится с вами! Да внидет в вас! С Ним всякая пустыня – рай и вертеп – Царство. От Него пришла вам спасительная мысль удалиться навсегда от шума мирского в тишину уединения, и Он любит почивать в безмолвии сердца – и глас Его слышится только в тишине. Помолись и о мне, чтобы и я в служении моем Церкви Его Святой никакого другого гласа не слышал, кроме Его единого – для вас сие удобно, а для меня многотрудно.

Служение в облачении архимандричьем предоставляю в полной воле вашей – ежели вы находите, что для безмолвия вашего лучше отложить сии знаки

чести, то буди по воле вашей. Конечно, Господь смотрит на внутреннее только украшение горницы сердца нашего и в приготовленную ему верою и любовью обитель души нашей благоволит войти Причащением Святых Таин Своих.

Призывая на вас благословение Божие, с искреннейшею к вам любовью имею навсегда пребыть вашего преподобия усерднейший слуга и богомолец,

*Филарет, епископ Калужский.
4 апреля 1824 года⁶¹*

СТРОИТЕЛЮ ОТЦУ МОИСЕЮ (ПУТИЛОВУ)⁶²

Преподобному отцу Моисею
со всею во Христе Иисусе братиею
о Господе радоваться.

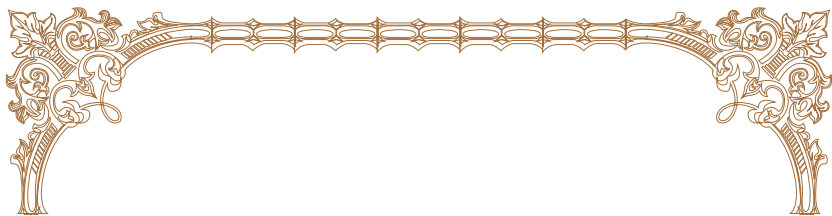
Приношу вашему преподобию искреннейшую мою благодарность за память вашу о моем недостоинстве. Всегда с пастырскою любовью приемлю любезные писания ваши и вас взаимно поздравляю с Новым годом. Молю Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Пречистую, Преблагословенную Матерь Его Пресвятую Богородицу, да святая и всегда мне любезная обитель ваша преуспевает от силы в силу постническими и молитвенными подвигами боголюбивой братии. Сердечно радуюсь о благодати Господа Бога, что и смиренный скит наш, по неизреченному милосердию Его, изобилует благословениями и небесными и земными. Подвизайся, брат, в управлении вверенной

тебе паствы неослабно, уповаю на всемогущую помощь Отца нашего Небесного. Близ Господь всем призывающим Его во истине. Хотя отстою от вас телом, но дух мой никогда не разлучается с святою обителью вашею. Всегда об ней молюсь Господу Богу и прошу ваших святых молитв о моем недостойнстве. Посылаю благословение Божие и пастырскую любовь мою преподобнейшему отцу архимандриту Мельхиседеку, старцу схимонаху Вассиану и христолюбивому строителю и попечителю скита любезнейшему Дмитрию Васильевичу и всей во Христе братии. Его превосходительство, истинный сын Церкви, Михаил Иванович Чадаев обещал доставить вам сию грамотку. Примите его с отеческой любовью. Ваш всегда усердный богомолец,

Филарет, архиепископ Казанский.

26 января 1834 года.

Казань

Письма святителю Филарету (Амфитеатрову)

НАСТОЯТЕЛЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
АРХИМАНДРИТА МОИСЕЯ
(ПУТИЛОВА)

Письмо 1⁶³

Высокопреосвященнейший владыко!
Милостивейший архипастырь и отец!

Нося в сердце моем святительское покровительство Вашего Высокопреосвященства, неперменным долгом имею принести святейшей особе вашей мое смиренное поздравление с приближающимся всерадостным днем тезоименитства Ангела Вашего Высокопреосвященства, с искренним желанием и молением. Да умножит премилосердый Господь дни жизни вашей во благоденствии к пользе Св<ятой> Церкви на многая лета.

Примите, святейший архипастырь, сыновнюю мою признательность с сродною вам благосклонностью

и продолжите милостивое ваше благоволение и молитвенное ходатайство ко Господу о моем недостойнстве и со вверенной мне обители и скитской братией.

Мысленно припадая к святейшим стопам и лобызая благословляющую святительскую десницу вашу, за счастье почитаю пребыть неизменно с глубочайшим к особе Вашей благоговением и преданностью.

Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Ноября <...> дня 1844 года

ПИСЬМО 2⁶⁴

Высокопреосвященнейший владыко!

Милостивейший архипастырь и отец!

Нося в сердце духовную мою преданность к святительским милостям и покровительству, обильно изливаемым на меня от Вашего Высокопреосвященства, священным долгом поставляю принести святейшей особе вашей мое смиренное поздравление с приближающимся всерадостным днем тезоименитства Ангела Вашего Высокопреосвященства, с искренним от души моей желанием многолетнего здоровья и к пользе благоденствия в служении Церкви Божией; а вместе с сим принимаю смелость всенижайшее испрашивать архипастырского благословения и молитвенного ходатайства у Господа о моем недостойнстве и о вверенной мне обители со скитом.

С глубочайшим к особе вашей благоговением и сыновнею преданностью пребыть за счастье почитаю

Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Ноября <...> дня 1845 года

Письмо 3⁶⁵

Высокопреосвященнейший владыко!

Милостивейший архипастырь и отец!

Удостоясь великих милостей, благодеяний и покровительства от Вашего Святейшества, я, нижайший, священным долгом поставляю свидетельствовать мое смиренное поздравление с приближающимся все-радостным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства, с искренним от души моей желанием многолетнего здоровья в святительском служении Вашего Святейшества к пользе и благоденствию Церкви Божией и Отечества.

Примите, святейший иерарх, сыновнюю мою по духу преданность и с природною вам благосклонностью продолжите милостивое свое благоволение к моему недостоинству и ко вверенной мне обители молитвенным ко Господу ходатайством Вашего Высокопреосвященства.

С сыновним благоговением мысленно припадая к святительским стопам вашим, смиренно испрашиваю архипастырского благословения и за счастье почитаю пребыть до конца жизни моей с глубочайшим к святейшей особе вашей высокопочитанием и преданностью, Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

24 ноября 1846 года⁶⁶

Оптина пустынь

ПИСЬМО 4⁶⁷

Высокопреосвященнейший владыко!
Милостивейший архипастырь и отец!

По архипастырской вашей милости и отеческой любви о Господе я, низжайший, имел счастье получить книгу душеполезных и назидательных бесед Вашего Высокопреосвященства, произнесенных к народу, – которыми и я питаю свою душу обще с братией о Христе. За таковую архипастырскую вашу милость и любовь имею честь свидетельствовать пред вами глубочайшую мою благодарность и с истинным ко особе вашей высокопочитанием и совершенною преданностью имею счастье пребыть навсегда Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

7 июня 1847 года⁶⁸

ПИСЬМО 5⁶⁹

Высокопреосвященнейший владыко!
Милостивейший архипастырь и отец!

Имея навсегда священным залогом милостивые благодеяния и покровительство Вашего Святей<ше>-ства, я, низжайший, получаю в нонешнем годе драгоценные архипастырские ваши милости: иерусалимский крест, книги святительских назидательных бесед ваших и вид Киево-Печерской лавры, – от искреннего сердца принимаю смелость свидетельствовать пред лицом Вашего Святейшества чувствительнейшую благодарность и смиренное поздравление с приближающимся всерадостным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства, со всеусердным от души моей

желанием многолетнего вам здоровья в святительском служении к пользе и благоденствию Церкви Божией и Отечества.

При сем осмеливаюсь всепокорнейше просить о милостивом принятии посылаемой пасхальной свечи для соборного храма св<ятой> лавры, приготовленной искусством обители нашей монаха Каллиста.

Примите, святейший иерарх, сыновнюю мою по духу преданность и с природною вам благосклонностию продолжите милостивое благоволение к моему недостоинству и ко вверенной мне обители молитвенным ко Господу ходатайством.

С сыновним благоговением мысленно припадая к святительским стопам вашим, смиренно испрашиваю архипастырского благословения и имею счастье пребыть до конца жизни моей с глубочайшим к святейшей особе вашей высокопочитанием и преданностию, Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

22 ноября 1847 года

Письмо 6⁷⁰

Высокопреосвященнейший владыко!

Милостивейший архипастырь и отец!

Удостоясь священного залога милостивых архипастырских благодеяний и покровительства Вашего Святейшества, я, низжайший, от искреннего сердца принимаю и ныне обычную смелость свидетельствовать смиренное мое поздравление с приближающимся всерадостным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства! – и всеусердно от души моей желание

многолетнего вам здоровья и благоденствия в святительском служении к пользе Церкви Христовой и Отечества.

Поверяя себя к святительским стопам Вашего Святейшества, смиренно спрашиваю архипастырского благословения на вверенные мне обитель и скит и молитвенного ко Господу ходатайства в подкрепление изнемогающих моих сил под бременем управления обители в теперешних преклонных моих летах. Ибо частые болезненные припадки вынуждают уже помышлять о испрошении милости на освобождение от одного для приготовления себя к переходу в вечность.

При сыновнем благоговении и совершенной преданности имею счастье пребыть до конца жизни моей с глубочайшим к святейшей особе вашей высокопочитанием, Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Ноября <...> дня 1848 года

ПИСЬМО 7⁷¹

Высокопреосвященнейший владыко!

Милостивейший архипастырь и отец!

Неизгладимо имея в сердце залог архипастырских благодеяний и милостивого покровительства Вашего Высокопреосвященства, я, нижайший, с чувством благоговения осмеливаюсь свидетельствовать смиренное мое поздравление с приближающим священным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства, с искренним от души моей желанием многолетнего вам здоровья и благоденствия в святительском служении к пользе Святой Церкви и Отечеству.

В непрерывный ряд милостей и архипастырского вашего благоволения к нашему недостоинству и в нынешнем году мы удостоены чрез посещение обители нашей отцом ректором Киевской д<уховной> семинарии архимандритом Антонием⁷², которое осталось навсегда в сердцах наших с искреннею признательностью.

1849

ПИСЬМО 8⁷³

Высокопреосвященнейший владыко,
милостивейший архипастырь и отец!

С приближающимся радостным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства принимаю смелость по сыновней духовной преданности принести смиренное мое поздравление Вашему Высокопреосвященству с искренним чувством моего желания, да сохранит Господь наш Иисус Христос ваше драгоценное здоровье и благоденствие на многия лета для блага нашего и к пользе всей Святой Православной Церкви и Отечества.

Повергаясь мысленно к архипастырским стопам Вашего Высокопреосвященства, смиренно испрашиваю святительского вашего благословения и молитвенного ходатайства у престола благодати о моем недостоинстве и о вверенной мне обители и счастье имею пребыть во всю жизнь мою с искреннею сыновнею к особе вашей преданностью и глубочайшим высокопочитанием Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца.

Ноября <...> дня 1850 года

ПИСЬМО 9⁷⁴

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Благоговая к священной особе Вашего Высокопреосвященства, с сыновнею преданностью и благодарным чувством за излианные на мое недостоинство благодеяния осмеливаюсь свидетельствовать пред вами смиренное мое поздравление с радостным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства и искреннее мое желание вам на многа лета святительствовать для блага Православной Российской Церкви и Отечества в совершенном здравии и благоденствии.

Повергаясь мысленно к святительским стопам, смиренно испрашиваю архипастырского благословения и молитвенного ходатайства у престола Божия о вверенной мне обители и о моем недостоинстве, изнемогающем и оскудевающем в силах под бременем старости.

Имею счастье пребыть с истинным благоговением и сыновнею преданностью к особе Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца.

Ноября <...> дня 1851 года

ПИСЬМО 10⁷⁵

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Предстательством святительских молитв Вашего Высокопреосвященства премилосердый Господь ниспослал средство и помощь нашей обители издать

и окончить печатанием книги «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство в духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников».

Первым священным долгом имею представить при сем эту книгу Вашему Высокопреосвященству⁷⁶ и, повергаясь к святейшим стопам, смиренно испрашиваю милостивейшего благоволения удостоить благосклонного принятия и не лишить недостойнство мое, обитель и скит архипастырского благословения Вашего Высокопреосвященства и молитвенного ходатайства у престола благодати.

С искренним благоговением и совершенною преданностью имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

12 августа 1852 года

ПИСЬМО 11⁷⁷

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Удостоившись священного залога милостивых архипастырских благодеяний и покровительства Вашего Святейшества и незабвенно нося оные в сердце, я, низжайший, осмеливаюсь свидетельствовать от искреннего чувства смиренное мое поздравление со всерадостным днем (1 декабря) Ангела Вашего Высокопреосвященства! Примите, святейший иерарх, от преданного сыновнего сердца усердное желание вам многолетнего здоровья и благоденствия в святительском служении к пользе и утверждению Православной Святой Церкви и Отечества.

Повергаясь к святительским стопам Вашего Святейшества, смиренно испрашиваю архипастырского благословения на себя и на вверенные мне обитель и скит и не лишите молитвенного ходатайства у престола благодати.

С благоговением и сыновнею преданностью имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Ноября 18 дня 1852 года

ПИСЬМО 12⁷⁸

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Священным долгом имею представить при сем Вашему Высокопреосвященству вновь изданные книги из переводов молдавского старца арх<имандрита> Паисия – творения препод<обных> отец: Симеона Нового Богослова и Феодора Исповедника Студийской обители, которые, предстательством святительских молитв Вашего Святейшества, Господь благо<по>спешил издать трудами обители нашей и скита в печати и в душевную пользу монашествующим.

Милостивейший архипастырь и отец! Всенижайше общецерковно просим: удостойте милостивого принятия этой слабой дани от сыновних преданных сердец и не лишите мое недостойнство, обитель и скит святительского благословения и молитвенного ходатайства у престола благодати.

С благоговением и сыновнею преданностию имею счастье повергнуться к стопам Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря.

Июня <...> дня 1853 года

ПИСЬМО 13⁷⁹

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

С благоговением нося в сердце моем священный залог архипастырских благодеяний и покровительства, излианных от Вашего Святейшества на мое недостойнство, осмеливаюсь с сыновнею преданностию свидетельствовать смиренное мое поздравление с приближающимся радостным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства, не отриньте, милостивейший иерарх, усердное желание от искреннего сердца Вашему Святейшеству многолетнего здравия, во благоденствии и радости святительствовать к утверждению и охранению Святой Православной Церкви и для счастья и освящения преданных оной чад Божиих.

Повергаясь к архипастырским стопам Вашего Святейшества, смиренно испрашиваю на мое недостойство и на обитель и скит святительского благословения и молитвенного предстательства у престола благодати.

С благоговением и сыновнею преданностию имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Ноября 21 дня 1853 года

ПИСЬМО 14⁸⁰

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Священною обязанностью имею представить при сем на архипастырское воззрение Вашего Высокопреосвященства усердное приношение от Оптиной пустыни вновь изданной книги «Преподобного Максима Исповедника толкование на молитву “Отче наш” и его же Слово постническое»*. Предстательством святительских молитв Вашего Высокопреосвященства Господь благопоспешил обители нашей издать в печати эту книгу в душевную пользу жаждущим спасения.

Повергаясь к архипастырским стопам, всенижайше прошу удостоить милостивого принятия сие приношение этой слабой дани от преданных сердец, и не лишите мое недостоинство, обитель и скит святительского благословения и молитвенного ходатайства у престола благодати.

С благоговением и сыновнею преданностью имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Декабрь 1 дня 1853 года

* *Максим Исповедник, прп.* Преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на молитву “Отче наш” и его же Слово постническое по вопросу и ответу. М., Козел. Введ. Оптина пустынь, 1853.

ПИСЬМО 15⁸¹

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Священным долгом имею представить при сем на архипастырское воззрение Вашего Высокопреосвященства усердное приношение Оптиной пустыни – вновь изданную книгу святого Исаака Сирина «Слова духовно-подвижнические» перевода блаженной памяти старца Паисия Молдавского, которую представительством святительских молитв Вашего Высокопреосвященства Господь благопоспешил и подал помощь издать в печати трудами обители нашей и скита в душевную пользу монашествующих.

Повергаясь к святительским стопам Вашего Высокопреосвященства, общебратственно всенижайше просим удостоить милостивого принятия эту книгу как слабую дань преданного сыновнего сердца.

Милостивейший иерарх! Не лишите мое недостойнство и все о Христе братство обители и скита вашего архипастырского благословения.

7 мая 1854 года

ПИСЬМО 16⁸²

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Нося в сердце священный залог архипастырских благодеяний, излианных чрез Ваше Святейшество на мое недостойнство, осмеливаюсь свидетельствовать смиренное мое поздравление с радостным днем Ангела

Вашего Высокопреосвященства. Не отриньте, милостивейший иерарх, усердное желание от искреннего сердца Вашему Святейшеству святительствовать в совершенном здравии, благоденствии и радости к утверждению и охранению Православия Святой Церкви и для счастья чад Божиих.

Повергаясь к архипастырским стопам, смиренно испрашиваю на мое недостоинство и на обитель и скит святительского благословения и молитвенного предстательства у престола благодати.

С благоговением и сыновнею преданностью имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Ноября 23 дня 1854 года

ПИСЬМО 17⁸³

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Священным долгом имею представить при сем на архипастырское воззрение Вашего Высокопреосвященства новоотпечатанную книгу «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников»*, в русском переводе с греческого, которую представительством святительских молитв Вашего Высокопреосвященства Господь подал помощь и средства

* *Варсануфий Великий, прп.; Иоанн, прп.* Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников : пер. с греч. М. : Унив. тип., 1855.

издать в печати трудами обители нашей и скита в душевную пользу монашествующих.

Повергаясь к святительским стопам, общебратственно всенижайше просим Ваше Высокопреосвященство удостоить милостивым принятием усердное приношение Оптиной пустыни как слабую дань сыновней преданности и не лишить мое недостоинство, обитель и скит архипастырского благословения и молитвенного ходатайства у престола благодати.

С сыновним благоговением и совершенною преданностью имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Июля 2 дня 1855 года⁸⁴

При сем осмеливаюсь донести Вашему Высокопреосвященству о себе: по преклонным моим летам (74-х) крепость сил крайне ослабевает, чувствую во всем своем составе ветхость и оскудение. Смирненно умоляю милостивейшего моего иерарха испросить свыше помощи моему недостоинству в подкрепление оскудевающих сил, доколе угодно будет Всевышнему продлить мою жизнь.

ПИСЬМО 18⁸⁵

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Впечатленный неизгладимо в сердце моем священный залог архипастырских благодеяний и покровительства Вашего Святейшества возбуждает мое недостоинство исполнить долг сыновней преданности

в приношении смиренного моего поздравления с радостным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства! С благоговейным чувством осмеливаюсь желать Вашему Святейшеству совершенной радости о Господе и укрепления сил ко благоденствию и охранению Святой Православной Церкви и счастья чад Божиих.

Повергаясь к святительским стопам, всепокорнейше испрашиваю на мое недостойнство и на обитель и скит архипастырского благословения и молитвенного предстательства у престола Божия.

С совершенною сыновнею преданностью и благоговением к особе вашей имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Ноября <...> дня 1855 года

ПИСЬМО 19⁸⁶

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

С чувством искреннего сыновнего благоговения и преданности осмеливаюсь свидетельствовать смиренное мое поздравление с наступающим радостным днем Ангела Вашего Высокопреосвященства, – с желанием от всех моих чувств души, да продлит милосердый Господь многия лета драгоценной жизни Вашего Святейшества к ограждению Православия Святой Церкви и для счастья и укрепления духовных чад оной.

Повергаясь к святейшим стопам Вашего Высокопреосвященства, смиренно испрашиваю на мое недостойнство и на святую обитель и скит святительского

благословения и молитвенного предстательства у престола Божия. Имею счастье пребыть с искренним сыновним благоговением и беспредельною духовною преданностию к святейшей особе Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца.

Ноября 24 дня 1856 года

ПИСЬМО 20⁸⁷

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Небесный дар – архипастырское благословение Вашего Святейшества, сообщенное чрез отца еkkлeсиарха Мелетия⁸⁸ моему недостоинству, вместе обители и скиту, много обрадовало и ободрило меня, изнемогающего по летам (75) под бременем управления, возложенного свыше Вашим Святейшеством.

По неизгладимому чувству сыновней преданности и благоговения, я, нижайший, осмеливался беспокоить вашу особу письменно выражением поздравления с радостным днем Ангела вашего, отнюдь не смея при том утруждать ожиданием вашего архипастырского ответа.

Осмеливаюсь при сем доложить Вашему Высокопреосвященству, что о утверждении комплекта на скит еще не получено, ожидаем в уповании на благодать Божию.

Бесценное архипастырское благословение и молитвенное предстательство у престола Божия Вашего Святейшества моему недостоинству и обители и скиту пребудут для нас спасительным покровом.

С сыновним благоговением и совершенною преданностью имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

1857 года, января 19

ПИСЬМО 21⁸⁹

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

По долгу моему доношу Вашему Высокопреосвященству: досточтимый подвижник старец схимонах Вассиан, по крайней старости и слабости своей, 7-го сего сентября утром исповедан был и приобщен Святых Христовых Таин, пополудни особорован и в 7 часов вечера, в начале всенощного бдения, при крестном знамении своею рукою почил о Господе в совершенной памяти. Тело его по чиноположению предано земле в скиту сего 10 числа.

Повергаясь к стопам Вашего Святейшего, осмеливаясь испрашивать святительского молитвенного предстательства у престола благодати о почившем старце схимонахе Вассиане и не лишить мое недостойнство, обитель и скит архипастырского благословения.

С благоговением и сыновнею преданностью имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Сентября 10 дня 1857 года

ПИСЬМО 22⁹⁰

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Благоговая к священной особе вашей, с сыновнею преданностью и благодарным чувством за излиянные на мое недостойнство благодеяния осмеливаюсь и ныне свидетельствовать смиренное мое поздравление с наступающим днем Ангела вашего, с искренним общебратственным нашим желанием Вашему Святейшеству встретить сей день в радости и продолжить драгоценную и благотворную жизнь вашу на многие лета для блага Отечества и утверждения Святой Православной Церкви.

Повергаясь к святейшим стопам вашим, смиренно испрашиваю на мое недостойнство, обитель и скит святительского благословения и молитвенного предстательства у престола благодати.

Имею счастье пребыть с сыновнею преданностью и сердечным к особе вашей благоговением Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца...

Ноября <...> дня 1857 года⁹¹

**СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА МАКАРИЯ
(ИВАНОВА)⁹²**

Ваше Высокопреосвященство,
милостивый архипастырь и отец!

Благоволение Вашего Высокопреосвященства на устроение при Оптиной пустыни скита по вашему благословию и ныне простирается: вы изволили милостиво наградить оный благословением круга служебных книг (в числе 22) для скитской нашей церкви, и, что для нас всего дороже, книги оные запечатлены архипастырским вашим подписанием⁹³. Вместе со всеми оказанными вами нашему скиту милостями и сия архипастырская Вашего Высокопреосвященства отеческая милость будет вечным памятником для проходящих в оном и впредь проходить имеющих подвиги иноческого жительства.

Мы не в состоянии изъяснить словом чувствуемые нами благодарности за все ваши архипастырские благодеяния скиту нашему. Но сердца наши всегда исполнены благоговейной преданности и сыновней любви к Вашему Высокопреосвященству.

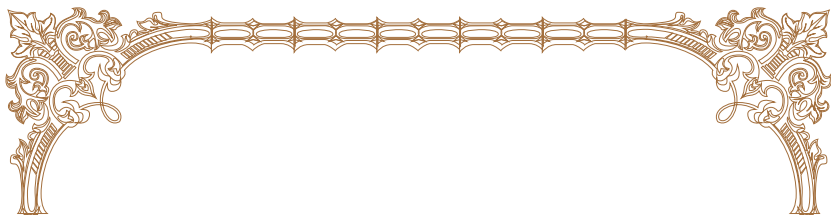
Скит наш по благословию и молитвам Вашего Высокопреосвященства существует уже 36 лет, и ныне по молитвам же вашим получил наименование скита и от Святейшего Правительствующего Синода высочайше утвержденное прибавление к штату обители 12 монашествующих из послушников ваканций. С тем, чтобы из одного числа помещалась братия и в скит. Таким образом, надеемся, что и существование скита

на будущее время утверждено. Зная, что и в этом деле В<аше> Высокопреосвященство принимали милостивое участие и мы обязаны вам благополучным решением дела, молим и будем молить Господа, да воздаст Он вам за все ваши милости к нам, недостойным и не могущим даже выразить нашей беспредельной вам благодарности.

Испрашивая святых архипастырских молитв и благословения Вашего Высокопреосвященства и лобызая мысленно святит<ельскую> десницу вашу с чувствами сыновней и почтительной любви и глубочайшего высокопочитания, имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства...

С благоговением повергаясь мысленно к стопам Вашего Высокопреосвященства, приносим вам нашу почтительнейшую благодарность за вновь полученное нами доказательство благоговения Вашего Высокопреосвященства к нашему скиту, основанному по благословию вашему.

<после августа 1857 года>

Примечания

- ¹ Схимонах Иоанникий (Руфов; † 30.04.1815) – из пономарей с. Толстошеева Жиздринского уезда Калужской губернии. 12 сентября 1802 года определен в Оптину пустынь, а 29 марта 1806 года пострижен в монашество. Сначала находился в штате Калужского архиерейского дома, а после увеличения штата 9 апреля 1809 года – зачислен в Оптину пустынь. В апреле 1810 года пострижен в схиму и проходил послушание на пчельнике.
- ² Монах Мисаил (Герасимов; † 18.08.1836) – из солдат. 1 декабря 1773 года вступил на военную службу из крестьян с. Гнездилово Мосальского уезда Калужской губернии. 3 июля 1804 года определен в Оптину пустынь, но с 1807 года находился в Тульском архиерейском доме. 30 июня 1811 года переведен по прошению в Оптину пустынь, где 23 декабря 1813 года пострижен в монашество. Исполнял послушание лесного сторожа и помощника пчельника. Погребен с северной стороны Введенского собора.
- ³ Монах Феофан (Талунин; † 15.07.1819) – родился во Владимирской губернии. 15 мая 1789 года вступил на службу Черноморского казачьего войска Васюринского куреня. Участвовал в сражениях. В 1791 году уволен по болезни и поступил в Софрониеву пустынь, а затем перешел в Нямецкий монастырь в Молдавии. Не позднее 1795 года поступил в Оптину пустынь, где определен. 7 марта 1800 года и исполнял послушание пономаря. 18 сентября 1801 года формально был перемещен в Пафнутьев Боровский монастырь. 26 сентября 1801 года – пострижен в монашество.

9 апреля 1809 года после увеличения штата определен в Оптину пустынь указом. С 1809 года по 21 декабря 1810 года находился в Малоярославецком Николаевском монастыре, затем снова в Оптиной пустыни. Скончался и погребен в рославльских лесах у реки Балдачевки. 27 декабря 2016 года канонизирован в лике местночтимых святых Смоленской митрополии.

- ⁴ Игумен Авраамий (†14.01.1817) – происходил из граждан г. Рузы Московской губернии. В 1789 году поступил в Николаевский Пешношский монастырь, а 18 мая 1790 года определен в братство. 6 апреля 1791 года пострижен в монашество, 10 мая рукоположен во иеродиакон, а 10 января 1792 года – во иеромонахи. 24 сентября 1796 года определен настоятелем в Оптину пустынь, в которой 3 октября принял церковное имущество. В 1801 году произведен во игумены Лихвинского Покровского Доброго монастыря, но по прошению оставлен в Оптиной пустыни в должности строителя. Был благочинным монастырей Калужской епархии. В августе 1815 года подавал прошение об увольнении по болезни («прошу... позволить мне жительство иметь в сей же пустыни в уединенной келлии»), которое осталось без удовлетворения. Погребен на паперти Введенского собора, после постройки придела святителя Николая Чудотворца в 1835 году место захоронения оказалось внутри храма. На левой стене придела в храме была прикреплена серебряная доска в красивой рамке с памятной надписью. В настоящее время к наружной стене паперти придела прикреплена мраморная доска, повторяющая историческую надпись.

- ⁵ Архимандрит Даниил (Кушнев; † 02.06.1835) – из духовного сословия и приходился родственником митрополиту Филарету (Амфитеатрову). Окончил Орловскую духовную семинарию. Служил священником в Брянском градском соборе. 1 ноября 1809 года поступил в Орловский архиерейский дом, где был ризничим. 20 октября 1819 года был перемещен в Калуский архиерейский дом и исполнял послушание эконома. 21 февраля 1820 года пострижен в монашество, а 26 сентября 1820 года произведен во игумены и определен настоятелем в Оптину пустынь. В 1825 году перемещен настоятелем в Лихвинский Покровский Добрый монастырь с возведением в сан архимандрита. В 1827 году назначен настоятелем Трубчевского

Спасо-Чолнского монастыря Орловской епархии. Скончался и погребен там же.

- ⁶ Иеросхимонах Афанасий (Степанов; † 31.12.1844) – из мещан г. Калуги. В 1788 году поступил в Николо-Пешноский монастырь, а в 1793 году определен в Московский Богоявленский монастырь. 21 августа 1795 году переведен в Оптину пустынь. 8 декабря 1796 года пострижен в монашество. 7 января 1797 года рукоположен во иеродиакон, а 24 марта 1800 года – во иеромонахи. Исполнял клиросное послушание и был духовником в Оптиной пустыни. В 1805 году поселился в рославльских лесах. 19 октября 1805 года определен в Белобережскую пустынь, затем был в Брянском Свенском монастыре, вновь возвращался в рославльские леса. В 1820–1821 годах намеревался вернуться в Оптину пустынь, в скит, однако не вернулся. Скончался 31 декабря 1844 года и погребен в Свенском монастыре.
- ⁷ Монах Досифей († 22.12.1828) – из однодворцев г. Карачева Орловской губернии. Пострижен в монашество в Площанской пустыни, затем около 40 лет проводил пустынножизнь в лесах Рославльского уезда Смоленской губернии. Был восприемником при постриге преподобного Моисея Оптинского. В октябре 1827 года поступил в скит Оптиной пустыни. Скончался более 75 лет, в монашестве 50 лет. Погребен в скиту.
- ⁸ Преподобный Моисей (Путилов; 1782–1862), схиархимандрит. Из купцов г. Москвы. Родился в г. Борисоглебске Ярославской губернии. Обучался дома. 5 мая 1805 года отбыл от мира в монашество, а 13 мая поступил в Успенскую Саровскую пустынь. Странствовал по обителям: Белобережской, Площанской, Софрониевой, Глинской, Свенской, Оптиной. В 1807 году поступил в Саровскую пустынь для богомолья. Указом от 23 марта 1808 года уволен из купечества для поступления в какой-либо монастырь. В начале июля 1809 года поступил в Брянский Успенский Свенский монастырь, где 14 июля определен. С 1812 года находился в рославльских лесах Смоленской губернии, в лесных дачах г. Броневской, где пострижен в рясофор. 24 августа 1819 года пострижен в монашество келейно. 6 июня 1821 года поступил в Оптину пустынь, где 2 марта 1822 года определен. 3 июня 1822 года был открыт монашеский постриг игуменом Даниилом (Кушневым) в новоустроенном храме в скиту. 24 декабря

1822 года рукоположен во иеродиакон, а 25 декабря во иеромонахи епископом Калужским Филаретом (Амфитеатровым) и назначен общим духовником. С 14 марта 1825 года исполнял должность настоятеля Оптиной пустыни.

⁹ Преподобный Антоний (Путилов; 1795–1865), схиигумен. Родился в г. Романове Ярославской губернии. Обучался дома. С 1809 по 1812 год работал в Москве. 4 января 1816 года удалился на пустынное жительство в рославльские леса Смоленской губернии, где 15 января одет в подрясник. 2 февраля 1820 года пострижен в монашество иеросхимонахом Афанасием (Степановым), а восприемник был его родной брат преподобный Моисей Оптинский. 3 июня 1821 года оставил пустынное житие и 6 июня поступил в Оптину пустынь, где 2 марта 1822 года определен в число братства. 23 декабря 1822 года открыт монашеский постриг. 24 августа 1823 года рукоположен во иеродиакон, а 15 августа 1827 года – во иеромонахи. С 1825 года управлял скитом. 30 ноября 1839 года перемещен в Малоярославецкий Николаевский монастырь. 24 января 1853 года уволен на покой в Оптину пустынь.

¹⁰ Монах Савватий (Васильев; † 23.12.1833) – из дворовых людей сельца Можевой Рославльской округи Смоленской губернии. 21 марта 1820 года пострижен в монашество. 2 марта 1822 года определен в Оптину пустынь, где был портным и в течение 14 лет келейником преподобного Антония Оптинского. Погребен в скиту.

¹¹ Иеромонах Иракий (Дранкин) – из мещан г. Карачева Орловской губернии. Примерно с 1820 года подвизался в рославльских лесах. 6 июня 1821 года поступил в Оптину пустынь, где 2 марта 1822 года определен. 24 февраля 1824 года пострижен в монашество, 13 сентября 1824 года рукоположен во иеродиакон, 15 декабря 1827 года – во иеромонахи. Исполнял послушание ризничего и чередное служение. 10 мая 1829 года перемещен в Мещовский Георгиевский монастырь. В 1830 году перемещен строителем в Калужскую Тихонову пустынь. 18 апреля 1835 года по прошению уволен от должности строителя Тихоновой пустыни и определен в Оптину пустынь. 11 ноября 1838 года по прошению перемещен в Московский Златоустовский монастырь.

- ¹² Схимонах Вассиан (Гаврилов; † 07.09.1857) – из дворовых людей помещицы Ф.С. Филатовой Мосальского уезда Калужской губернии. Овдовел и 7 сентября 1808 года отпущен на волю. В апреле 1810 года поступил в Калужский Лаврентьев монастырь, откуда 13 ноября 1814 года по желанию определен в Оптиную пустынь. Жил на пасеке, на месте будущего скита со схимонахом Иоанникием (Руфовым). 2 марта 1818 года пострижен в монашество, а 20 сентября 1820 года в схиму. За непослушание и неповиновение начальству указным предписанием запрещалось ношение схимы. Скончался 97 лет от роду. Погребен в скиту.
- ¹³ ОР РГБ. Ф. 213. К. 105. Ед. хр. 36. Л. 1–1 об.; 20-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского : К пустынноикам рославльских лесов Смоленской губернии // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 1. С. 3–4.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 213. К. 105. Ед. хр. 36. Л. 2–2 об.; 23-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 4. С. 121–122.
- ¹⁵ Иеромонах Феодосий († 29.08.1829) – из мещан г. Москвы. В 1781 году был уволен от общества, и поступил в Брянскую Белобережскую пустынь, где находился два года, затем находился в Софрониевой пустыни полтора года, затем в Тихвинской пустыни один год и три месяца. В 1785 году из Тихвинской пустыни по прошению перемещен в Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь Архангельской епархии. В 1791 году пострижен в монашество, а в 1793 году рукоположен во иеромонахи и назначен строителем Пертоминского монастыря. 22 декабря 1802 года за финансовую недостачу уволен от должности строителя и определен в Сийский монастырь с запрещением в священнослужении. 19 мая 1803 года разрешено священнослужение. В 1804 году переведен в монастырь Архангела Михаила в г. Архангельске. 31 декабря 1810 года перемещен в Оптину пустынь, где исполнял чередное священнослужение и был бельевщиком. Некоторое время общим духовником. Место погребения не указано, вероятно, вблизи Введенского собора.

- ¹⁶ Иеромонах Илари́й (Дейкин; †17.08.1836) – из мещан г. Гжатска Смоленской губернии. В 1800 году поступил в Оптину пустынь, где 3 июля 1804 года определен. 13 марта 1805 года переведен в Калужский архиерейский дом. В 1806 году возвращен. 30 марта 1807 года пострижен в монашество. 17 октября 1809 года рукоположен во иеродиакон, а 25 октября 1810 года – во иеромонахи. Нес послушание портного, рухлядного, исполнял чередное служение и был духовник обители в 1827–1835 годах. Погребен с северной стороны Введенского собора.
- ¹⁷ Иеромонах Афанасий (Казанский) – из духовного звания, сын дьячка церкви Преображения Господня, окончил 4 класса Калужского уездного училища. 4 июля 1805 года 18 лет определен в Оптину пустынь. 13 мая 1816 года пострижен в монашество и 20 декабря рукоположен во иеродиакон, а 30 октября 1821 года во иеромонахи. Исполнял послушание клиросного, помощника погребнического, пономаря, просфорника, в хлебне, чередное служение и ризничего. В 1822 году перемещен в Перемышльский Троицкий Лютиков монастырь на должность казначея. 6 октября 1831 года перемещен ризничим в Калужский архиерейский дом. 4 ноября 1852 года перемещен в Калужскую Тихонову пустынь.
- ¹⁸ Схиархимандрит Пафну́тий (Осмоловский; † 23.06.1891) – из дворян Орловской губернии. 4 мая 1825 года канцеляристом поступил на службу в Севское уездное казначейство, 5 мая 1827 года перемещен в Орловскую казенную палату, а 15 сентября 1831 года уволен со службы и в том же году поступил в Оптину пустынь, где 29 января 1836 года был определен. 27 мая 1839 года пострижен в монашество. 8 сентября 1839 года рукоположен во иеродиакон, а 30 января 1843 года во иеромонахи. Исполнял послушание уставщика и клиросного. С декабря 1853 года определен скитона начальником. С 26 февраля 1854 года – духовник пустыни. 8 ноября 1862 года назначен настоятелем в Малоярославецкий Николаевский монастырь, а 21 ноября возведен во игумены. 17 апреля 1886 года возведен в сан архимандрита. Скончался 75 лет, погребен на монастырском кладбище. Перед смертью пострижен в схиму.
- ¹⁹ Архиепископ Ювенали́й (Половцев; 1826–1904) – дворянского рода потерявших титул князей, перешедших в казаки и вновь

получивших дворянство в 1702 году. Родился в г. Ораниенбауме. Окончил курс первым в артиллерийском училище в Санкт-Петербурге. Вышел в отставку артиллерии подпоручиком. 15 марта 1847 года поступил в Оптину пустынь, где 8 февраля 1850 года определен. 29 февраля 1852 года пострижен в рясофор, а 29 апреля 1855 года в скитской церкви пострижен в монашество. 8 ноября 1856 года рукоположен во иеродиакон, а 11 июля 1857 года во иеромонахи. Исполнял послушания переpletчика, клиросного, чередное служении. 22 октября 1857 года перемещен в состав Российской духовной миссии во Иерусалим. 14 апреля 1861 года по прошению уволен от должности члена Миссии. 10 ноября 1861 года назначен настоятелем Глинской Рождество-Богородицкой пустыни с возведением в сан игумена. 8 мая 1862 года перемещен в настоятели Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. 15 августа 1862 года возведен в сан архимандрита. 31 декабря 1867 года назначен заместителем Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 26 июня 1871 года по прошению вследствие слабости здоровья уволен от должности заместителя лавры с помещением в Оптину пустынь. 22 мая 1884 года назначен заместителем Киево-Печерской Успенской лавры. 2 октября 1892 года назначен епископом Балахнинским, викарием Нижегородской епархии. 25 октября 1892 года хиротонисан во епископа. 3 сентября 1893 года назначен епископом Курским и Белгородским. 7 марта 1898 года назначен архиепископом Литовским и Виленским. Был почетным членом Киевской и Казанской духовных академий. Скончался в Вильно. Погребен в Свято-Духовом монастыре.

- ²⁰ Архимандрит Леонид (Кавелин; 1822–1891) – из потомственных дворян Калужской губернии, сын отставного штабс-ротмистра. Родился в с. Спас-Волженское Вяземского уезда Смоленской губернии. После окончания Калужской мужской гимназии с 1835 по 1840 год обучался в 1-м Московском кадетском корпусе и за отличные успехи в учебе и такое же поведение произведен в офицеры Императорской гвардии. 6 марта 1852 года по прошению уволен со службы в звании гвардии капитана лейб-гвардии Волынского полка, 21 марта поступил в Оптину пустынь. На следующий день одет в подрясник и помещен в скит. 29 апреля 1854 года определен. 28 февраля 1855 года

пострижен в рясофор, а 7 сентября 1857 года пострижен в монашество. Исполнял послушание клиросного и канонарха в скиту, занимался составлением обозрения древностей в монастырской библиотеке, вел Летопись скита, был переводчиком. 20 октября 1857 года рукоположен во иеродиакон, а 22 октября во иеромонахи. 14 ноября 1857 года выбыл в состав Российской духовной миссии в Иерусалим. 19 марта 1859 года по прошению уволен по болезни, и 30 июля возвратился в Оптину пустынь. 29 ноября 1863 года назначен начальником Российской духовной миссии в Иерусалим с возведением в сан архимандрита. 16 июля 1865 года направлен в Константинопольскую посольскую церковь. 5 июня 1869 года назначен настоятелем ставропигиального Воскресенского монастыря. 3 июня 1877 года назначен наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 30 октября 1884 года избран почетным членом Московской духовной академии. 22 октября скончался после продолжительной болезни. Погребен за алтарем Духовской церкви Троице-Сергиевой лавры, надгробие сохранилось.

²¹ Иеромонах Вассиан (Докин; † 28.05.1859) – из экономических крестьян деревни Кочергино Дмитровской округи Московской губернии. Сначала поступил в Пешношский Николаевский монастырь, а 5 октября 1823 года – в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. 17 февраля 1826 года пострижен в монашество. 5 июля 1826 года рукоположен во иеродиакон. 25 мая 1829 года перемещен в Пешношский монастырь. В 1831 году рукоположен во иеромонахи. 3 сентября 1832 года перемещен в Московский Данилов монастырь. 28 июня 1844 года поступил в скит Оптиной пустыни с намерением остаться. 17 августа 1844 года выбыл в Данилов монастырь. 30 мая 1853 года вновь поступил в Оптину пустынь. 29 октября 1853 года определен по прошению в число больничных сей пустыни. Скончался в возрасте около 60 лет. Погребен в скиту.

²² Иеросхимонах Флавиан (Маленков; 24.03.1823–30.05.1890) – из купцов г. Орла. В 1843 году поступил в Оптину пустынь, а 18 августа 1849 года определен. 29 февраля 1852 года пострижен в рясофор, а 29 апреля 1855 года пострижен в монашество. 14 июня 1858 года рукоположен во иеродиакон, а 29 августа 1862 года – во иеромонахи. Исполнял послушание пономаря

в скиту, при ризнице, был келейником старцев Макария и Илариона, а 23 сентября 1862 года казначеем. 7 января 1890 года пострижен в схиму. Погребен с южной стороны Введенского собора возле часовни старца Илариона, на могиле был установлен мраморный памятник, в настоящее время гранитный.

- ²³ Преподобный Иларион (Пономарев; 1805–1873), иеросхимонах. Из купеческих 3-й гильдии детей г. Саратова. В 1838 году поступил в Оптину пустынь. 18 сентября 1843 года пострижен в рясофор, а 13 августа 1849 года в монашество. 10 февраля 1853 года рукоположен во иеродиакон, а 21 апреля 1857 года – во иеромонахи. Был в разных послушаниях, келейником, исполнял чередное служение, с 8 апреля 1863 года утвержден общим духовником и управляющим скитом. 9 марта 1872 года был келейно пострижен в схиму. Погребен между Введенским собором и Казанским храмом. На месте погребения в 1875 года была установлена чугунная часовня.
- ²⁴ Игумен Варлаам (Давыдов; † 26.12.1849) – из купцов г. Москвы. Поступил в Валаамский монастырь при игумене Назарии, где был пострижен в монашество и рукоположен. Был настоятелем монастыря в сане игумена. По старости оставил настоятельство и удалился в скит при Валаамском монастыре. 7 февраля 1839 года после донесения императору о беспорядках в монастыре его самого Святейший Синод определил под особый надзор настоятеля Оптиной пустыни. 3 марта 1839 года прибыл в скит Оптиной пустыни. Указом от 6 мая 1841 года оставлен навсегда. Исполнял чередное служение. Скончался на 73 году, погребен в скиту.
- ²⁵ 21-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского : К строителю Калужской Оптиной пустыни // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 2. С. 41–42.
- ²⁶ 24-е письмо высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского : К строителю Калужской Оптиной пустыни // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 5. С. 169–170.
- ²⁷ Четвертый пункт: «на первый раз пусть будет у них начальником отец Вассиан, которого увольте из обители туда к ним в келлии, а с ним отпустить мальчика, из Курска к нему присланного»

отсутствует в архивном варианте письма (ОР РГБ. Ф. 213. К. 105. Ед. хр. 36. Л. 2 об.) и не публиковался в оптинском издании (*Л[eonид (Кавелин)]*, *и[ером]*). Историческое описание скита во имя св. Иоанна Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. 2-е изд. СПб., 1862. С. 16–17). Причиной, вероятно, послужило то, что схимонах Вассиан впоследствии противился священноначалию монастыря, выступая против введения старчества в обители.

²⁸ 25-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского : К строителю Калужской Оптиной пустыни // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 6. С. 225–226.

²⁹ Вероятно, иеродиакон Иоасаф, направленный еще 24 июля 1804 года из Лихвинского Покровского Доброго монастыря «под начало» в Оптину пустынь. В январе 1805 года он перемещен из рабочей избы в братскую келлию, а 1 апреля того же года по прошению определен в число братства обители с разрешением священнослужения. К чтению и пению был способен замечательно, но склонен к невозддержности. 18 февраля 1815 года вновь перемещен в Покровский Добрый монастырь, а оттуда 14 апреля 1820 года опять переведен в Оптину пустынь. В 1825 году вновь перемещен в Покровский Добрый монастырь.

³⁰ Иеромонах Филарет (Тимаков; † 09.12.1864) – из мещан г. Калуги. В 1812 году поступил в Оптину пустынь, но уволен от общества для поступления только 14 января 1815 года, после чего определен 16 февраля. 3 марта 1818 года пострижен в монашество, а 25 августа 1819 года рукоположен во иеродиакон. Исполнял послушания погребничего, келейника игумена Авраамия, чередное служение. При игумене Данииле в 1820-х годах был перемещен в Московский Новоспасский монастырь, где был рукоположен во иеромонахи и назначен наместником. 3 марта 1843 года по болезненному состоянию уволен от должности наместника и определен в Оптину пустынь. Погребен на против северной паперти Введенского собора.

³¹ 26-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского : К строителю Калужской Оптиной пустыни // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 7. С. 273–274.

- ³² 27-е письмо высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 8. С. 321–322.
- ³³ Иеромонах Гавриил († 31.12.1842) – из мещан г. Карачева Орловской губернии. 15 августа 1807 года в Брянской Белобережской пустыни пострижен в монашество. В том же году произведен во иеродиаконы, а 5 сентября 1809 года во иеромонахи и исполнял обязанности ризничего. 14 июля 1810 года определен в Карачевский Одрин монастырь. 29 ноября 1812 года определен в Валаамский монастырь. 18 мая 1823 года прибыл в Оптину пустынь и 17 ноября определен в скит, но в 1830 году перешел в обитель. 14 октября 1836 года назначался духовником монастыря, но должности не исправлял. 16 октября 1840 года определен казначеем. Скончался на 62-м году и погребен с северной стороны Введенского собора.
- ³⁴ Будущий преподобный Оптинский старец – преподобный Лев (Наголкин; 1768–1841), иеросхимонах. Происходил из мещан г. Карачева Орловской губернии. Работал приказчиком у купца Сокольников в г. Болхове. В 1797 году поступил в Оптину пустынь, а в 1799 году перешел в Брянскую Белобережскую пустынь. В 1801 году пострижен в монашество, 22 декабря рукоположен во иеродиаконы, а 24 декабря – во иеромонахи. В 1804 году определен строителем. Добровольно оставил начальство и в период с 1808 по 1810 год жил в пустынной келлии, где был пострижен в схиму. 10 марта 1811 года перемещен по прошению в Валаамский монастырь и жил в скитах. 22 июня 1817 года перемещен в число больничных Александро-Свирского монастыря. В 1829 году из Александро-Свирского монастыря по желанию перешел в Оптину пустынь. 2 декабря 1836 года исключен из штата. Скончался 11 октября 1841 года и погребен 13 октября с восточной стороны Введенского собора у алтаря святителя Николая Чудотворца.
- ³⁵ Иеросхимонах Антиох был близким учеником старца схимонаха Феодора (Пользикова; 1756–1822). Происходил из орловского купечества, впоследствии был духовником Свирской обители. Скончался 27 октября 1832 года и похоронен по завещанию вместе со своим старцем.

- ³⁶ 28-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 9. С. 369–370.
- ³⁷ 29-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 10. С. 417–418.
- ³⁸ Васильчикова Анна Кирилловна, урожденная графиня Разумовская, – фрейлина императрицы Екатерины II, в 1797 году передала все свое состояние мужу и постриглась в монахини под именем Агния. Нежно любя отца, она часто навещала его в Батуристине, останавливаясь при этом в Киеве, в Флоровском монастыре. Скончалась в калужском монастыре 20 июня 1826 года. 14 писем святителя Филарета к ней были опубликованы в Полтавских епархиальных ведомостях в 5–6, 8–19 номерах за 1865 год.
- ³⁹ 30-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 11. С. 473.
- ⁴⁰ 31-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 12. С. 521–522.
- ⁴¹ 32-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 13. С. 3.
- ⁴² 33-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 14. С. 41.
- ⁴³ 34-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 15. С. 89.
- ⁴⁴ 35-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 16. С. 137–139.
- ⁴⁵ Иеромонах Ферапонт (Иванов; † 04.12.1827) – из духовного звания. Ранее служил в Троицкой церкви г. Боровска, но овдовел. Был запрещен в священнослужении и исполнял должность пономаря. 9 июня 1809 года отправлен в Оптину пустынь «под начал», а 17 августа определен по прошению. 23 декабря

1813 года пострижен в монашество и 19 января 1814 года допущен к священнослужению. Был «склонен к пьянству и роптанию», «склонен к невоздержанности», «подвержен к всегдашнему пьянству», от чего запрещался в священнослужении за невоздержание. В 1824 году «вел себя трезво». Исполнял послушания пекаря, чередное служение, в 1821–1822 и в 1826 годах был общим духовником. Погребен, вероятно, с северной стороны Введенского собора.

⁴⁶ Иеромонах Феофилакт был сыном причетника. 27 октября 1810 года определен в Малоярославецкий Николаевский монастырь, где 6 августа 1815 года пострижен в монашество. Переводился в Пафнутьев Боровский и в Перемышльский Троицкий Лютиков монастыри. 30 марта 1821 года перемещен в Оптину пустынь. Собирал пожертвования на монастырь в Екатеринославской губернии, исполнял чередное служение и был клиросным. После 1823 года перемещен в Мещовский Георгиевский монастырь, а в декабре 1841 года вновь перемещен в Добрый монастырь под строгий надзор.

⁴⁷ Схиархимандрит Мелхиседек (Короткий; 1761–1841) – происходил из купцов г. Белгорода. В 1782 году поступил в Пешношский Николаевский монастырь. 3 сентября 1786 года пострижен в монашество, 22 октября рукоположен во иеродиакон, а 8 ноября во иеромонахи. Перемещался: в 1788 году в Тихвинский монастырь, в 1791 году в Свято-Троицкий Александроневский монастырь с назначением ризничим, а 18 июля 1795 года определен наместником. 1 августа 1795 года произведен во игумены Новгородского Устюжского Моденского монастыря. В 1797 году назначен настоятелем в Ростовский Яковлевский монастырь и возведен в сан архимандрита. В январе 1806 года написал прошение на увольнение по состоянию здоровья. По указу от 21 мая 1806 года от должности освобожден и отправлен на покой в Курский Знаменский монастырь. В марте 1807 года по прошению перемещен в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. 11 ноября 1807 года назначен настоятелем в Арзамасский Спасский монастырь Нижегородской епархии, а 17 ноября 1808 года назначен благочинным монастырей епархии. 11 апреля 1810 года перемещен в Спасо-Евфимиев Суздальский монастырь. В 1814 году подавал

- прошение на увольнение по состоянию здоровья, но прошение отклонено. 16 мая 1818 года перемещен на покой в Пешношский Николаевский монастырь, а в 1819 году перемещен в Московский Симонов монастырь. В 1823 году приехал в Оптину пустынь, где в 1824 году определен по прошению на покой. В 1837 году пострижен в схиму. Погребен напротив Крестовоздвиженского придела возле горнего окна.
- ⁴⁸ 36-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 17. С. 185–186.
- ⁴⁹ 37-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 18. С. 223–224.
- ⁵⁰ Иеросхимонах Пимен (Андреев; † 29.04.1827) – родом из мещан г. Белева Тульской губ. В 1809 году поступил в Оптину пустынь вдовым, а 26 сентября 1819 года определен. 27 февраля 1821 года пострижен в монашество, 11 марта 1821 года рукоположен во иеродиакона, а 5 апреля 1824 года – во иеромонахи. Исполнял послушания при пчельне, погребничего, чередное служение и духовника. Был весьма добрый и набожный старец. Погребен возле алтаря святого великомученика Георгия с левой стороны.
- ⁵¹ Письмо почивающего в Бозе преосвященного Филарета, митрополита Киевского, писанное в бытность его епископом Калужским, к настоятелю Оптиной Калужской пустыни // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1865. № 7. С. 201–203.
- ⁵² 38-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 19. С. 271–272.
- ⁵³ 22-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 3. С. 81–82.
- ⁵⁴ Здесь имеется в виду письмо иеросхимонаху Афанасию (Степанову) от 24 апреля 1821 года.
- ⁵⁵ 40-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 21. С. 371–372.

- ⁵⁶ В Летописи скита Оптиной пустыни сохранились слова святителя Филарета, которые он произнес при посещении обители 20–21 мая 1842 года: «При выходе из настоятельских келлий, когда схимонах Вассиан просил высокопреосвященного, чтобы простить его и возвратить ему схиму, то высокопреосвященный делал ему отеческое наставление, чтобы он стяжал смирение и повиновение начальникам, во-первых, ко игумену, к скитскому начальнику, на его высокопреосвященство чтобы не полагался. И, обратясь к отцу игумену Моисею, сказал: “Попросите преосвященного возвратить ему (Вассиану) схиму”» (ОР РГБ. Ф. 214. Опт. 359. Л. 43 об.).
- ⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 213. К. 105. Ед. хр. 37. Л. 1–1 об.
- ⁵⁸ Перед обращением вверх на полях карандашом написано: «Это черновое собств<енно>ручное> руки Калужского еп<ископа> Филарета к прокурору Св<ятейшего> Синода по случаю доноса на опт<инского> игумена Даниила 1824 г<ода>».
- ⁵⁹ Приписано карандашом: «Прислано владыкой к иг<умену> Даниилу при письме – 4 апреля 1824 г<ода>. После этого иг<умен> Даниил произведен архимандритом в Добринский монастырь с управлением и Опт<ино>ю пустыню. А отец Моисей как общий духовник, ему поручено смотрение за братиею под руководством Даниила. У игумена Даниила дочь жила в Оптиной на гостинице, которую он отсюда выдал за Карачевского стряпчего, потом и сам из Добринского перешел в Чолнский монастырь Орловской епархии, там и умер. А о<тец> Моисей в Оптиной утвержден строителем епископом Григорием I. Это сказывал иер<одиакон> Палладий, ученик иг<умена> Авраамия, все это примечательно».
- ⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 213. К. 85. Ед. хр. 21. Л. 1–2.
- ⁶¹ В начале письма вверх написано: «Получено апреля 5-го дня 1824 года с иеромон<ахом> Пименом». В конце письма вниз написано: «Послан ответ апреля 8-го дня 1824, почтой».
- ⁶² 39-е письмо высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Киевского // Полтавские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. 1866. № 20. С. 323–324.
- ⁶³ ОР РГБ. Ф. 213. К. 86. Ед. хр. 24. Л. 85 об.
- ⁶⁴ Там же. К. 87. Ед. хр. 1. Л. 44 об.
- ⁶⁵ Там же. К. 87. Ед. хр. 2. Л. 222.

- ⁶⁶ В дневнике письмоводителя иеромонаха Евфимия (Трунова) отмечается, что 24 декабря 1846 года был «прислан из Киева портрет митрополита Филарета, Киевского и Галичского, бывшего по 1825 год епископом Калужским; написан живописцем иеромонахом Иринархом Киев<ской> лавры (переведен из Белобережской пустыни) на холсте, поясной» (ОР РГБ. Ф. 213. К. 63. Ед. хр. 1. Л. 84 об.).
- ⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 213. К. 87. Ед. хр. 2. Л. 255.
- ⁶⁸ В Летописи скита Оптиной пустыни отмечается о выходе в январе 1847 года книги «Житие и писания молдавского старца Паисия (Величковского). С присовокуплением предисловий на книги святых Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником, старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве» и о послании ее с письмом митрополиту Киевскому Филарету (ОР РГБ. Ф. 214. Опт. 360. Л. 84–85 об.). Видимо, книга «душеполезных и назидательных бесед» послана святителем Филаретом в благодарность о получении первой.
- ⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 87. Ед. хр. 2. Л. 263 об.–264.
- ⁷⁰ Там же. Ед. хр. 3. Л. 2.
- ⁷¹ Там же. Л. 2 об.
- ⁷² Племянник и воспитанник святителя Киевского Филарета будущий архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров; 1815–1879) был ректором Киевской духовной семинарии в 1845–1850 годах. Архимандрит Антоний посетил оптинский скит 5–6 января 1849 года проездом из Киева в Санкт-Петербург на чреду священнослужения (ОР РГБ. Ф. 214. Опт. 360. Л. 119–119 об.).
- ⁷³ ОР РГБ. Ф. 213. К. 87. Ед. хр. 3. Л. 6.
- ⁷⁴ Там же. Л. 8.
- ⁷⁵ Там же. Л. 9 об.
- ⁷⁶ В дневнике письмоводителя иеромонаха Евфимия отмечается, что книга была послана «митрополиту Филарету Киевскому в золотом обреze» (ОР РГБ. Ф. 213. К. 63. Ед. хр. 1. Л. 138).
- ⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 213. К. 87. Ед. хр. 3. Л. 29 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 31.
- ⁷⁹ Там же. Л. 29.
- ⁸⁰ Там же. Л. 28.

- ⁸¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 87. Ед. хр. 3. Л. 48 об.
- ⁸² Там же. Л. 8 об.
- ⁸³ Там же. Л. 30–30 об.
- ⁸⁴ В дневнике письмоводителя иеромонаха Евфимия отмечается: «Отправлены через почту при письмах новоотпечатанные книги “Преподобного Варсанофия Великого... в русском переводе” к митрополитам... Филарету Киевскому» (ОР РГБ. Ф. 213. К. 63. Ед. хр. 1. Л. 20 (1855)).
- ⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 213. К. 87. Ед. хр. 3. Л. 62.
- ⁸⁶ Там же. Л. 72.
- ⁸⁷ Там же. Л. 76.
- ⁸⁸ Архимандрит Мелетий (Антимонов; † 17.10.1865) – из купеческих детей г. Курска. В 1831 году поступил в скит Оптиной пустыни, а 31 июля 1835 года определен. Пострижен в рясофор и исполнял послушание клиросного. 13 августа 1838 года перемещен в Калужскую Тихонову пустынь, где определен 13 сентября. Пострижен и рукоположен во иеродиаконя не позднее 1845 года. За послушание приглашен в Киево-Печерскую лавру митрополитом Филаретом (Амфитеатовым) и выбыл из Тихоновой пустыни в 1845 году. 28 сентября 1846 года рукоположен во иеромонаха в Крестовоздвиженской церкви. С 1847 года был келарем, а с 1850 года состоял в должности экклезиарха. 27 мая 1862 года был возведен в сан архимандрита. Скончался в Киево-Печерской лавре, где и отпет 19 октября 1865 года. Погребен в Китаеве, около церковной стены с левой стороны.
- ⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 87. Ед. хр. 3. Л. 84.
- ⁹⁰ Там же. Л. 86.
- ⁹¹ Это последнее поздравительное письмо. В Летописи скита Оптиной пустыни 21 декабря 1857 года отмечается: «В 8 часов утра скончался великий святитель, высокопреосвященный митрополит Киевский Филарет» (ОР РГБ. Ф. 214. Опт. 361. Л. 389 об.–390). А в дневнике письмоводителя иеромонаха Евфимия 26 декабря 1857 года имеется следующая запись: «Четверток через почту из Москвы получена печальная весть в Оптиной пустыни, что 21 декабря по телеграфу известили в Москву из Киева о кончине того же 21 декабря Киевского митрополита Филарета – незабвенного покровителя Оптиной пустыни и основателя при сей пустыни Предтеченского скита. И что

22 числа, в воскресенье, Московский митрополит Филарет при болезненном своем положении почтил память соборным своим служением панихиды, с выражением, что Киевский митрополит Филарет – “столп и пример святой жизни и Православия, взят на небо, а на земле, в земном Отечестве – России – утрата чувствительная”» (ОР РГБ. Ф. 213. К. 63. Ед. хр. 1. Л. 33 об. (1857)). 29 января 1858 года было «совершено поминовение – 40-й день памяти Киевского митрополита Филарета, в схиме Феодосия». (Там же. Л. 2 (1858)).

⁹² Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам / сост. С.О. Захарченко. Петрозаводск, 2014. Т. 2. С. 367, 616–617.

⁹³ В Летописи скита Оптиной пустыни отмечается: «В начале сего [августа] месяца в[ысокопреосвященный] Филарет, митрополит Киевский, с оказиею прислал в нашу обитель и в скит полный круг богослужебных книг, каждая за его собственноручною подписью, – в благодарность за книги нашего издания, присланные лично для него, в лавру, Киевскую академию и семинарию» (ОР РГБ. Ф. 214. Опт. 361. Л. 366 об.).
